АЛЛА БЕЛЯКИНА

ЧЕЛОВЕК - ЛЕГЕНДА

THE HUMAN BEING AS A LEGEND

Алматы 2009

Алла Белякина, молодой талантливый литературовед и журналист, написала документальную повесть о Каюме Мухамедханове, изучив архивные материалы и свидетельства истории о судьбе ученого, абаеведа, шакаримоведа, автора первого Государственного Гимна Казахстана, репрессированного за научные идеи о литературной школе Абая. Жизнь и судьба Каюма Мухамедханова – это некий эталон совести, пример умения оставаться человеком и сохранить человеческое достоинство.

Профессор, доктор наук Дина Мухамедхан перевела эту повесть на английский язык, находясь в США, в 2005-2006 гг. Ее коллега, доктор Кимберли Крук, отредактировала перевод.

© Общественный фонд «Центр образования и культуры имени Каюма Мухамедханова

ЭТАЛОН СОВЕСТИ

Судьба Каюма Мухамедханова – это некий эталон Совести, – не сломленной, не униженной предательством, не запятнанной корыстью и тщеславием; редкий пример умения не разочаровываться в людях вопреки всем невзгодам и невероятным испытаниям, которых выпало на его долю немало.

Мысли Каюма, высказанные в разных жизненных ситуациях, и его жизненные поступки являются примерами сохранения общечеловеческих ценностей, человеческого достоинства. Эти мысли–часть культурного наследия:

***

"Человек умирает всего лишь один раз. Я тогда думал так: если я и погибну, то что моя смерть, когда такие люди, как алашевцы, погибли…"

***

"Лучше умереть, чем клеветать. Как можно жить с ложью!

***

"У меня нет чувства мести, но оскорбленная моя человеческая совесть толкнула меня довести до Вашего сведения вышеизложенное…"

***

"Чистота моей души и совести дает мне силы и надежду, что я вернусь к вам" (из письма детям).

***

"Живите честно. Будьте скромными. Оставайтесь людьми" (завет детям).

***

“Тому человеку, кто познал Абая и каждый свой шаг сверяет по нему, гораздо легче будет преодолевать жизненные невзгоды. И ему не надо никаких других моральных кодексов. Только побольше бы таких людей”.

***

“Кто-то выдумывает ложь. Кто-то готов верить этой лжи. Кто-то ищет ложной славы. Разве мы можем называться народом, если не будем думать?”

***

“Счастье – это быть свободным, говорить правду и не бояться ничего. Только так надо жить! Это – главное для человека”.

***

ЧЕЛОВЕК - ЛЕГЕНДА

Родная земля – золотая колыбель,
Из гнезда твоего вылетел я.
Пока глаза мои не сомкнутся навек,
Как могу я жить без тебя?

Возврати к себе, родная земля Семея,
И на небольшом кусочке твоем
Свободно и просторно будет мне…

Каюм Мухамедханов,
Карлаг, 1952 год.

ГАРМОНИЯ ЛИРИКИ И ФИЗИКИ

Абая называют Солнцем казахской поэзии. Но на звездном небосклоне есть и Луна, которая, отражая яркий солнечный свет, помогает отыскивать дорогу в темноте неизвестности. Именно таким светом во тьме незнания стали отточенные и выверенные работы Каюма об Абае.

Абай был первым среди Поэтов. Каюм стал первым среди Абаеведов.

Непониманием и одиночеством подчас расплачивался Абай за свое первенство. Лишением свободы и тюремными пытками рассчитался Каюм за свое право сказать об Абае правду.

Абай ушел из этого мира 23 июня 1904 года. Ровно сто лет и 7 дней спустя – 30 июня 2004 года ушел из жизни Каюм Мухамедханов. Но в смерти есть и миг возрождения. Быть может, оттого-то скорбная поминальная дата, отсчитавшая сорок дней со дня смерти Каюма, и совпала с 10 августа – днем рождения Абая по старому стилю…

Но, однако, все это – лирика. Эмоциональная. Экзальтированно-восторженная. Наверное, субъективная. Уж точно – не претендующая на истину в последней инстанции. Но все же имеющая под собой реальную основу.

Эта основа отражена хотя бы в одном только перечне достижений, заслуг и званий Каюма Мухамедханова. Автор первого гимна Казахстана и основоположник научного абаеведения, педагог и писатель, поэт и переводчик, член Союза писателей СССР и создатель музея Абая, лауреат Государственной премии Республики Казахстан и Золотой медали Международной Академии Абая (Лондон), первый лауреат Международной премии Абая Союза писателей Казахстана и обладатель первой Медали международной литературной премии «Алаш», профессор, отличник просвещения КазССР и СССР, почетный гражданин Семипалатинска, Аягоза, Жана-Семейского и Абайского районов Восточно-Казахстанской области, автор более 500 опубликованных трудов – все это этапы жизни одного человека!

А творческих взлетов и трагических коллизий в судьбе Габдулкаюма Мухамедханова было столько, что их с лихвой хватило бы не на один человеческий век. Имя его еще при жизни стало легендой. Но легендой, в

основе которой лежат отнюдь не мифы. Вооружившись главным принципом самого Мухамедханова (факты, дотошный поиск, опора на документальный материал), мы приглашаем читателя совершить путешествие в этот удивительный каюмовский мир, в котором поэзия так изысканно сочетается с чуть ли не математически точным научным подходом, а быль так легко достигает легендарных масштабов…

Глава 1.
ИЗГНАННИК ИЗ БЕЛОЙ ЮРТЫ

Если белый лепесток розы опустить в грязный сосуд, он скоро сморщится и начнет смердить, – гласит восточная мудрость. Маленькому Каюму не грозила эта участь. Одаренный небесами чистой душой и множеством талантов, он с самого раннего детства оказался в столь благоприятной для себя атмосфере, что заурядный путь, серая жизнь или алчные цели были просто невозможны. Природный дар и особая семейная атмосфера благородства, высокой внутренней духовности и любви стали той тетивой, которая несла «стрелу» судьбы Мухамедханова все к новым и новым вершинам. Даже тогда, когда казалось, что это – падение…

Мухамедхан Сейткулов был ярким представителем духовной элиты казахского народа конца XIX – начала XX веков. Ни основательное и прочное финансовое благополучие, ни возможность почивать на лаврах всеобщего уважения никак не сказались на его внутреннем благородстве, стремлении к знаниям, преклонении перед искусством. Быть может, потому в его доме было хорошо всем. В том числе, конечно, и его второму ребенку и первому сыну Каюму. Мальчишке на всю жизнь запомнилось то счастливое и красивое время. Великолепный дом (в районе нынешнего Жана-Семея, носившего до революции имя Зареченской слободки а с 1917-го до 1930-го – Алаш), построенный вблизи мечети Тыныбай, был по желанию отца отделан австрийскими мастерами. Лепные фигурки яблок и других фруктов, масляные краски, использованные в отделке, изящная мебель из красного дерева создавали атмосферу тепла и уюта. А богатейшая библиотека, занимавшая целую комнату и включавшая в себя практически всю мировую классику, притягивала в дом Сейткуловых множество интересных людей.

Здесь можно было найти как шедевры русской, европейской или восточной литературы, так и первое издание Абая 1909 года, стихи Шакарима, Байтурсынова, Дулатова, Жумабаева, Торайгырова; подшивки газет «Казах» и «Сары-Арка», «Таржиман» и «Дала уалаяты»; журналы «Айкап», «Абай» и «Записки императорского русского географического общества»; татарские издания – журнал «Шура», газету «Уакыт» и многое другое.

Сам же хозяин не только читал на казахском, русском, татарском, арабском языках, собирал народные исторические поэмы, но и слыл щедрым меценатом. Именно им, например, финансировалось издание журнала «Абай», выходившего под редакцией Ж.Аймаутова и М.Ауэзова, а также – газеты «Сары-Арка». А дом был постоянно открыт как для маститых писателей, так и для молодых талантов. Здесь велись бурные дискуссии об истории, культуре и литературе, о прошлом и будущем своего народа. Здесь зарождался первый казахский театр. Здесь постоянно кипели яркие мысли, рождались свежие идеи. Здесь частыми гостями бывали Шакарим, Кокпай, Торайгыров, Байзаков, Кашаубаев, Аймаутов, Алмагамбет, Жумабаев, Букейханов, Турлыханов, Тынышпаев, Дулатов – словом, те, чей вклад в историю и культуру отечества и по сей день составляет золотые страницы в летописи славы и чести Казахстана.

…Но времена становились все более жесткими. Порывы социальных бурь, все основательней разрушавших «старый мир», донеслись и до степного Прииртышья. Сначала в 1921 году у семейства Сейткуловых конфисковали дом. Хозяевам оставили лишь две комнаты, передав остальную часть казахской начальной школе № 20. Эта школа в прямом смысле слова стала родной для Каюма. Еще бы, ведь приходя сюда на занятия, мальчик приходил в родовой дом!

В 1928-ом – еще одна волна пролетарской борьбы с «эксплуататорским классом». В числе почти сотни арестованных, среди которых оказался и сын Абая Микаэл, взят под арест был и Мухамедхан Сейткулов. Его, правда, вскоре освободили, но лишили почти всего ценного. Спустя много лет Каюм будет рассказывать уже собственным детям, как видел слезы на глазах отцовских лошадей, которых безжалостные плети гнали в чужие стойла. Навсегда ушли в прошлое благословенные времена летних выездов на джайляу в Кокен, счастливые сны под шаныраком белых юрт, терпкость свежего кумыса. Семья была изгнана и из последних двух комнат

собственного дома. На оставшиеся сбережения отец купил у Тыныбая 4-комнатный дом.

В том же 1928-ом Каюм окончил начальную школу и… А вот продолжения, казалось, можно не ждать. Перед сыном бая захлопывались двери советских учебных заведений. Спустя два года в городе открылась семилетняя школа колхозной молодежи, куда мальчик безнадежно мечтал попасть. Однако вскоре эта мечта о продолжении учебы засветила вновь. Однажды в дом Мухамедхана Сейткулова зашел его давнишний друг Турлыхан Касенов: «Мухамедхан-ага, открывается семилетка. Меня назначают директором. Вот пришел к вам посоветоваться по квартирному вопросу – в городе у меня жилья нет». Разве мог хозяин этого радушного дома не помочь почти родному для себя человеку? «Не надо искать жилье и терять время. Живи у меня, места в моем доме всем хватит». Вскоре Турлыхан Касенов переехал из Аягоза в Семипалатинск и, поселившись в доме Сейткулова (здесь, кстати, родился и Болат Турлыханов – отец известного борца Даулета Турлыханова), начал работать в школе, куда вскоре был принят и Каюм. Позже он не раз рассказывал о своем любимом учителе, который часами мог наизусть читать Абая и Арипа, играть на домбре. После отца именно Касенов стал для Каюма проводником в упоительный мир художественного слова.

В 1932-ом Советская власть отобрала у Сейткулова и этот дом, вместо которого пришлось довольствоваться маленькой хибаркой на улице Солдатской в центре Семипалатинска. Уже тогда было понятно – это еще не последняя капля горечи в семейной пиале. Но несмотря ни на что Мухамедхан Сейткулов и мысли не допускал о спасении собственной жизни ценой бегства с родной земли.

Каюм же, закончив семилетку, пошел работать, одновременно учась на двухгодичных учительских курсах, затем в педагогическом институте, хватаясь за любой приработок, чтобы помочь родным. Но все же в эти годы в его судьбе было немало и счастливых дней. На курсах казахского языка он познакомился с красивой девушкой, поражавшей всех своим обаянием, спокойствием, тактом, образованностью и жизненной мудростью, столь редкой для юных обладательниц длинных кос. В 1936 году Фархинур, дочь муллы Семипалатинской двухминаретной мечети, правнучка знаменитых ташкентских священнослужителей, стала женой молодого преподавателя.

…24 ноября 1937-го пришлось на месяц Рамазан. Семейство Мухамедхана Сейткулова держало пост Ураза. Уже была прочтена молитва, отведаны, как положено, перед рассветом яства… Вдруг послышался топот копыт и раздался очень сильный стук в дверь. В дом вломились трое вооруженных людей. Они крикнули главе семейства: «Встать, вы арестованы!».

Мухамедхан Сейткулов, сидевший рядом с люлькой первенца Каюма, не успел толком и понять что произошло. Его арестовали вместе с сыном. Но если Каюма выпустили уже на следующий день, то о судьбе отца семья долго ничего не знала. Вскоре в одном из кабинетов «грозного» ведомства кто-то сказал им, что его, как одного из участников антисоветской группы мусульманского духовенства, осудили на 10 лет без права переписки и сослали в Сибирь. И только спустя много десятилетий, уже в 1990-х, потомки Сейткулова узнали, что всего через три дня после ареста он был расстрелян. Место захоронения праха так и осталось неизвестным. А у семьи не осталось не только фотографий родного лица (они тоже были конфискованы вместе с вещами, библиотекой, драгоценностями), но и могильного камня. Единственным вознаграждением за годы безвестности и мучительных переживаний стало принятое 25 апреля 1989г. решение комиссии по применению ст.1 Указа Президиума Верховного Совета СССР «О дополнительных мерах по восстановлению справедливости в отношении жертв репрессий…» о признании Мухамедхана Сейткулова реабилитированным.

Но это будет много позже, а тогда, в 37-ом, Каюм Мухамедханов ощутил на себе, что значит в этой стране быть сыном «врага народа». Его исключили из института. Газеты не уставали писать о «сыне бая – врага народа, не имеющем права учиться и находиться рядом с порядочными людьми». Вот с этим шлейфом «отверженного» Каюм и пошел работать: разгружал вагоны, закидывал уголь в топки, устраивался в разные конторы, чтобы поддержать свою семью и родных. И долго добивался того, чтобы его восстановили в институте…

Глава 2.
ВОСХОЖДЕНИЕ К ВЕРШИНАМ ТВОРЧЕСТВА

Но никакие невзгоды не могли сломить творческих порывов души. Каюм Мухамедханов очень рано начал заниматься поэзией. Сохранились некоторые из первых стихотворений, написанных сначала на латинице, а затем (с начала 1940-х) – и на кириллице. Это – лирические откровения о родной земле, о любви, поэтические рассказы о батырах, о Москве и Киеве.

Печатный дебют молодого поэта состоялся в 1937-ом. Семипалатинская газета «Екпинди» разместила на своих страницах стихотворение «Шаттык толгауы». А уже в следующем году на конкурсе, посвященном 75-летию творческой жизни Жамбыла, поэма-толгау Каюма, названная именем знаменитого акына, заняла первое место. В мае того же года он принял участие в торжествах, посвященных юбилею этого степного поэта. А к концу 1930-х Мухамедханов был уже автором 20 опубликованных стихотворений и двух поэм, создателем литературного перевода на казахский язык популярной музыкальной комедии азербайджанского композитора У.Гаджибекова «Аршин мал алан». В 1939 году Каюм принял участие во втором съезде Союза писателей Казахстана от Семипалатинской области. А с 1940 года он – член Союза писателей СССР.

Конец 1930-х годов стал временем открытия и литературно-критического таланта Каюма Мухамедханова. В это время из-под его пера выходят статьи о постановках театра по пьесам Ауэзова «На границе», Мусрепова «Кыз Жибек», Хусаинова «Боран», Сагирова «Ер Таргын»; о первом казахском кинофильме «Амангельды», о Горьком, Островском, о творчестве семипалатинских поэтов. В 1939 году республиканский журнал «Литература и искусство» публикует статью Мухамедханова, написанную им вместе с Е.Исмаиловым, «О творческой работе Семипалатинского казахского театра имени Абая».

Но, наверное, самым важным делом, определившим всю будущую жизнь Каюма, в эти годы стала научно-изыскательская работа, посвященная главному имени казахской литературы – Абаю. А вот вступить на этот путь будущему ученому помог Ауэзов.

«Имя Мухтара Ауэзова запомнилось мне с малых лет, – будет вспоминать потом К.Мухамедханов. – Однажды в нашем доме готовились к приему гостей, среди которых был и Мухтар. Что может быть интересней

для ребенка, чем игра на домбре и гармони, стихи и песни в честь прихода гостей? До сих пор в моей памяти посещение Мухтаром и его товарищами нашего дома в Жана-Семее. Мне было лет семь-восемь. Тогда во время своих пребываний в Семипалатинске он часто останавливался в нашем доме со своими друзьями». В 1925 году в доме Мухамедхана Сейткулова состоялись и первые репетиции ауэзовских пьес «Енлик-Кебек» и «Каракоз». Да и потом – во время своего обучения в Семипалатинской учительской семинарии – Ауэзов проводил немало дней в этом радушном доме. А видя способности Каюма, не только поддерживал его начинания, но и считал своим младшим братом.

Когда Мухамедханов оказался в числе студентов филологического факультета пединститута, было положено начало и их титаническому труду по изучению и сохранению творческого наследия Абая и его ближайшего окружения. Каюм оказался и в числе слушателей лекций Ауэзова по казахской литературе и вскоре начал серьезно заниматься наукой под руководством своего старшего друга и учителя. По совету Мухтара Омархановича Каюм начинает тщательное, научно обоснованное изучение творчества поэтов-учеников Абая – Акылбая Кунанбаева, Магауии Кунанбаева, Аубакира Абаева, Арипа Танирбергенова, поиском и текстологическим анализом исчезающих произведений этих поэтов, написанием их биографий. Уже тогда Каюмом Мухамедхановым была очерчена общая концепция самого понятия «Литературная школа Абая», и только за студенческие годы было опубликовано 13 статей!

При этом между ними крепли не только отношения учителя и ученика, двух исследователей жизненного и творческого пути Абая, двух литераторов. Закалялась и дружба – то самое влечение душ, которое подчас связывает людей крепче кровных уз. Причем, теплые отношения и частые встречи продолжались и тогда, когда у Каюма была уже своя семья. Фархинур заботилась о Мухтаре Омархановиче, чинила его одежду, стирала украинскую косоворотку, которую Ауэзов так любил (именно в ней он на знакомом нам снимке с Каюмом). В 1940-м году Мухтар Ауэзов, в очередной раз приехавший в Семипалатинск, как обычно остановился в доме Каюма Мухамедханова. По просьбе М.Ауэзова, мать Каюма Макыпжамал и супруга Фархинур сфотографировались в национальных костюмах молодой и пожилой женщины времен Абая, сохранившихся в

доме Мухамедхановых. Как пояснил Мухтар Омарханович, фотографии эти необходимы были театральному режиссеру А.Токпанову и художнику театра для постановки пьесы Ауэзова «Абай» с целью воссоздания исторически верного образа казахской женщины эпохи Абая. Теперь оба уникальных снимка хранятся в доме Мухамедхановых как семейные реликвии.

Мухтар-ага не просто часто останавливался в доме Каюма после своего переезда из Семипалатинска. Он был здесь членом семьи. Если же этих людей разделяли километры, они продолжали разговаривать, обсуждать научные проблемы, дискутировать в письмах. Их за все эти годы накопился целый сундук. Нередко Ауэзов, работавший над созданием своей эпопеи об Абае, просил Каюма собирать необходимые документальные свидетельства, встречаться с современниками Абая, которым посчастливилось общаться с поэтом, уточнять подробности, обозначать расположение аулов и т.д.

Забегая вперед, скажем, что вся переписка Ауэзова и Мухамедханова, способная пролить свет на историю создания романа-эпопеи «Путь Абая», отражающая значительный этап литературной и научной жизни великого писателя и талантливого ученого, была конфискована в 1951 году при аресте Мухамедханова. Огромный пласт историко-культурного наследия сгинул в «гэпэушных» архивах. Уникальные эти письма так и не вернули, сколько бы потом семья не обращалась с запросами в КГБ и иные инстанции.

Безрезультатным было и обращение по этому поводу К.Мухамедханова в 1981 году в ЦК КП Казахстана. В том письме Каюм Мухамедханович писал: «…При моем аресте органами МГБ было изъято много книг из моей личной библиотеки, исторических документов, среди которых особую историческую ценность представляют письма М.О.Ауэзова, адресованные мне в годы его работы над эпопеей «Путь Абая». Для создания научно-творческой биографии М.О.Ауэзова, над которой я сейчас работаю, одним из важных исторических материалов и являются эти письма. Неоднократные мои попытки заполучить эти письма, начиная с 1955 года, не увенчались успехом…».

Чудом в архиве Мухамедханова сохранился листок из черновика письма Каюма своему учителю: «*Мухтар-ага! Я отправил Вам справку, в*

которой представлена полная информация из архивов музея и других источников о жизни и творчестве Н.И.Долгополова. Борис Александрович (Б.А.Акерман – прим. авт.) съездил в Москву и познакомился с семьей и родными Нифонта Ивановича. Они выслали нам книги о Долгополове и его фотографии. А в прошлом году дочь Н.И.Долгополова написала воспоминания об отце и прислала их вместе с его фотографиями.

Мы также получили ответ на наш запрос из областного музея города Горький. В музее есть раздел Долгополова. В городе есть улица и больница, названные именем Долгополова. Эти сведения говорят о том, что Н.И.Долгополов прожил достойную жизнь.

Мы будем продолжать работу в данном направлении.

Одним словом, нам не следует слушать разные слухи о Долгополове. Нам необходимо защитить Долгополова. Что же касается Жиреншина – он живой и сможет защитить себя сам. Он будет стоять на своем…

Собаку я выкормил из щенка –
И зубы ее испытал.
Меткости я обучил стрелка
И сам мишенью стал!

(Абай)

28 июня 1950 г. Каюм»
(перевод с казахского).

Сегодня только одно это маленькое письмо способно стать основой большого научного исследования. Например, о Нифонте Ивановиче Долгополове, друге Абая, «семидесятнике», выдающемся медике, в 1884 году сосланном в Семипалатинск, с июня по август 1885 года жившего в ауле у Абая и ставшего прототипом литературного образа Федора Ивановича Павлова в романе «Путь Абая». Или – о напряженных словесных баталиях между приверженцами восстановления объективной картины былых событий и псевдоучеными, в угоду этнополитическим экзерсисам советской власти пытающимися представить в отечественном литературоведении облик Абая вырванным из «неудобной» для партийной трактовки атмосферы. Или – о семипалатинских исследователях творческого наследия и жизненного пути Абая – Каюме Мухамедханове, Борисе Александровиче Акермане. И, наконец, этот небольшой клочок

бумаги помогает в полной мере оценить катастрофический масштаб потери всей переписки Ауэзова и Мухамедханова…

Однако все это будет позже. Пока же в жизни семипалатинского ученого, как и в судьбе всей страны, наступил еще один страшный и тяжелый этап. В 1941 году разразилась Великая Отечественная война. Но и здесь Мухамедханов ощутил, сколь недоверчиво и настороженно относятся власти к потомкам «врагов народа». Таких, как Каюм, призывали в так называемую Трудовую Армию. В ее рядах он оказался в 1941-1942 годах под Свердловском и Магнитогорском. Ученый долбил кувалдой твердую землю, строил укрепительные оборонные рубежи. Он и этому «черному» труду отдавался целиком. Что, кстати, было оценено медалью. Но надсадный физический труд уже вскоре сказался на его здоровье, и в 1942 году К.Мухамедханов был госпитализирован, а затем и демобилизован.

Вернувшись в родной город, Каюм Мухамедханович вновь начал преподавать в Семипалатинском пединституте и с головой погрузился в творческую и научную работу.

Глава 3.
ДВА ГИМНА – ОДНА ИСТОРИЯ

Сколько казахстанцев когда-то каждое утро просыпались под звуки республиканского гимна! На рассвете дня вслед за главной государственной песней Советского Союза из репродукторов с торжественным пафосом неслись слова гимна Казахской ССР. Эта пафосная песнь не только сопровождала нас в торжественные мгновения, но и много лет оставалась музыкально-поэтическим символом родины.

Автору слов гимна, когда они впервые воплотились на бумаге, было всего 27 лет. Сама же история их написания началась в 1943 году. Молодой ученый и поэт Каюм Мухамедханов жил в Алма-Ате у Мухтара Ауэзова, когда последнего пригласили на заседание ЦК КП Казахстана, на которое Мухтар Омарханович взял с собой и своего ученика. На том историческом мероприятии было оглашено постановление Сталина о необходимости создать в каждой советской республике собственный гимн. Это должно было стать одним из многих мероприятий той поры, направленных на

укрепление духа патриотизма в стране. Вскоре был объявлен конкурс на лучший поэтический текст, в котором приняло участие большое число наших соотечественников, от маститых литераторов до простых любителей поэзии.

Говорят, что слишком многие из претендентов на победу мечтали видеть в числе собственных соавторов – хотя бы номинальных – самого Ауэзова. Уалихан Токпатаев, ссылаясь на рассказ К.Мухамедханова, пишет, что были и такие, кого мучила ревность к ученику из Семипалатинска: мол, тот находится рядом, и, возможно, они вместе что-то пишут. В числе таких искателей авторитетных соавторов оказался и Сапаргали Бегалин, который с особой настойчивостью просил Мухтара Омархановича подписаться под его стихами, приходя чуть не каждый день. Как-то Ауэзов сказал ему, что текст слабый. Бегалин начал переписывать и менять строфы, принося множество все новых и новых вариантов, под одним из которых мэтр все же поставил в итоге свою подпись, о чем пожалел уже очень скоро.

Каюм же сдал свой текст в комиссию и уехал в Семипалатинск. В 1945-ом его вызвали в Алма-Ату. Прямо из гостиницы его забрал Абдильда Тажибаев, лично приехавший за Каюмом и увезший его к себе домой, где молодой семипалатинский поэт был принят как почетный гость. Затем Каюма Мухамедхановича пригласил к себе Габит Мусрепов. Вот тут-то отчасти и стали понятны причины слегка навязчивого радушия. Во время разговора Мусрепов обмолвился: «Наверное, твой текст, Каюм, пройдет. Мы с Абдильдой посмотрели его, поправили немного и подписались».

Не самый приятный сюрприз ожидал Габдулкаюма Мухамедханова и в ЦК. Сам он об этом рассказывал так:

- Меня вызвали в ЦК и сообщили, что мой текст утвержден, однако в него внесены изменения, а потому у меня есть соавторы: писатель Г.Мусрепов и поэт А.Тажибаев. Я читаю текст, но он от начала до конца – мой! И лишь единственное, самое первое слово гимна «**героический** народ» заменено на «**наш** народ» (*в казахском варианте вместо «**ер** қазақ» появилось «**біз** қазақ» – прим. авт.*). Уж не знаю, почему в ЦК решили убрать мой эпитет, может, побоялись назвать собственный народ героическим, но спросил я о другом: почему эти литераторы должны стать соавторами? «Вот они, – сказали мне, – вставили слово «наш» в текст. Но

разве такую простую замену одного слова, на которую способен любой грамотный человек, можно назвать творчеством?!

Каюм был против подобной замены, впрочем, как и приписывания соавторов. С тем и ушел, не зная тогда, что его стихи уже признаны лучшими, а Мусрепов успел съездить в Москву на утверждение текста. «Соавторами» была уже получена и большая часть гонорара, а настоящему создателю гимна досталась лишь его малая часть. Уже вскоре текст опубликовали с именами трех авторов. По этому поводу состоялся банкет, на который всегда щедрый Каюм истратил доставшиеся ему крохи от гонорара. Кстати, на том торжестве Мухтар Ауэзов в довольно резкой форме высказал свое возмущение именитыми «соавторами». Правда, ничего изменить это уже не могло. Гимн так и печатался с подписью трех авторов.

Трагикомичность некоторых обстоятельств создания гимна 1945-го года на этом не исчерпывалась. Как скоро выяснилось, точно по такому же сценарию определялось и авторство музыки. Дело в том, что композиторам предлагались представленные на конкурс стихи, а те выбирали понравившиеся для написания собственной мелодии. Так талантливым музыкантом М.Тулебаевым была создана мелодия на стихи Г.Мухамедханова. Каюм и Мукан провели вместе немало часов, в творческом упоении работая над своим гимном. Два молодых человека, два полноправных автора текста и музыки сидели вместе, напевая мелодию на написанные слова. Стоит ли удивляться тому, что и под музыкальной партитурой, точно так же, как и под стихами, оказались имена трех авторов! А сегодня даже трудно сказать, на сколько нотных знаков отработали свое «авторство» Латиф Хамиди и Евгений Брусиловский. Видимо, их было не больше, чем новых звуков в стихах Каюма…

Позже Каюм Мухамедханович потратит не один год на восстановление исторической справедливости и собственных авторских прав. «*Одним из наиболее дорогих своих творений считаю текст гимна КазССР, – писал Мухамедханов в одном из обращений в ЦК КП Казахстана – Объективная партийно-научная оценка этой работе дана в «Истории КазССР» (том 5, с.229). Основным автором текста гимна, по решению жюри, был признан я, что нашло отражение в последовательности имен авторов при утверждении гимна Указом Верховного Совета КазССР. К сожалению, в многочисленных изданиях последних лет мое авторское имя игнорируется из-*

за конъюнктурных соображений. В качестве основного автора указывали то А.Тажибаева, то Г.Мусрепова, и, наконец, дошли до того, что мою фамилию исказили до неузнаваемости (казахский календарь, 1981г.)». В апреле 1989г. в письме тогдашнему секретарю ЦК Компартии Казахстана У.Джанибекову Каюм Мухамедханович приводит и более убедительные доводы: «*...то, что я являюсь единственным автором прежнего текста могут засвидетельствовать здравствующие ныне М.Абдыкалыков, С.Ахметов и Р.Ильяшев – крупные партийные работники того времени, имевшие прямое отношение к заказу на создание гимна*».

Справедливость, как ей и положено, конечно, восторжествовала. Но по своей извечной привычке, спустя много времени. В случае Мухамедханова на это ушло более сорока лет. В конце 1980-х была созвана специальная комиссия, членами которой было подтверждено и узаконено единоличное авторство текста первого казахстанского гимна, созданного Каюмом Мухамедхановым.

На этом в рассказе о создании казахского гимна можно было бы поставить точку, если бы спустя полвека история не получила неожиданного продолжения. После распада Союза обретшие суверенитет республики начали создавать новую символику. В 1992 году в Казахстане вновь был объявлен республиканский конкурс на лучший текст и музыку для Государственного гимна, и Каюм Мухамедханов опять принял в нем участие. Тексты гимнов представлялись участниками конкурса на рассмотрение комиссии под кодовыми словами. Каюм выбрал кодовое слово «Шоға» (племя рода «Уақ»). Лучшие варианты текстов, публиковались в прессе для обсуждения. Поэтическая сила, мощь слова и гордость за собственный народ, особая музыкальность слога неизменно привлекали внимание читателей. Столь же высокую оценку стихам Мухамедханова дала и профессиональная комиссия, которая по завершению первых двух туров именно эти стихи называла лучшими.

Один из членов той комиссии, известный казахстанский литератор Габбас Кабышулы заявит об этом в открытую с газетных страниц и с горечью признает, что «и на этот раз телефонное право взяло верх над профессионализмом комиссии». Чуть позже то же скажет и Герольд Бельгер, входивший в состав всех трех комиссий по выбору государственной символики Независимого Казахстана: «Помню мне лично

сразу приглянулся текст под номером 64. Он принадлежал перу Каюма Мухамедханова. И я решил, что проголосую за него, хотя знакомый поэт сразу сказал мне, что шансы у этого текста невелики. Вскоре и я понял, что в конкурсе побеждает не текст, а тот (или те), кто стоит за этим текстом».

В итоге первенство досталось стихам теперь уже даже не трех, а четырех авторов – неправдоподобно стройному союзу трех мужчин-представителей трех жузов и одной женщины. И вновь некоторые из авторов бросились за помощью к авторитетным именам. Правда, теперь уже не в сфере литературы, а в области политики – депутатам. А незадолго до этого Каюму Мухамедханову опять звонили в Семипалатинск высокопоставленные столичные абоненты, предлагавшие принять соавторов, на что Каюм ответил категоричным отказом.

Вот так, бригадным методом, да пробивной силушкой наверх был выдвинут коллективный текст-победитель. Он так и не прижился. А потому отечественные парламентарии уже следующего созыва подняли вопрос об очередном новом гимне.

Глава 4.
НАСЛЕДИЕ АБАЯ И «ВОЛЧЬЯ СТАЯ»

В одном из самых пронзительных лирических откровений Абая почти стоном звучат слова: «Есть ли яд, что не пробовал я?» Степной мудрец, чье сердце обжигала боль за Человека, человеком же был непрерывно терзаем. Наверное, не меньше терзаний выпало и на долю его произведений. А впрочем, – и на судьбу тех, кто пытался сохранять и изучать слово поэта.

Давно привыкнув к имени Абая как к какой-то постоянной высоте, мы и не задумываемся о том, что его наследие зависело всего от нескольких человек, которым ради этого пришлось жертвовать всем: репутацией, карьерой, свободой, здоровьем, жизнью, честью; ломать себя, сознательно отказываясь от привычного комфорта и семьи; сражаться за научно-обоснованное объективное слово о поэте, чьи строки мы сегодня так привычно пробегаем глазами. О том, как много сделал К.Мухамедханов для сохранения наследия Абая можно написать не одну книгу – от научного исследования до историко-политического детектива. Но напряженные

сюжетные коллизии этих потенциальных книг для Мухамедханова были реальностью. Реальностью, обернувшейся не только многолетними научными изысканиями, но и многомесячными пытками в застенках, годами лагерного заключения…

В середине 1940-х годов Мухамедханову удалось найти неизвестные рукописные списки произведений Абая и доказать их принадлежность перу великого поэта, сделать научный текстологический комментарий, ввести их в собрание сочинений. Благодаря этому в полное собрание сочинений Абая, вышедшее в 1945 году к его 100-летнему юбилею, вошли 9 новых поэтических произведений.

В 1947 году музей Абая в Семипалатинске был передан в ведение Академии наук. В это же время вышел приказ президента академии К.Сатпаева о назначении К.Мухамедханова директором музея. Каюм Мухамедханович занял этот пост, сменив быстро мелькающую череду руководителей, при выборе которых чаще всего главным доводом служили партбилеты, а не профессиональное отношение к абаеведению. Иногда это и вовсе были малограмотные люди. Я помню, как Каюм Мухамедханов рассказывал мне об одном из таких директоров, который заменил музейную экспозицию фотографиями одиннадцати пастухов – Героев Социалистического Труда. Благо, следующий директор понял, что эти люди не имеют никакого отношения к Абаю.

Позже, в период несправедливых гонений, Каюма Мухамедханова настигнут обвинения в антисоветчине и национализме за его музейную работу. В Семипалатинском архиве хранится запись протокола заседания Президиума Академии наук Казахской ССР от 28 августа 1951 года, в которой докладчик сообщает «о серьезных идеологических ошибках» в работе музея Абая: «буржуазно-националистическая антинаучная концепция «Школы Абая» оказалась в центре пропагандистской работы музея. Экспозиция некоторых разделов музея была идеологически не выдержанной. Некоторые экспонаты были посвящены душителю казахского народа Кенесары Касымову, который преподносился как защитник казахского народа. В разделах «Родственники Абая», «Семья Абая» идеализировались патриархально-родовые пережитки, цитировались выдержки из афоризмов Кунанбая – злейшего врага трудящихся казахов. В первых двух разделах были вывешены портреты и фотоснимки ханов,

султанов, биев, аксакалов, мулл, волостных управителей, аульных старшин и царских колонизаторов, а в разделе «Литературная школа Абая» экспонировались портреты и произведения политически сомнительных личностей…».

Каюма Мухамедханова сняли с поста директора музея. Сам Каюм-ага рассказывает об этом так: «Меня обвинили в том, что я создал биографический отдел, представив в экспозиции баев и ханов. Но если бы не было султана Кунанбая, откуда мог бы появиться Абай? А не будь султана Шынгыса и хана Уалихана, у нас не было бы и Шокана. Но никто не принимал в расчет даже элементарную логику вещей».

При этом трудно переоценить вклад К.Мухамедханова в становление музея Абая и пополнение его коллекции. Нынешний руководитель историко-литературного музея-заповедника Абая Т.Ибрагимов не устает подчеркивать: «Каждая вещь в музее имеет самое непосредственное отношение к Каюму-ага. Он был отцом музея». С момента открытия музея в 1940 году Каюм Мухамедханов постоянно занимался поиском фотографий, личных вещей, предметов обихода Абая и его окружения. В результате кропотливой работы было собрано свыше пятисот ценных экспонатов для музея. Например, благодаря Мухамедханову коллекция музея в 1941 году пополнилась уникальной фотографией 1896 года, на которой Абай запечатлен с сыновьями. К моменту создания музея Абая в 1940 году, т.е. спустя тридцать шесть лет после смерти великого поэта, все это могло быть безвозвратно утеряно.

Значителен вклад Каюма Мухамедхановича и в пополнение коллекции экспонатов Семипалатинского историко-краеведческого музея. Им документально обосновано и неопровержимо доказано, что летом 1885 года Абай через Н.Долгополова, гостившего тогда у него в ауле, передал в краеведческий музей более 50 ценнейших предметов казахского быта, из которых К.Мухамедхановым найдено 23 экспоната.

В те же 1940-е Каюм Мухамедханов добивался строительства мавзолея над могилой Абая, реставрации зимовки в Жидебае и открытия там мемориального дома. Сохранились его обращения тех лет к руководству республики и Академии наук с предложениями и конкретными планами по увековечению памяти Абая не только в общенациональных памятниках, но и открытию на родине великого поэта мемориального комплекса по типу

домов-музеев Пушкина, Лермонтова, Толстого, Чехова. Увы, создание ядерного полигона на земле, родившей Абая, почти на полвека отодвинуло исполнение этой мечты.

А ведь был еще и главный труд того периода. Почти 12 лет (с 1939 по 1950 гг.) выпускник, а затем и преподаватель Семипалатинского педагогического института занимался изыскательской работой, итогом которой стало фундаментальное исследование «Литературная школа Абая». Впервые в научный обиход вводился тщательный анализ творчества Акылбая, Магауии, Кокпая Жанатаева, Асета Найманбаева, Арипа Танирбергенова. И здесь нужно сразу оговориться: до тех пор не было ни одного специального исследования, целиком посвященного этой теме. Мало того, диссертация (318 страниц машинописи и 478 страниц приложения) К.Мухамедханова писалась на основе анализа еще не опубликованного рукописного наследства представителей абаевской школы, в значительной мере собранного и найденного автором. Бесценным дополнением к нему стали мемуарные материалы, собранные и записанные на родине Абая. Каюму Мухамедханову посчастливилось найти ряд поэм Акылбая, которые считались безвозвратно утерянными. Сенсационной находкой стал текст его поэмы «Зулус», из которой к середине прошлого века ученым было известно всего лишь 104 строки. Благодаря Каюму Мухамедханову к ним добавилось еще 140. Впервые в той же работе был произведен анализ романтической поэмы Асета Найманбаева «Салиха-Самен», список которой также был найден диссертантом.

Уже одного этого было бы достаточно, чтобы имя Мухамедханова навсегда вошло в историю абаеведения. Но заслуга ученого состояла и в том, что он впервые сформулировал и обосновал само существование литературной школы последователей Абая. Это был своеобразный мост между дореволюционной и советской казахской литературой, соединивший две стороны бездны, с одной стороны которой был Абай, а с другой – советская казахская литература. Предметом дотошного исследования стало изучение работы Абая со своими последователями и анализ творческих задач, которые он ставил перед ними; совместные обсуждения произведений, стимулирование развития свободной критики, основные жанровые и стилевые направления творчества поэтов абаевского окружения. Обоснованы Мухамедхановым и творческие взаимосвязи с

поэзией Абая, и самостоятельная ценность поэтического творчества каждого поэта этой плеяды, и их связующая роль между наследием Абая и казахской литературой советского периода.

Казалось бы, молодого ученого должен был ожидать триумф: блистательная работа, бесценные находки, всесторонний и тщательный анализ… В апреле 1951 года Мухамедханов представил свой труд на суд объединенного Ученого совета Института языка и литературы и Института истории, археологии и этнографии АН КазССР. Три дня шла защита диссертации. Три дня длилась дискуссия. Она стала началом острейшей борьбы за Абая и его учеников, по сути отразившей политическую ситуацию в стране, культуре, литературе.

Причем тут политика? Зачем власти возня с поэтами и филологическими изысканиями? Но дело в том, что тоталитарным режимам всегда и во все времена нужны были имена-символы, этакие политические жупелы, опираясь на которые можно было бы выстраивать идеологию, а значит, и победу над умами. Именно так, с совсем нелегкой руки Сталина, например, стал «лучшим поэтом современности» Маяковский, за что его творчество представало чудовищно выхолощенным на протяжении многих десятилетий. А Горькому простили все сомнения в советской власти, лишь бы «буревестник революции» вернулся из Италии в кремлевскую золоченную клетку. В казахской же культуре – была лишь одна фигура подобного масштаба – Абай. А тут вдруг какая-то «поэтическая школа», да еще сплошь из тех, чья репутация в глазах советских руководителей, мягко говоря, считалась сомнительной. Тут уж не до научной объективности. Официально причесанная литература должна была выглядеть так, как это было удобно власти. А потому уже на защите диссертации К.Мухамедханова стало понятно: «придворные» филологи сделают все, чтобы само понятие «школа Абая» было изъято из научного обихода, ибо «существует только одна школа – марксизма-ленинизма».

Чего в эпоху Сталина стоили обвинения профессора Жумалиева на обсуждении диссертации Мухамедханова: «…автор стоит на аполитичных позициях. Считает учеником Абая его сына Турагула, подвергшегося конфискации в 1928г… Диссертант пишет, что «Кокпай был самым лучшим, самым близким другом Абая…» Кокпай ни в коей мере не может являться учеником Абая. Его поэмы… являются реакционными, где

воспевается ханско-монархическое движение Касымовых… Восхваление казахских ханов не дает права считать Кокпая учеником Абая. Органы партийной печати в настоящее время ставят перед советской общественностью задачу выкорчевывать все проявления идей восхваления Кенесары». Не менее опасными были и другие оценки. Так, например, профессор Нурышев заявил, что работу «надо считать протаскиванием в советскую науку антимарксистских взглядов, как со стороны диссертанта, так и со стороны М.Ауэзова».

В вину молодому ученому ставились и ссылки на научные изыскания научного руководителя К.Мухамедханова – М.Ауэзова, у которого за спиной уже был обвинительный приговор и тюрьма. Неожиданнее и обиднее всего оказалась причастность к этой травле корифея казахской литературы С.Муканова – с его-то тонким и обостренным эстетическим чутьем!

Казалось, мирный научный спор перерос в митинг политических декламаций. Вспоминали Ленина и Маркса, проклинали мракобесие феодальной поры, кричали что-то о панисламизме. Показательно, что при этом большинство «ученых судей» даже не читало в подлинниках произведения поэтов абаевской плеяды, но убежденно разглагольствовало о них. В потоке оголтелых слов мало кто расслышал суть обращения Ауэзова: «Все, что делалось в абаеведении, что достигнуто в нем, вы хотели отменить одним росчерком пера, причем не внося ни одной доли труда, не давая ни одной научной работы по этому поводу… Сегодня вы хотите отрубить от Абая его литературное окружение вместо того, чтобы проследить, продумать и записать исследовательскую серьезную работу. Это вам нужно не для научного интереса, а чтобы ущемить молодого научного работника, который серьезно проработал в течение 12 лет и сегодня показал, что он – безусловно, серьезный научный работник, талантливый и старательный исследователь».

Не услышали и мнения глубокого знатока казахской литературы профессора З.Кедриной, которая особенно подчеркнула значимость диссертационной темы Мухамедханова, сказав, что его работа «помогает успешному изучению наиболее актуальных проблем литературной критики. Его работа – не архивное изыскание, а действенное оружие развивающейся науки». С безумным трудом диссертация в итоге была защищена, но споры

по-прежнему не утихали. Ее основные положения стали предметом дебатов на специальной дискуссии по абаеведению, где одним из главных противников выдвинутой Мухамедхановым концепции стал С.Муканов. Каюму Мухамедхановичу приходилось упорно доказывать… нет, не ценность своей работы, а само существование литературной школы Абая!

В июне 1951 года ему пришлось даже выступить по этому поводу со специальным докладом: «Ученый без последователей – вдовец», – говорит Абай в одном из своих афоризмов. Не рискуя поднять руку на самого Абая, слишком популярного в народе, его враги старались оставить учителя без учеников. Запугивая, интригуя, подкупая, ссылая, даже убивая, «волчья стая» лишала Абая его учеников и сторонников, заставляя их молчать или перетягивая их в свой лагерь. Понимают ли товарищи, что, отрицая совершенно голословно существование литературной школы Абая, они оставляют учителя без учеников, поэта – без слушателей, делают Абая вдовцом, трагическим одиночкой. Понимают ли они, что это значит отрицать самого Абая, отрицать его крупнейшее значение в истории нашей литературы и культуры?! Это значит изображать дело так, как будто бы Абай был случайным явлением, и что после его смерти не было больше ни проводников, ни поборников».

В довершение появилась разгромная публикация в «Казахстанской правде». 13 октября 1951 года «главная» республиканская газета обрушилась и на К.Мухамедханова, и на его научные идеи с обвинениями в ложности предложенной научной концепции: «…отдельные литературоведы Казахстана допускали грубую политическую ошибку, проповедуя антинаучную, буржуазно-объективистскую концепцию так называемой поэтической «школы Абая»… Дело дошло до того, что в апреле 1951г. объединенный ученый совет гуманитарных институтов Академии наук КазССР принял и осуществил защиту политически вредной диссертации Г.Мухамедханова «О литературной школе Абая», где под видом «учеников» Абая превозносятся даже буржуазные националисты, которые, дожив до периода советской власти, превратились в ярых ее врагов».

Каюм Мухамедханов так и не внял ни показательной «порке» на защите диссертации, ни нападкам в центральной прессе, ни директивам местных партократов. Не внял, и вскоре был наказан. Как напишет много

лет спустя в своей книге «О моем времени» Д.Кунаев, «…надо отметить, что в послевоенный период не прекращались необоснованные репрессии против видных деятелей культуры и науки Казахстана. Были арестованы и осуждены на длительный срок историки Е.Бекмаханов, Б.Сулейменов. Также арестовали ученых-филологов Е.Исмаилова и К.Мухамедханова, последнего – за «националистические ошибки» в вопросах изучения литературной школы Абая…». Бывший лидер Казахстана подчеркивает, что Ж.Шаяхметовым были допущены «…крупные ошибки по отношению к лучшим представителям национальной интеллигенции. Эти ошибки особо усугубились и приобрели тяжкий характер в 1951-1954 гг., когда секретарем ЦК по идеологии работал М.Сужиков. Чего стоили, например, погромные постановления ЦК КП Казахстана о так называемой антинародной сущности лучших образцов эпоса, связанных с ними научных трудов многих ученых, историков, филологов и целых научных коллективов. Разгрому подвергались лучшие произведения художественной литературы. Такие, например, как роман М.Ауэзова об Абае в редакционной статье «Казахстанской правды» в июне 1953 года. Одновременно наряду с тяжелыми обвинениями в печати, на собраниях общественности последовали и аресты известных деятелей, перечисленных выше…»

Изданный «Казгослитиздатом» в 1951 году «Сборник произведений поэтов абаевского окружения» (предисловие – М.Ауэзов; собирание, составление биографий и текстологические комментарии – Г.Мухамедханов) уже скоро стал библиографической редкостью. Подготовленная же на основе диссертации монография «Ученики Абая» была изъята из печати, а ее набор – рассыпан. Эта книга увидела свет только через 42 года – в 1993-м, когда был опубликован первый том. Последний (четвертый) вышел в свет в 1997-ом. Сегодня данный труд считается основой научного абаеведения и успел стать хрестоматийным пособием. Имена тех поэтов, которые были представлены здесь Каюмом Мухамедхановым, теперь введены во все пособия по казахской литературе, увековечены в названиях улиц, стали национальным достоянием. И только нигде не сказано, какой ценой…

Глава 5.
«ЕСЛИ И ЕСТЬ АД, – ВОТ ОН»

Как-то писатель Габбас Кабышулы обмолвился: если бы Каюм-ага на всех обижался за то зло и страдания, которые ему причиняли в течение всей жизни, он бы не прожил такую долгую, яркую и плодотворную жизнь. Он всегда был выше этого: «Никогда я не видел его обиженным на судьбу, а когда я спросил его о годах, проведенных в заключении, то он отшутился: «Боюсь, я и сам забываю об этом». Каюм Мухамедханович, действительно, не держал зла на своих мучителей. Трудно сказать, смог ли он на самом деле вычеркнуть из памяти черные 50-е годы. Но мы-то, стремящиеся «дойти до самой сути» в анализе отечественной истории, забывать об этом не должны…

Старшие дети Каюма помнят, как вечером 1 декабря 1951г. раздался стук в дверь. В квартиру ворвались «энкавэдэшники». Начали рыть все, искать, переписывать и выносить все книги, рукописи отца, научные труды. Забрали всю переписку отца с коллегами и что самое важное – целый сундук с письмами М.Ауэзова. Их так и не вернули, сколько бы потом отец не обращался с запросами в КГБ и иные инстанции. Огромный пласт историко-культурного наследия сгинул в «гэпэушных» архивах. Забрали все – облигации, мебель, ценности. Не гнушались детскими кроватками и стульями. Кошмар продолжался всю ночь. Когда выводили его самого, он нашел в себе силы улыбнуться жене и детям: «Я вернусь…», а старшие дети еще долго бежали вслед за ним, не стесняясь своих бессильных слез.

…Габдулкаюм Мухамедханович оказался сначала во внутренней тюрьме Семипалатинска, а затем долгих девять месяцев провел в Алма-Ате. Ему запомнилась маленькая (метр на метр) каморка без окон – то ли на первом этаже, то ли в подвале алма-атинской тюрьмы. Через некоторое время помещенный сюда заключенный чувствовал, как начинают накаляться бетонные стены и пол. Нестерпимый жар почти спекал обнаженное тело, но многочасовая пытка не прекращалась до тех пор, пока ее жертва не теряла сознание. Только тогда упавшего на носилках выносили из камеры. Тому, кто был сильнее, мучения продляли. Ступни же жгло так, что человек начинал прыгать с ноги на ногу, а язык, казалось, вываливался

изо рта. В какой-то момент открывалась дверь, и смотрители протягивали доведенному до исступления мученику плошку с водой. Но это была посуда-решето, из нее невозможно было успеть отпить и глотка. К ночи, часов в 11, заключенного уводили в отхожее место, где он должен был взять с пола одну из досок и нести ее в камеру – не хочешь печься на раскаленном полу, спи на загаженной доске. Позже Каюм-ага рассказывал, что, испытав на себе в первый раз жар «горячей камеры», подумал: если и есть ад, то вот он. Но горячую камеру сменяла холодная, где ужас повторялся вновь, только теперь уже не обжигая, а леденя плоть и душу.

Да и в обычной камере было немногим легче. Сидеть или лежать без разрешения запрещено. «Пуховую» начинку подушек и матрацев составляли куски металлических производственных отходов. Единственной пищей была баланда с редкими капустными листьями. Но даже ею не всегда удавалось насытиться: нередко еду приносили перед началом допросов. Ко времени их окончания и возвращения в камеру заключенного ждали остатки пиршества тюремных крыс. Приходилось довольствоваться и этим.

После такой тюремной «диеты» не меньше страданий причиняло лицезрение роскошных яств, выставляемых по другую сторону решетки. Цена за полноценную еду следователем называлась сразу: подпись К.Мухамедханова под признанием в антисоветской деятельности. За отказ – опять та же мучительная картина: крысы, на глазах голодного узника пожирающие человеческую пищу.

Что еще пережил в те месяцы Каюм Мухамедханов? Чудовищную пытку, как утверждают, изобретенную китайцами: капающую на висок – капля за каплей – воду. Его хотели сломать физически, а потому загоняли иглы под ногти, пинали сапогами. Был миг, когда он был уверен, что у него не осталось лица. Тогда ему сломали нос. Пройти пришлось и через еще более изощренные пытки – когда заключенному завязывали руки и ноги, набрасывали на голову резиновый мешок и начинали бить дубинками. Затем задыхающейся жертве, находящейся на грани потери сознания подсовывали бумагу с требованием поставить подпись под нужными «гэбистам» признаниями. Но Каюм упорно отказывался подписываться. У этого удивительного человека с хрупкой душой поэта оказалась несгибаемая воля: «Человек умирает всего лишь один раз. Я тогда думал

так: если я и погибну, то что моя смерть, когда такие люди, как алашевцы, погибли…». И никакие физические истязания не помогли следователям вынудить Каюма отказаться от собственных научных идей и самого факта существования поэтической школы Абая, предать и опорочить своего учителя М.Ауэзова.

Как быстро выяснилось, главной мишенью этой жуткой тюремной мистерии был именно Мухтар Омарханович. Как-то на одном из допросов семь следователей сменяли друг друга, уставая допрашивать Каюма, пинали его сапогами, пытали, вынуждая свою жертву подписать документ, утверждающий, что Ауэзов заставлял Мухамедханова писать диссертацию о поэтической школе Абая. «Лучше умереть, чем клеветать. Как можно было бы жить с такой ложью?…» – эта мысль ни разу за всю долгую жизнь Каюма Мухамедхановича не подвергалась сомнению.

Спустя несколько лет, отвечая на вопрос М.Ауэзова, о чем он думал в тюрьме, Каюм ответил стихами, которые были написаны там. Трудно в подстрочном переводе с казахского на русский отразить степень эмоционального надрыва и горечи, где есть место и бесконечности тюремных ночей, и пелене горчайших слез, и непреодолимому желанию в одночасье оказаться где-нибудь в далеком будущем, когда сегодняшний ужас окажется позади. Но и в этом отчаянии сила любви к жизни и неумение держать зла на судьбу оказались главным:

Не обижаюсь я на судьбу,
Хотя все испытания и горечь дала она мне.
Сердце мое осталось живое.
Судьба, ты свободу у меня отняла,
Но я не пошел у тебя на поводу…

И вопреки этой злой судьбе, он находил в себе силы спустя много лет отшучиваться, что в алма-атинской тюрьме он пребывал в одноместном «люксе»…

А дома было немногим легче. От жены и детей Каюма Мухамедханова отвернулись многие из тех, кто еще вчера числился в друзьях, кто так часто бывал в гостях в этом доме и клялся в дружбе. Некоторые стали следить за семьей, писать доносы. Были и такие, что предлагали жене Каюма Мухамедхановича – Фархинур отречься от детей «врага народа», сдать их в детдом и начать новую жизнь без шлейфа жены изгоя. Дети Каюма помнят

это и сегодня… Всю семью (а это – беременная женщина и шестеро детей) переселили в самую маленькую комнату 3-комнатной квартиры, в которой они жили (ныне – ул. Ибраева, 155). В освободившиеся комнаты селили семьи военнослужащих или партийных работников.

Младших Мухамедхановых учителя сразу пересадили за последние парты. И вопреки неизменно высоким знаниям, дети сразу почувствовали на себе штамп изгоев. Семья осталась без средств к существованию. Фархинур Ахметжановна пошла работать в Физинститут – больницу, находящуюся напротив дома. Но ее все равно постоянно пугали выселением и из той комнатенки из-за нехватки средств на ее оплату. А потому старшим детям пришлось оставить учебу в школе и пойти работать.

И все же были и иные – те, кто не боялся встать рядом. Среди них коллега К.Мухамедханова по музею Абая Б.Акерман, который несмотря ни на что приходил, помогал советами и деньгами. Составлял многочисленные запросы о судьбе Каюма и письма в защиту квартирных прав семьи.

Но тогда Каюм-ага мог только догадываться о трудностях, выпавших на долю его родных. Еще 13 мая 1930 года, по ходатайству Казахского управления лагерями особого назначения ОГПУ, правительством республики было отведено в Акмолинском, Карагандинском округах для организации новых лагерей 110 000 га земельного массива в бессрочное и безвозмездное пользование. Так на советских просторах родилось еще одно подобие Гулага – Карлаг. То была огромная страна лагерных «островков», разбросанных в унылой степи. Страна, населенная полурабами-полукаторжанами, ставшими символами враждебности социалистическому раю. Тут-то и суждено было провести Каюму Мухамедханову несколько лет.

Не сломленный узник приговором судебной коллегии по уголовным делам Верховного Совета КазССР в 1952 году был осужден по печально знаменитой 58-ой статье на 25 лет лишения свободы. Три дня, с 29 по 31 мая, проходил суд в Семипалатинске, куда Мухамедханова привезли из Алма-Аты. Конечно, не был учтен отказ подсудимого от признания своей вины. Конечно, были учтены лжесвидетельства недавних коллег. И только в связи с отменой в СССР смертной казни в честь победы над фашистской Германией ему удалось избежать высшей меры наказания. Но многим ли

легче была перспектива 25-летнего пребывания за колючей проволокой? И можно ли было назвать это время жизнью?

Несколько лет дробил и перетаскивал камни заключенный Мухамедханов. Впрочем, его, как и остальных, вынуждали забыть собственное имя. Вместо них у каждого был только номер. Привычным был окрик: «Номер такой-то, встать!» Через каждые несколько месяцев заключенным меняли место пребывания, переводя их в разные места. Каюм-ага побывал и в Темиртау, и в Карабасе, и в Долинке, и в Дарье, и в Кула-Айгыре… Здесь запись в личном деле «Готов к физическому труду» означала нечеловеческую работу на каменоломнях с невероятным планом по долблению и перетаскиванию камней.

Трудно сказать, что было тяжелее – невозможность общения с любимыми (в письмах семье разрешалось писать о здоровье и учебе детей, о родных, о погоде, и не более) или психологическое давление и вечный контроль. Даже ночью нельзя было быть уверенным, что за тобой не следит недобрый глаз сексота, что утром новый донос не подвергнет тебя унижению и побоям. Заключенных постоянно обкрадывали лагерные работники, вскрывая посылки и письма. Этого массового ограбления не избежал и Каюм. Но если от этого страдали многие, то лишь единицы не боялись этому противостоять. Заключенный Мухамедханов не раз обращался к руководству лагеря по этому поводу. Сохранилось его письмо заместителю начальника политической части с жалобой, где он конкретно перечислял факты грабежа заключенных, приводя даты и конкретные имена пострадавших от бесчинств тюремных работников: «У меня нет чувства мести, но оскорбленная моя человеческая совесть толкнула меня довести до вашего сведения вышеизложенное…».

Но были моменты и в лагерной жизни, которые оставляли добрые воспоминания. Уже вернувшись из заключения, Каюм-ага рассказывал детям, как пела «Валенки» Лидия Русланова, которая оказалась в том же лагере, что и он. Вообще, не зря говорят, что лагеря сталинской поры можно было приравнять к получению классического университетского образования, – так много высокоинтеллектуальных, умнейших и лучших представителей интеллигенции оказалось тогда за колючей проволокой. У одного из товарищей по несчастью оказалась повесть Карамзина «Бедная Лиза», которую Каюм перевел на казахский язык в стихотворном

изложении всего за 15 дней. Еще бы – настроение повести совпадало с душевным настроем лагерного переводчика.

Но если и посещали душу жуткие мысли о финале жизни, то никто этого не знал. Каюм и здесь, за колючей проволокой, боролся за собственное будущее. В 1952 году он написал письмо Председателю Совета Министров СССР Г.Маленкову, первому секретарю ЦК КПСС Н.Хрущеву, генеральному секретарю Союза писателей СССР А.Фадееву. В этих строках, которые выводила рука изможденного сталинского зэка, есть все – и надежда на здравый смысл, и тоска, и последняя капля веры в благополучный исход: «*...литературный вельможа С.Муканов и его последователи, желая, во что бы то ни стало, опорочить, скомпрометировать и унизить своего противника писателя М.Ауэзова, действовали испытанными методами врагов Абая – клеветой и интригами. Я оказался жертвой беспринципности этих литературных вельмож и отдельных работников органов МГБ КазССР, которые пошли на грубейшие нарушения советской законности, вплоть до прямой фальсификации обвинительных материалов и применения недопустимых и строжайше запрещенных советскими законами приемов следствия. Я не мог добиться справедливости, гуманного подхода к судьбе советского человека и со стороны органов прокуратуры и суда… Каменной стеной вставали передо мной равнодушие работников и этих органов. Они, мне кажется, придерживаются правила: упавший да будет растоптан!*».

Это письмо Каюму Мухамедхановичу удалось передать через супругу одного из ссыльных. В семейном архиве Мухамедхановых хранится и лагерная записка машинистке с просьбой отпечатать послание Фадееву: «Уважаемая! Прошу Вас печатать на одной стороне, через 1½ или 2 интервала. В тексте моей жалобы встречаются имена двух исторических личностей, очень близкие в орфографическом отношении. Это – поэт Абай и хан Аблай. На что особо обращаю Ваше внимание. Эта жалоба – моя судьба. Это Вы, конечно, глубоко понимаете. Отпечатав мою жалобу, Вы сделаете мне великое добро. Надеюсь, что Вы не откажете несчастному в этой любезности…».

Ответа все не было. Единственной отдушиной оставалась пусть усеченная, пусть проверяемая цензорами, но все же возможность переписываться с женой и детьми. Таких лагерных весточек немного, но

каждая пронизана любовью и надеждой: «*...Милые мои, я жив и здоров. Мне понятно, я глубоко чувствую, мои дорогие, что вам без меня трудно и скучно. Мне тоже очень тяжело, когда думаю о том, что я не с вами. Все это, конечно, временное явление. Но пока нам с вами придется мириться с трудностями… Мои дорогие, все что есть в юности – силу духа и мысли, хватку рук, наблюдательность глаз, все отдавайте учебе, труду. У меня нет других желаний, кроме того, чтобы вы учились хорошо, были счастливыми в жизни*»; «*…я глубоко благодарен тем людям, которые не забыли протянуть руку своему ближнему в трудном случае жизни. Особенно благодарен им за то, что они помогают вам, моим детям. Пусть они живут долгой, богатой и счастливой жизнью. Честь и слава им!*».

Там, в унылой степи, за проволочными ограждениями он написал большое стихотворение, посвященное своим детям и любимой жене. Перечисляя каждого ребенка, вспоминая о его милых и непосредственных проявлениях индивидуальности, лагерный поэт создает строки, полные любви и благодарности к своей Фархинур. Стихи эти будут опубликованы спустя 40 лет, но, как и в минуты их создания, они по-прежнему пронзают каждого, читающего их: «…вместе горишь со мной в огне печали, искренне любишь меня горячим сердцем. Ты – святыня, перед которой преклоняюсь. Высоко несешь ты честь супруга, с достоинством несешь бремя матери, мой верный друг, моя Фархинур. Я всегда тобою горжусь» (подстрочный перевод). Супругой Каюм Мухамедханович гордился всегда, и до конца дней своих носил ее фотографию во внутреннем кармане пиджака – у сердца.

…В декабре 1954 года (как говорят, не без помощи Фадеева) приговор Мухамедханову был отменен, а сам он реабилитирован. Но на свободе Каюм-ага оказался лишь в 1955-ом – здесь уже судебная машина не спешила. И все же наступил тот день, когда ему выдали билет от станции Макинка до Алматы. С вокзала он позвонил Е.Исмаилову, который вышел из лагеря чуть раньше. Тот сказал, что Ауэзов очень беспокоится за своего любимого ученика. Каюм Мухамедханович, конечно, сразу же позвонил мэтру. Услышав в трубке забытый голос, Мухтар Омарханович начал уговаривать Каюма приехать к нему. Оглядев свой «телогреечный» гардероб, нащупав в кармане шестирублевый капитал, и вспомнив об отправлении через три часа поезда в Семипалатинск, недавний узник, много лет не видевший детей,

решил все же сначала побывать дома. Но уже спустя пару недель он приехал к учителю. Многочасовые разговоры, казалось, невозможно было прервать. Тем более, что теперь их связывали не только имя Мухамедхана Сейткулова (в доме которого когда-то подолгу жил юный Ауэзов), не только многолетняя дружба и общность научного интереса к Абаю, но и лагерные воспоминания. Оба они испытали на себе гнет заключения в 35-летнем возрасте (с той лишь разницей, что Ауэзов – в 30-е, а Мухамедханов – в 50-е годы). Тогда-то, кстати, Мухтар Омарханович рассказал, что сидел с М.Жумабаевым, Ж.Аймаутовым, А.Байтурсыновым. И именно последний советовал: если мы хотим спасти имя и дело Абая, донести это наследие до народа, надо попросить прощения у партии. Это унижение должно было стать ценой за то, что можно будет работать и дальше, пропагандируя и оберегая заветное для казахского народа имя Абая.

Мухамедханову же пришлось несколько лет бороться за восстановление ученой степени, за рабочее место, за получение учебной нагрузки, которую постоянно сокращали, перемещали с кафедры на кафедру. Не меньше волокиты было с восстановлением трудового стажа. Да и возвращение своей же квартиры обернулось длительными мытарствами по инстанциям. Приходилось писать, получать бюрократические отписки, снова писать, судиться, пока квартира, наконец, не была полностью возвращена. При этом, Каюма, как и других, находившихся под назойливой опекой спецслужб, долго еще не выпускали из поля зрения. В семейном архиве и по сей день хранится, например, повестка от 8 декабря 1955 года, в соответствии с которой, Мухамедханов должен был предстать пред строгие очи одного из сотрудников КГБ в Алма-Ате.

Стал ли он другим после нескольких лагерных лет? Нет, злоба или мстительность, обида на весь мир или стремление панически и подобострастно клониться перед каждым приближенным к власти так и не смогли заразить эту чистую душу. Но жизнь все же приобрела несколько иной привкус…

Каюм хорошо играл на домбре. А в Карлаге ссыльные научили его играть на мандолине, которую он привез домой. Дети помнят, как он брал в руки инструмент и тихо, задушевно напевал одну и туже песню Некрасова «Тройка» – «Что ты жадно глядишь на дорогу…» А еще очень часто повторял лермонтовские строки:

Прощай, немытая Россия,
Страна рабов, страна господ,
И вы, мундиры голубые,
И ты, им преданный народ…

Коммунистические идеологи, с легкой руки Ленина, называли себя прямыми потомками декабристов и народников. В сталинское же время они и сами не заметили, когда и как власть (чьим основным структурным элементом стали органы подавления инакомыслия) стала слепком с былых «голубых мундиров» царской охранки. Еще Ахматова в своем «Реквиеме» в 1939 году провела параллели между этими былыми «голубыми мундирами» и голубыми шапками сотрудников НКВД. За аналогией мундирного цвета легко проглядывает и политическая. Видимо, это сравнение не раз приходило в голову и казахскому поэту, в те годы и знать не знавшему о существовании ахматовского «Реквиема», но вновь и вновь задумчиво цитирующего лермонтовские строки о стране рабов и господ, о голубых мундирах и послушном им народе…

Незадолго до этого, в лагерном 1952 году, Каюм Мухамедханов написал еще одно стихотворение, которое можно бы было назвать эпитафией жизни того периода. Овеянное непередаваемой тоской по родным местам, оно завершается почти стоном:

Возврати к себе, родная земля Семея,
И на небольшом кусочке твоем
Свободно и просторно будет мне.

(*подстрочный перевод*)

Как показала вся дальнейшая долгая жизнь Каюма Мухамедханова, ему и правда, не нужно было большего счастья, чем счастье жить на этом любимом клочке земного шара рядом с любимыми людьми. А те, кто пытался лишить его этого… За пару лет до его смерти, мне довелось разговаривать с Каюмом Мухамедхановичем и об этом этапе его уникальной судьбы. В какой-то момент он попросил прервать разговор о времени, проведенном по ту сторону жизни. На лице 85-летнего старца зияла боль. Живая. Нестерпимая. Хлесткая. Так и не ставшая меньше с годами. Побелевшие старческие пальцы с силой сжали уголок пледа. Но то была боль, вопреки всему, не оставившая шрамов злобы: «Они лишь исполняли приказ. В чем их винить?..».

Глава 6.
ЖИЗНЬ СКВОЗЬ ПРИЗМУ АБАЯ

Конечно, главным направлением всей жизни ученого по-прежнему оставалось изучение наследия Абая. Еще в конце 1940-х годов им были написаны статьи, прослеживающие глубинные взаимосвязи творческого мировоззрения казахского поэта с мэтрами русской литературы – Пушкиным, Лермонтовым, Крыловым. Это ныне современным абаеведам кажется прописной истиной утверждение, что произведения Абая содержат насыщенный слой аллюзий и реминисценций ко многим шедеврам русской и европейской поэзии. В середине же XX века работы Мухамедханова по этой теме, пожалуй, впервые позволили научно обосновать тот факт, что собственная поэтика Абая строится и по-настоящему понимается только в связи с историей общечеловеческой культуры, а в этом соотношении и выявляется истинная ценность поэтического творчества казахского гения.

Едва успев освободиться из заключения, Каюм-ага снова нашел три неизвестных стихотворения Абая, в 1956-ом – еще шесть. Все они были не просто опубликованы им, но и подвержены тщательному текстологическому анализу, и сопровождены соответствующими комментариями. В 1955-1959 годы им были написаны одиннадцать статей по абаеведению, изданы две монографии «Магауия Кунанбаев. Жизнь и творчество» и «Текстология произведений Абая». Последняя до сих пор остается непревзойденным эталоном казахской текстологии, сохраняющей свою доказательную правоту и объективность в установлении канонического текста произведений Абая, которая, как отмечено в учебнике по Истории казахской литературы, «ознаменовала собой открытие для нашего литературоведения новых горизонтов».

12 июня 1959 года Каюм Мухамедханов повторно предстал перед Ученым Советом, на этот раз успешно защитив свою диссертацию о поэтах абаевской поры. И снова находил новое, изучал, анализировал. В 1970-е годы им было возвращено истории забытое имя Ильяса Бораганского – первого издателя стихов Абая, которые вышли в 1909 году небольшим сборником в Санкт-Петербурге. Многолетняя переписка с архивами и

библиотеками Казахстана, России, Башкирии, изучение пыльных подшивок старых газет и документов той поры привели к еще одному сенсационному открытию в истории казахской литературы, заполнив очередное белое пятно в научной биографии Абая.

И если творческое наследие этого поэта и философа сравнивают с величием и бесконечностью целой Вселенной, то Каюм-ага оставался ее неутомимым исследователем до самых последних дней своей жизни. Неоценим вклад ученого и в академическое издание двухтомника произведений Абая 1995 года, которое было приурочено к 150-летию со дня его рождения. Впервые тексты поэта выходили с научными комментариями! Появление двухтомника стало очередной сенсацией в отечественном литературоведении. А главному «виновнику» переполоха никто не удосужился прислать хотя бы один экземпляр. Ученый позже сам купил обе книги в магазине…

Хоть и запоздало, но приходило и признание на правительственном уровне. За вклад в создание Энциклопедии «Абай» и академического двухтомника произведений поэта, а также за создание четырехтомника, посвященного ученикам Абая, он был удостоен звания лауреата Государственной Премии РК. Будут и иные почетные высокие звания и награды. Но их время настанет чуть позже. А пока неутомимый ученый без устали трудился, посещал архивы, делал запросы, писал, сравнивал, изучал, вовлекая в свой круг интересов все больше и больше имен.

Глава 7.
ВОСКРЕШЕНИЕ ЗАБЫТОЙ ТЕНИ

Тридцать лет своей жизни потратил Каюм Мухамедханович на восстановление исторической справедливости в отношении Шакарима. Для него это было делом чести не только как для ученого, ставившего своей целью восстановить ускользающую нить объективного хода истории отечественной литературы, но и своеобразной данью родовой памяти. Отец Каюма – Мухамедхан Сейткулов немало рассказывал сыну об этом изумительном человеке. Будущему ученому запомнился один из курьезных эпизодов: в 1912 году Шакарим гостил в доме Сейткулова в

Семипалатинске. Незаурядный поэт, интеллектуал, он был мастером на все руки, и мог не только сшить себе одежду или кожаную обувь, но и создавал музыкальные инструменты – от традиционной для казахов домбры до редкой в степи скрипки. Как-то утром, попив чаю, Шакарим решил прогуляться по городу, сказав перед уходом Мухамедхану, что вернется к обеду. Время шло, а его все не было. Сейткулов уже начал всерьез беспокоиться, когда в дом зашел полицейский, сообщивший, что хозяина вызывают в участок. Как оказалось, Шакарима задержали стражи порядка, приняв высокого, красивого мужчину с нестандартной для казаха внешностью, к тому же одетого в непривычную взгляду (сшитую самостоятельно) одежду за шпиона…

Кстати, именно в тот приезд в дом Сейткулова был сделан снимок Шакарима. Тот самый – единственный из сохранившихся. Дело в том, что после расстрела отшельника Шынгысских гор было сделано все, чтобы взятый Шакаримом псевдоним – Забытый, стал реальностью. Уничтожалось все, что могло хоть отчасти напомнить о его пребывании на земле – книги, рукописи, личные вещи, семейные фотографии. Личный архив и вовсе поручили сжигать глухонемому сторожу. Но благодаря этому неведомому почитателю поэта на память потомкам сохранился единственный снимок, запечатлевший поэта. Тот, согнув карточку пополам, спрятал ее за пазухой. Знаменитый ныне фотоснимок долгие годы хранился в доме Сейткуловых.

Увы, судьба творческого наследия Шакарима опровергла красивую метафору его современника о рукописях, которые, мол, не горят. Как оказалось, горят и исчезают. В никуда исчезли изданные еще при жизни поэта книги, печатавшиеся в Семипалатинске, Ташкенте, Казани. Малая часть произведений поэта, которые мы сегодня можем прочесть, сохранились только благодаря сыну Ахату, который непонятно каким чудом сумел сберечь трехтомное рукописное собрание сочинений своего отца. Но и сыну досталась трагичная участь узника. Каюм Мухамедханов, сам ходящий по острию над той пропастью, в которой сгинул не один человек с опасным штамповым званием «врага народа», постоянно навещал Ахата Кудайбердиева, находящегося в заключении, нося ему передачи. Ахат не раз просил Каюма не рисковать напрасно, понимая, что такие визиты могли

иметь очень серьезные последствия. Но не подчиниться зову совести этот человек не мог, а потому продолжал поддерживать сына великого человека.

Проведя не один год в заключении, Ахат Кудайбердиев с 1957 по 1967 годы возглавлял музей своего великого предка Абая, а затем занимался научной работой в Семипалатинском музее поэта. В 1958 году Ахат, настойчиво добивавшийся реабилитации имени отца, получил долгожданное письмо из Генеральной прокуратуры СССР, сообщавшее, что «…дело по обвинению Кудайбердиева Шакарима прекращено за недоказанностью обвинения». Но даже это признание власти не гарантировало воскрешения из небытия творчества поэта и признания его таланта. Приложивший немало усилий для полного восстановления имени этого поэта и популяризации его творчества Каюм Мухамедханов знал это точно также. Но вопреки всему пытался пробиться в самые разные инстанции.

Даже после посмертной реабилитации, когда никто прямо вроде бы не возражал против публикации произведений Шакарима, никто и не спешил сделать хоть что-либо для их издания. Казалось, что избранный когда-то поэтом псевдоним Забытый стал роковым, и никто не собирался возвращать его из сонма забытых теней. В семейном архиве Мухамедханова сохранился черновик письма Ахата, которому помог его составить Каюм-ага. Да и сам он без устали закидывал редакции и партийные органы письмами, настаивая, убеждая, доказывая значимость Шакарима и необходимость издания его произведений. «Полагаю, что воздерживаются от публикации из-за пресловутой осторожности – как бы чего не вышло», – писал он в одном из писем.

Как-то в так называемые «застойные» времена в один из приездов в семипалатинскую область делегации из соседней Российской Федерации, гостей повезли на экскурсию, показывая достопримечательности, связанные с жизнью и творчеством Абая, в том числе, и его могилу. Делегацию сопровождали работники обкома, которые получили сильнейший шок, когда после осмотра Каюм Мухамедханович внезапно сказал: «Здесь лежит еще один великий сын казахского народа – Шакарим» и повел гостей показать печальное место. Впавшие в панический страх партийцы возмущенно зашикали на вольнодумца. Кто-то даже воскликнул: «Ты нас всех погубил!» Каюму же неведом был этот страх, ибо голос совести был более громок. Он

не оставлял своих надежд увидеть изданными труды великого поэта, полноценного восстановления его имени в истории казахской литературы.

Но даже с наступлением «горбачевских перестроечных» времен дело никак не хотело двигаться с мертвой точки. Каюмом давным-давно был подготовлен материал о жизни и творчестве Шакарима, который (как всегда выстроенный на подлинных свидетельствах и написанный отточенным четким стилем) мог стать отправной точкой для восстановления научной биографии поэта. В июле 1987 года К.Мухамедханов написал письмо Первому секретарю ЦК КП Казахстана Г.Колбину и Первому секретарю правления Союза писателей СССР В.Карпову: «…восстановление имени Шакарима является важнейшей животрепещущей проблемой в истории литературы и всей культуры Казахстана. Об этом же недавно на пленуме Союза писателей СССР в Москве говорил Первый секретарь правления республиканской писательской организации поэт О.Сулейменов». А, изложив ситуацию с так и не издаваемым сборником, Мухамедханов с горечью дописывает: «Я смею высказать свое убеждение по этому поводу: кое-кому не по нутру интернационалистический дух творчества поэта Шакарима, оттого изо всех сил тщатся приписать ему национализм. Этот грязный прием мне знаком, я сам в одно время был жертвой такого метода».

К этому времени в редакции газеты «Казах адебиети» уже более шести месяцев находилась научно-популярная статья Каюма Мухамедхановича о биографии и творчестве поэта. Уходил месяц за месяцем, а там все побаивались пропустить материал об опальном поэте в тираж.

В феврале 1988 года, так и не дождавшись реальных действий в родной республике, Мухамедханов обратился к редактору журнала «Огонек» В.Коротичу: «…чем и как объяснить, что с 1958 года, когда Шакарим был полностью реабилитирован, до сих пор не осуществлен выпуск подготовленного Академией наук КазССР к печати в середине 60-х годов двухтомного собрания его произведений? За столь долгое время была всего лишь одна публикация (и то не в Казахстане, а в Ленинграде) четырнадцати стихотворений в переводе на русский язык в книге «Поэты Казахстана». Очевидно, что восстановление подлинной правды о Шакариме встречает серьезные препятствия со стороны некоторых ответственных чиновников в нашей республике».

Спустя еще месяц семипалатинский ученый получил ответ из правления Союза писателей СССР: «Мы внимательно ознакомились с вашим письмом по поводу судьбы выдающегося казахского поэта и мыслителя Шакарима. Переговорили с товарищами из ЦК КП Казахстана. В данное время мы ждем от них труды Шакарима, чтобы полнее ознакомиться с творчеством поэта. (*Эта фраза – еще одна, пока неразгаданная загадка в судьбе творческого наследия отшельника Шынгысских гор. У каких таких партократов находились тексты Шакарима? – прим.авт.*). Наш Роллан Сейсенбаев ведет переговоры с журналом «Литературное обозрение», чтобы напечатать Ваше письмо-статью на страницах данного журнала. Если редакторы предложат Вам кое-что выправить или дополнить текст, то, пожалуйста, примитесь со всей душой. Как Вам известно, Шакарим по силе и значению – второй поэт Казахстана после Абая».

А 7 апреля 1988 года К.Мухамедханов получил от Первого секретаря правления СП Казахстана Ади Шарипова срочную телеграмму: «Поздравляю, Шакарим реабилитирован директивными органами». И это не было преувеличением: для семипалатинского ученого такая новость, действительно, была большим праздником, а он, как мало кто иной, имел право принимать поздравления с таким событием.

Уже вскоре – впервые после многих лет – вышел в свет небольшой поэтический сборник стихов Шакарима. Историческая справедливость была восстановлена. Но нарушена историко-литературная. После официальной реабилитации Шакарима множество издательств бросились в спешке печатать стихи поэта, его биографию. В итоге была допущена масса неточностей. И Каюм Мухамедханович взялся за написание текстологических статей, доказывая допущение ошибок, приводя верные варианты шакаримовских фраз. Директор научно-исследовательского центра Шакарима при Семипалатинском государственном педагогическом институте Турдыкул Шанбай рассказывает, что как-то Каюм-ага посадил его за стол, дал в руки опубликованные искаженные тексты, карандаш и сказал: «Я буду читать по памяти стихи Шакарима, а ты исправляй в книге неточности». Вспоминая позже об этом случае, Турдыкул Касенович воскликнет: «Я был поражен его памяти! Сколько промахов и ошибок он нашел и исправил! А если бы он этого не сделал?!».

23 апреля 1988 года в Семипалатинской областной газете «Иртыш» появляется и первая газетная публикация, названная Каюмом Мухамедхановым «Возвращение поэта». Она рассказывала (в том объеме, насколько это позволял газетный формат) об основных этапах жизни Забытого, его стихах и философских откровениях, о трагичном накале последних дней жизни Шакарима. Но как будто злой рок тяготел над возвращаемым из небытия именем! Значительную часть этой публикации было невозможно читать: из текста «повылетали» некоторые буквенные знаки и даже целые фрагменты, отчего была существенно нарушена смысловая канва материала. Но покладистый, мягкий и не приспособленный к отстаиванию собственных прав, Каюм-ага был неукротим в защите интересов истории отечественной литературы. Он добился того, что уже в следующем номере та же статья вышла вновь, но теперь уже без технических накладок. Потому что «народу нужен Шакарим в своей реальной и неповторимой индивидуальности, – завершал свое эссе Мухамедханов. – Он необходим для обогащения нашей духовной жизни…».

И это – далеко не последнее, что было сделано К.Мухамедхановым для того, чтобы имя Шакарима после долгих лет молчания во всеуслышание зазвучало еще в конце 1980-х годов, чтобы в его биографии – этаком сплошном «белом пятне» – появились заполненные историко-литературные блоки.

Глава 8.
ЧЕЛОВЕК-НИИ

Просматривая сегодня опубликованные Каюмом Мухамедхановым книги, монографии, статьи, изучая направления его научного поиска, прикасаясь к сотням папок с рабочими материалами, где-то на трети этого пути неизменно задаешься вопросом: как объем работы целого научно-исследовательского института мог одолеть всего один человек? Причем, практически каждая его статья – аналитически обоснована, оригинальна, сопровождена непременными ссылками на документальные архивные материалы и может послужить основой для полноценной диссертационной работы!

Не случайно еще в 1940-е годы Казахский филиал Академии наук СССР принял в рукописях ряд научно-исследовательских трудов К.Мухамедханова и одобрил их для издания. Среди них «Кабанбай батыр» и «Богенбай батыр» (обе объемом 4 п.л., 1943г.); «Поэт Арип» (25 п.л., 1944г.); «Литературная школа Абая» (32 п.л., 1945г.); а помимо этого – неопубликованные стихотворения и афоризмы Абая, высказывания великого поэта о Шакариме и Арипе.

Еще в 1945 году он участвовал в работе по созданию первого тома «Истории казахской литературы». Мухтар Ауэзов поручил ему раздел о народном творчестве, связанном с темой казахских национальных героев прошлого. Ученый систематизировал найденные им рукописные списки народно-исторических поэм о Кабанбае, Богенбае и других батырах. При известной скудости материалов пришлось много поработать. Книга была выпущена в 1948 году, но раздел, над которым работал Мухамедханов… отсутствовал. «Причина? Я спрашивал об этом М.Ауэзова, он ответил: «От меня это не зависело, руководящие работники потребовали – никаких кабанбаев и богенбаев пропагандировать не надо. Не нужны нам всякие националистические рассуждения» – вспоминал Каюм Мухамедханович. Мало кто знает, что тогда Мухтар Омарханович был даже выведен из состава редакции «за срыв работы». К счастью, эти исследования не канули в безвестность, хотя и увидели свет только в последнее десятилетие XX века…

Очень многие исследования Мухамедханова становились сенсационными в казахстанском литературоведении. Так было, например, когда он в своих исследованиях установил точную дату и место рождения Бухара жырау (что долгое время служило поводом для многочисленных споров).

Сотрудники Семипалатинского литературно-мемориального дома-музея Достоевского до сих пор с благодарностью вспоминают установление точной даты создания знаменитого снимка Достоевского и Уалиханова. Долгое время считалось, что он был сделан в 1856 году. Однако, изучив архивные данные, сопоставив события жизни двух великих людей, проанализировав материалы их переписки, ученый выяснил, что снимок моложе на два года.

Но и это – лишь малая часть научных изысканий семипалатинского ученого. Его историко-литературоведческие и текстологические интересы коснулись многих и многих деятелей культуры самых разных стран. За годы

своей научной работы К.Мухамедханов написал ряд статей и исследований о русских писателях К.Рылееве, В.Дале, Ф.Достоевском, Л.Толстом, А.Чехове, М.Горьком, Вс.Иванове; об украинце Т.Шевченко, татарах Г.Токае, К.Насыри, Ш.Камале, Х.Фаизханове, киргизе Т.Сатылганове, туркмене Б.Кербабаеве, узбеках А.Науаи и Х.Ниязи, азербайджанце У.Гаджибекове, армянине М.Налбандяне, лезгинце С.Стальском, латыше Я.Райнисе, поляках А.Мицкевиче и Е.Юрандете, китайце Лу Сине.

Естественно, он с особым пристрастием (позволим себе использовать это экспрессивное слово в отношении глубинных научных изысканий) погружался в мир казахской литературы и культуры в целом. Каюм Мухамедханов – автор таких монументальных исследований, как «Биография и текстология произведений Бухар жырау», «Текстология произведений Махамбета», «Научно-творческая биография М.О.Ауэзова».

Каюмом Мухамедхановым подготовлено к публикации собрание сочинений ученика Абая Уаиса Шондыбаева, сопровожденное текстологическими комментариями. Им написаны работы об Амре Кашаубаеве, Естае Беркимбаеве, акынах Садире и Бейсембае, Шокане и Макы Уалихановых, М.Утемисове, М.Даулетбаеве, Жамбыле, Ж.Шанине, К.Байсеитовой, Ш.Мусине, Ж.Саине, С.Сейфуллине, И.Жансугурове, Б.Майлине, И.Алтынсарине, Т.Жомартбаеве, М.Дулатове, А.Байтурсынове, Ж.Аймаутове, С.Торайгырове, Т.Хасенове, Б.Момышулы, Б.Калиеве, Т.Жарокове и других. В сокровищницу истории казахской литературы вошли его мемуары о Мухтаре Ауэзове, Жамбыле, Естае, Ж.Саине, Вс.Иванове, Хаджи Мукане. Им проведено значительное исследование зарождения истории отечественного театра…

Не правда ли, голова кружится от одного только количества имен и тем? А ведь и это еще не все! В 1977 году вышло в свет 12-томное издание Казахской советской энциклопедии. Каюмом Мухамедхановичем были созданы комментарии ко всем 12-ти (!) томам с корректировкой дат, мест, порядка событий, иные неточности и огрехи в тех статьях, которые посвящены литературе, театру, искусству и культуре в целом. И все это, как всегда, было обосновано документальными и архивными подтверждениями. Стоит ли удивляться тому, что уже в 1990-е, когда началась подготовительная работа по переизданию этого энциклопедического издания, уже вышедший на пенсию (и к тому же в это время занимавшийся

подготовкой своих материалов для другой энциклопедии – посвященной Абаю) Мухамедханов был приглашен в состав редакции нового общеказахстанского справочного издания и принял в его подготовке активное участие?

Но, наверное, самой высокой оценкой его научных работ была оценка мэтра казахской литературы Ауэзова, с которой Каюм и шел по жизни. Так случилось, что ему пришлось дважды защищать кандидатскую диссертацию – второй раз уже после своего освобождения. Эта повторная подготовка и защита отняла немало сил. Тогда-то Мухтар Омарханович и сказал Каюму в очередной беседе: «Две защищенные тобой диссертации – это ценный вклад в науку. По своему содержанию и новизне они превосходят многие докторские. И если бы не формальности положений, ты сейчас получил бы докторскую степень…».

Хотя, по большому счету, причиной тому была не только политическая подоплека. Научно и профессионально оценить суть текстологических изысканий Мухамедханова кроме Мухтара Омархановича практически было некому. Ему предлагали перевести всю диссертацию на русский язык и отправить ее в ВАК в Москву. Ну как можно передать на какой-либо другой язык тонкие лингвистические нюансы и сопоставления собственного языка, если любой (даже самый совершенный перевод) отражает только смысл, а в лучшем случае – эмоциональный настрой и дух произведения, но никак не звуковые комбинации, построение, внутреннюю структуру поэтического произведения?! Да и вообще, вся история советского литературоведения насчитывает всего два имени текстологов – Лихачев и Жирмунский. Причем, оба специализировались на русской поэтике русскоязычных авторов. Кто мог бы профессионально оценить значимость сделанного Мухамедхановым на казахском языке и стать реальным, а не формально-номинальным рецензентом?

Но не только этот, несомненно, главный труд Каюма-ученого достоин войти в сокровищницу отечественного литературоведения. Основой для дальнейших исследований его ученикам могут послужить сотни рабочих материалов, оставшихся после смерти этого выдающегося ученого. К любой своей, даже небольшой по итоговому объему, статье он относился с огромной ответственностью. Один материал означал для него работу с огромным количеством документов и первоисточников. И если статья и сопутствующие

ее публикации материалы умещались в одну папку, то подготовительные материалы к ней занимали десяток пухлых картонных упаковок.

Все его труды, как правило, открывали новые факты и данные. А это требовало колоссальной предварительной работы, основанной на установлении, поиске, расшифровке оригинальных источников, архивов, нередко найденных им самим. Свидетельством его научной щепетильности в поиске доказательности могут стать сотни писем из архивов и библиотек. Такая обширная переписка с архивистами самых разных городов требовала не только физических сил, но и собственных материальных средств. Но без этого полноценный научный труд был бы невозможен.

Вот лишь один пример того, как велся им этот кропотливый и важный труд. Рассказывая в своей статье о первом издателе стихов Абая Бораганском, Каюм Мухамедханович, среди прочего, подробно излагает и путь поиска сведений об этом человеке: «В 1966 году я отправил запрос об Ильясе Бораганском в Москву, в Государственную ордена Ленина библиотеку СССР. В библиотеке никаких документов не нашли и мое письмо направили в библиотеку Института народов Азии АН СССР. Прошло немного времени, и я получил ответ, где сообщалось, что никаких материалов о И.Бораганском в их фондах не обнаружено. С моим запросом сотрудники библиотеки обратились к востоковеду профессору Б.Данцигу, который тоже ничего не знал о Бораганском. В своем письме ко мне Данциг посоветовал обратиться в Ленинградское отделение Института народов Азии к профессору Кононову и в Ленинградский госуниверситет на факультет востоковедения к Новичову. Мне вскоре сообщили адреса этих людей, и я отправил свои запросы.

На мои письма Кононов прислал ответы. По его поручению сотрудница Дулина вела поиск, и он увенчался успехом. В Санкт-Петербургском университете на факультете восточных языков в обзоре за 1855-1905 годы найдены материалы по истории, где указано, что «Илияс мырза Бораганский с 20 августа 1898 года преподает турецкий язык…».

…Несмотря на это, мои попытки узнать что-нибудь еще о И.Бораганском, о его творческом пути не принесли результатов, и мои исследования зашли в тупик в 1966 году. Но уже спустя два года, я случайно обнаружил интересные материалы о Бораганском при просмотре газеты «Казах тили». 28 октября 1922 года в этой газете крупными буквами было

напечатано: «И.Бораганский – старейшина» – так правительство Башкирии поздравляло его с 70-летием. Теперь мои поиски были нацелены на Башкирию.

Воодушевленный, я отправил письмо-запрос в центральную библиотеку и архивы Башкирии. Но, увы, все тщетно. Никаких сведений! Но я не терял надежды и разослал письма писателям и поэтам Башкирии. Вскоре от старейшего писателя Сайфи Кудаша пришел ответ. Он сообщил мне, где приводятся сведения. Я направил запросы в ряд библиотек Советского Союза. И вот, наконец-то, в 1970 году в моих руках оказался тот самый журнал со статьей о Бораганском и его фото!».

Вот уж точно: если бы не он, то кто? Кто смог бы (да и стал ли бы?) тратить столько времени, душевных сил, надежд, собственных денег на многочисленные запросы, чтобы с честью вернуть имя первого издателя Абая казахской истории? У кого другого нашлось бы столько многолетнего терпения и уверенности в необходимости довести дело до конца? А ведь это – далеко не единственная тема, интересовавшая Каюма-исследователя!

При этом, большое число документальных материалов приходило из архивов на арабском, татарском, башкирском языках. И неутомимый Каюм брался за работу целых коллективов, переводя оригиналы многих исторических документов на казахский, русский, татарский языки. Все аккуратно переписывал от руки. Вообще все его фундаментальные труды, статьи, письма, рекомендации студентам написаны аккуратным бисерным почерком. При этом он никогда не забывал, в какой папке хранятся те или иные материалы. Даже находясь вне дома и звоня родным, он мог попросить их открыть папку с определенным номером на определенной странице. И именно там обязательно обнаруживалась нужная ему в данный момент информация. Даже незадолго до своей смерти, практически не поднимающийся с кровати аксакал с поразительной точностью цитировал приходящим к нему ученикам отрывки стихов или страницы книг, где можно было найти приводимую им цитату.

Он всегда читал с карандашом, ведя диалог с авторами, ставя вопросы там, где обнаруживал какие-либо неточности, поправляя и приводя собственные комментарии на полях. После него остались тысячи выписок из словарей и энциклопедий, вырезок из периодики. Все, что захватывало его

внимание при чтении газет, аккуратно вырезалось, подчеркивалось и складывалось в тематические папки.

Знание нескольких языков, профессиональное умение видеть значимость литературного произведения, собственные поэтико-драматические дарования позволили Каюму стать хорошим переводчиком. Кстати, именно перевод стал первым профессиональным тестом будущего литератора. Каюму тогда едва исполнилось 14 лет. Как-то Идрис Мустамбаев (еще одна уникальная личность из числа частых гостей в этом доме) попросил мальчика Каюма зайти к нему, показал увесистую рукопись на арабском языке и попросил прочитать текст.

«Я прочел все без запинки, – вспоминал Мухамедханов через много десятилетий.

- А сможешь ли ты перевести и переписать эту рукопись с арабского шрифта на латиницу? Как ты на это смотришь?

- Хорошо, ага, – с этими словами я взял рукопись и пошел домой. Я сидел днями и ночами напролет в течение двадцати дней, работая над этой рукописью.

- Очень хорошо и аккуратно выполнил ты эту работу, – сказал Идрис.

Он был очень доволен. Пожал мне руку, обнял меня, от души поблагодарил. Когда я собирался уходить, он попросил меня задержаться и достал деньги. Я смутился и не хотел их брать.

- Так не пойдет. Это твой труд, – сказал Идрис, – а каждый труд должен быть оплачен.

Так я получил свою первую зарплату».

Позже он будет профессионально заниматься и этим делом. Переведенная им еще в 1940 году популярная музыкальная комедия азербайджанского композитора У.Гаджибекова «Аршин мал алан» долгие годы входила в репертуар Семипалатинского казахского драматического театра, ставилась в государственном академическом театре оперы и балета. В 1941 году Каюм-ага перевел «Русалку» А.С.Пушкина. В семейном архиве сохранился документ, подтверждающий, что в то же время Мухамедханов получил официальное поручение перевести на казахский «Женитьбу Фигаро» Бомарше. Увы, эта рукопись была конфискована при аресте в 1951 году. Вернувшись из заключения, Каюм Мухамедханович возобновил прерванную работу, но, к сожалению, от нее сохранились лишь небольшие фрагменты. В

лагере им был сделан великолепный стихотворный перевод карамзинской «Бедной Лизы». По поручению Казгослитиздата в 1955 году он переводил «Декамерон» Боккаччо.

Больше десяти лет не покидала семипалатинской сцены постановка пьесы «Хаджи Эфенди женится», перевод которой с татарского языка был сделан Каюмом Мухамедхановым в 1973 году. Широко известны его переводы Габдуллы Токая, восточных легенд. Благодаря его легкому литературному таланту зазвучали на казахском языке пьеса польского драматурга Е.Юрандета «Такое время» и драматургическая версия Гракова, созданная по роману Фадеева «Молодая гвардия».

В 1968 году им в соавторстве с С.Анисимовым был написан киносценарий документального фильма «Город юности моей», посвященного 250-летию Семипалатинска. К этой же дате им был создан путеводитель по музею Абая, переведенный на русский язык М.Шаталиным. И несколько лет подряд, начиная с 1970 года он возглавлял телевизионный клуб, каждый месяц выходя в эфир с рассказом о ком-то из великих соотечественников.

За всем этим не меркли и собственные художественные образы. Этим уникальным человеком написано более 100 своих и множество переведенных стихотворений; пять пьес, которые, к горькому сожалению, и до сих пор не изданы отдельной книгой. Да и те, что дошли до печатного станка, выходили «обезображенными»: «…мною в 1978 году сдан сборник избранных пьес «Комиссар Габбасов», «Майданнан – майданга», «Ер Билисай», «Перне», «Хаджи Эфенди женится» в издательство «Жалын». Однако до сих пор этот сборник не выпущен, а какая-то мизерная часть его объема, переданная издательством «Жалын» в издательство «Онер», вышла в этом году в плачевно исковерканном виде (сборник «Волшебный занавес», «Онер», 1981г.). Грубо попирая элементарные нормы и законы об авторском праве, издатели, по существу, занялись настоящим издевательским оперированием главных сюжетных линий, ключевых сцен, центральных героев произведения, в результате дали жалкое сознательно-пародийное антипредставление моему тексту» – горько сетовал К.Мухамедханов в том же своем письме в ЦК КП КазССР, где ссылался и на бесследно канувшие в небытие конфискованные письма Ауэзова.

«У меня теперь жгучая боль за судьбу моих произведений»… Привкус этой горечи оказался невероятно стойким. Он ощутим и сегодня, поскольку

даже спустя несколько десятилетий ошибки так и не были исправлены. И кто знает, найдется ли сегодня для мухамедхановского творческого наследия столь же тщательный текстолог, который добьется восстановления авторского текста?

Глава 9.
«ОСТАВАЙТЕСЬ ЛЮДЬМИ»

Конечно, невероятная загруженность Каюма Мухамедхановича по особому выстраивала его жизненный ритм, когда на то, что обыватель называет «личной» жизнью и отдыхом практически не оставалось времени. Может быть это, а может, постоянный внутренний непрекращающийся процесс размышлений, сопоставлений, анализа выталкивал этого человека из рамок «обычности». И хотя он никак не подходит под карикатурный типаж «человека рассеянного с улицы Бассейной» – «мудреного ученого», ничего вокруг не замечающего, все же бывало, что и он в элементарных бытовых ситуациях попадал впросак.

Верная спутница Каюма Мухамедхановича Фархинур старалась ограждать супруга от хозяйских забот. Несмотря на то, что он зарабатывал на жизнь большой семьи, у него никогда не было кошелька. Однажды, где-то в 1960-х, нужно было купить домой хлеба. Каюм-ага отправился в магазин и, со времен войны помня, что хлеб отпускается граммами, попросил свесить ему килограмм. Продавец долго смеялась над незадачливым покупателем, которому и невдомек было, что хлеб давно уже продают булками.

В семье Мухамедхановых бытует и еще одна байка, связанная с походом главы семейства в магазин. Как-то раз из-за занятости жены, Каюм Мухамедханович самостоятельно отправился за покупкой любимого им тогда «Беломорканала». Дело было перед началом занятий в институте, до которых оставались уже считанные минуты. Фархинур Ахметжановна посоветовала мужу: «Подойдешь с точной суммой, не требующей сдачи, продавец отпустит тебе штучный товар без очереди». Прошло какое-то время, а опаздывающий супруг все не возвращался. Фархинур спустилась в магазин, находившийся внизу дома, и увидела, что Каюм молча стоит перед очередью, держа мелочь в руке. Ему было неловко просить пропустить его в обход

других покупателей. Продавец изумилась: «Стоит и молчит, я думала, ждет кого-то. Конечно, сразу бы отпустила пачку папирос»…

Но таких забавных историй было немного. Удивительно, но вечно занятый работой отец десятерых детей, проводящий ночи напролет за письменным столом, был непререкаемым авторитетом для всей семьи. Никто не помнит, чтобы он ругал их за шалости или школьные промахи. Когда одной из его дочерей – Дине как-то не захотелось идти в школу из-за контрольной по математике, отец спокойно сказал: «Тебе лучше знать, что делать, а что – нет». Дочь своего отца сделала вывод о взаимосвязи свободы и ответственности за свои поступки. Но был один часто повторяемый завет детям – собственная формула отношения Каюма Мухамедхановича к жизни: «Живите честно. Оставайтесь людьми».

Еще одной яркой чертой характера этого уникального человека была необыкновенная скромность. Он не стремился попасть в объектив кинокамеры на похоронах Ауэзова, искренне предаваясь горестной скорби об ушедшем любимом учителе.

Каюм-ага не давил никого своим авторитетом, не выпячивал собственных заслуг и был абсолютно неприспособлен к «выбиванию» материальных благ. И даже когда ему по статусу персонального пенсионера республиканского значения полагалось регулярное обследование и лечение в престижных медицинских учреждениях, он не требовал особого комфорта, соглашаясь на скромные условия.

Быть может, кто-то вздохнет: «Вот чудак!». Но для Каюма Мухамедханова такое отношение к себе и окружающим было отголоском все той же собственной заповеди, требующей всегда оставаться человеком. Как-то акын Калихан Алтынбаев произнес: «Каюм взошел на высоту без одышки… Другие не могут – сердце не позволяет». Кто знает, может, именно эта чистая сила сердца (в нравственном понимании) и позволяла ему так невозмутимо и легко подниматься к вершинам духа?

Глава 10.
СИЛА ПРИТЯЖЕНИЯ

Сила обаяния Каюма Мухамедхановича была столь велика, что неизменно притягивала всякого, с кем ему доводилось встречаться. В доме Мухамедхановых почти не бывало дня без гостей. Ученики и коллеги, друзья и соратники, десятки тех, чьи имена вошли в отечественную историю, всегда встречались здесь открытой улыбкой. Перед обаянием Каюма не могли устоять известный казахский борец Хаджи Мукан и известный советский писатель Всеволод Иванов, павлодарский поэт Естай и калмыцкий писатель Давид Кугультинов. Ему довелось тесно общаться с Г.Мусреповым, А.Маргуланом, А.Жубановым, Е.Исмаиловым. А на страницах оставленных Мухамедхановым воспоминаний по-прежнему живы Мухтар Ауэзов и Жамбыл Жабаев, Жумагали Саин и Сабит Муканов. А когда Каюм Мухамедханов с Фархинур Ахметжановной отдыхали в Домах творчества в Крыму и на Кавказе, они сумели найти общий язык и с артистами, в числе которых были Е.Моргунов, С.Мишулин, А.Миронов.

Воспоминания К.Мухамедханова о встречах с интересными людьми, будучи достоверными историческими свидетельствами, являются отточенными по форме и слогу высокохудожественными произведениями.

***

В 1938 году в стране широко отмечалось 75-летие поэтического творчества **Жамбыла**. Накануне этой даты в Семипалатинск приехал Сабит Муканов, возглавлявший тогда Союз писателей Казахстана, с новостью о том, что право участия в чествовании акына предоставляется всем литераторам, чьи рассказы, стихотворения, поэмы, посвященные Жамбылу, будут приняты конкурсной комиссией. Вот так довольно объемистая поэма-толгау «Жамбыл», написанная учившимся тогда на выпускном курсе Семипалатинского учительского института Каюмом стало счастливым пропуском на торжества. Два дня – с 18 по 19 мая – длился слет народных акынов и жырши, в котором приняли участие более шестидесяти акынов изо всех уголков Казахстана, писатели и поэты Москвы, Ленинграда. Доклад М.Ауэзова, выступления Исы Байзакова, Нурпеиса Байганина, соратников самого Жамбыла придавали слету вкус радости и особого трепетного восторга, не позволившим официальному мероприятию превратиться в официозно-пафосное заседание.

19 мая пришло и сообщение о награждении казахского акына орденом Ленина. Поздравить старца отправилась целая делегация молодых

литераторов, в которой оказался и Мухамедханов. Говорят, что живавший когда-то в годы гонений в семипалатинском доме Каюма Сабит Муканов именно ему поручил озвучить радостную новость акыну. Когда молодые люди пришли к большому дому, крытому железной кровлей (еще не так давно служившему жилищем репрессированному Сакену Сейфуллину), секретарь Жамбыла попросил молодых поэтов немного подождать, потому что аксакал вместе с Орынбаем Таймановым читал намаз.

Ссылаясь на слова Каюма Мухамедханова о событиях тех майских торжеств, один из научных сотрудников журнала «Абай» М.Султанбеков приводит такой рассказ: «Сожалея о том, что тогдашняя пропаганда популяризовала Жамбыла и представляла его широкому кругу читателей как идеологизированного и политизированного акына, Каюм-ага сказал:

- Помимо того, что Жаке читал молитвы, меня поразило то обстоятельство, что наше восторженное сообщение о награде он воспринял совершенно равнодушно и даже сокрушенно обратился к акыну Орынбаю с такими словами: «Как ты думаешь, чем все это может обернуться для меня на том свете?» А еще известно то, что после присвоения городу Аулие-ата его имени он обратился к священному духу далекого предка со стихами о прощении.

К тому же при упоминании имени Сталина, который якобы передал Жамбылу привет, он тут же экспромтом сочинил на него сатирическую эпиграмму».

Вот как раз во время этой встречи и был сделан исторический снимок старейшины казахской поэзии с молодыми поэтами, на которой рядом со знаменитым аксакалом запечатлен и Каюм. Из той поездки он привез и еще один интересный снимок. Дело в том, что в последующие дни (с 20 по 22 мая) проводился и юбилейный пленум Союза писателей Казахстана. 21 мая свои творения, посвященные Жамбылу, со сцены читали как мэтры казахской поэзии, так и юные приверженцы поэтического слова. Дошла очередь и до Каюма. Сам он об этом потом вспоминал: «Я прочитал свою поэму с трибуны, а затем преподнес ее Жамбылу, сидевшему в президиуме. Великий акын с радостью принял поэму и, крепко обняв меня, произнес незабываемые слова напутствия. А когда я направился на свое место, председательствовавший в президиуме Сабит Муканов попросил меня задержаться. На обороте фотокарточки, запечатлевшей меня рядом с ним в

1938 году в Семипалатинске, он экспромтом написал стихотворение-пожелание и, прочитав его в зал, подарил мне снимок. Его стихотворение очень близко перекликалось с известными строками Жамбыла, призывающими к правдивости и народности поэтического слова. Это-то созвучие, видимо, и побудило Муканова вручить мне фотокарточку именно в такой обстановке».

Позже – на съездах, пленумах писателей, айтысах акынов – Каюму Мухамедхановичу довелось еще неоднократно встречаться с Жамбылом, слушать его песни. А в 1945 году был он и среди тех, кто провожал акына в последний путь.

***

Отправляясь на юбилейные торжества в честь Жамбыла, Каюм Мухамедханович и не предполагал, что для него судьба приготовила еще один подарок – знакомство и дружбу с поэтом **Жумагали Саиным**. Именно он в мае 1938 года встречал семипалатинскую делегацию в Алма-Ате. Встречи, собрания, торжественные мероприятия и задушевные многочасовые разговоры после их завершения привели к тому, что поверхностное знакомство затронуло и глубинные чувства двух поэтов. А спустя год – в апреле 1939 года – Жумагали Саин и талантливый ученик Жамбыла Саядил Керимбеков приехали в Семипалатинск. В один из дней Жумагали и Каюм отправились за город. Просыпающаяся природа, бесконечная синева небес над кажущейся такой же бесконечной великой степью, были идеальным местом для проникновенных бесед и откровений. В какой-то момент Жумагали попросил карандаш и начал что-то быстро записывать. Спустя несколько минут он протянул Каюму листок со стихами, которые тот потом хранил всю жизнь:

В молодости все мы энергичны и веселы,
Радуемся сиянию золотой луны.
Когда же состаримся, мечтаем возвратить молодость.
Кто-то мечтает вернуть любовь молодости,
Кто-то хочет вернуть веселье молодости,
Другой мечтает о полете ветра в небе,
Кто-то вспоминает о драгоценном детстве,
Пронесшемся с быстротой марала.

А мы будем вспоминать радостные дни общения,
Которое заполнило наши сердца.
Когда мы с Саядилом вернемся в Алматы из Семея,
То будем скучать по тебе, Каюм.
Ты нас тоже будешь вспоминать,
Ведь мы провели здесь вместе эти летние дни
И общались как давние друзья.
Пусть эти стихи будут тебе, Каюм, памятью о нашей встрече…

(подстрочный перевод)

***

21 июня 1939 года начался второй съезд писателей Казахстана. На этот алма-атинский форум съехались не только республиканские литераторы, но и писатели изо всех уголков Советского Союза, среди которых были Мухтар Ауэзов, Иван Шухов, Леонид Соболев.

Прибывший в составе семипалатинской делегации Мухамедханов все дни съезда с восторгом наблюдал за павлодарским поэтом **Естаем Беркимбаевым**: «Я помню умные, задумчивые глаза, густые ресницы и брови, широкий лоб, усы и торчащую бородку, – писал позже Каюм. – Подойти к нему было невозможно. Я слушал его песни под домбру. Он постоянно находился в окружении делегатов, аксакалов, музыкантов, журналистов. Все жаждали общения с ним…

Мы возвращались домой на одном с ним поезде. Я пригласил Естая погостить у меня дома в Семипалатинске. Всю дорогу в наш вагон шли люди поздороваться с ним, послушать его песни. Ему тогда было 70 лет, но душа его была молода.

В Семипалатинске я не докучал ему. Он просто отдыхал у нас дома. Иногда, взяв в руки домбру, тихонько с душой напевал. Он был простой человек, без капризов. И даже когда просто говорил, то казалось, что льется песня, а стих его был точен и правдив».

Конечно, было немало разговоров. Молодому поэту и ученому было интересно все о жизни, помыслах, творческих планах этого уникального человека. Как-то Каюм задал Естаю вопрос о самой первой его песне. Тот сразу переменился в лице, казалось, даже нахмурился. Спустя некоторое время он все же начал рассказ, который тоже был записан

К.Мухамедхановым: «Это была песня «Хорлан». Я сочинил ее в возрасте 20 лет. То была настоящая любовная драма: Хорлан была дочерью богатого человека рода Кыпчак-Урук из волости Сункар. Я увидел ее вместе с сестрой на одной из свадеб, где я пел. Мне она сразу понравилась, да и я ей приглянулся. Полюбив друг друга, мы решили не расставаться. Через год я решился выкрасть ее. Но мне это не удалось. Ее отец – султан – узнал о моих планах и быстро сосватал ее за другого…».

Естай рассказал Каюму и о том, что спустя шесть лет после замужества Хорлан, он разыскал ее, чтобы увидеть и поприветствовать любимую. В последний же раз им довелось повстречаться в 1931 году, когда оба перешагнули порог не только зрелости, но и старости.

Пробыв в доме Мухамедханова две недели, Естай отправился домой на пароходе, не зная еще тогда, что встретиться с гостеприимным хозяином им доведется только через шесть лет. Тогда – в 1945-ом – проводились пышные торжества по поводу 100-летия со дня рождения Абая. Будучи ответственным секретарем комиссии по проведению юбилея, Каюм Мухамедханович пригласил павлодарского поэта в качестве почетного гостя. В этот приезд Естай подарил Каюму свою прощальную песню. И ее текст, и фотографии, и свои воспоминания он позже передаст для размещения в книгу Ахмета Жубанова «Замана булбулдары» («Соловьи столетий»).

Какое-то время спустя он рассказал об этих встречах своим коллегам. Конечно, был упомянут и эпизод о создании Естаем песни «Хорлан». А вскоре К.Мухамедханов с удивлением прочел газетную статью, в которой один из услышавших его рассказ, писал, что это именно ему Естай поведал эту историю. Но Каюм-ага отнесся к произошедшему с завидным спокойствием и иронией: «Ладно, пусть хоть так люди узнают историю песни. Главное, он не исказил мой рассказ».

***

Июнь 1948 года… Несколько семипалатинских поэтов и журналистов сели в катер и взяли курс вверх по Иртышу в сторону аэропорта – встречать дорогого гостя, выдающегося советского прозаика **Всеволода Иванова**. Заглядываясь на вскипающую позади лодки пенную струю речной воды, кто-то вспомнил, что первый рассказ Всеволода Вячеславовича, который он показал Максиму Горькому, назывался «На Иртыше». Долгое ожидание в

аэропорту лишь усилило волнение. И вот, наконец, долгожданная фигура показалась на трапе.

«С этой первой встречи, с первого взгляда и на всю жизнь запомнились мне черты его лица, его широкие плечи, высокий открытый лоб, крупный, чуть вздернутый нос, характерный для степных жителей, – писал Каюм Мухамедханов в своих воспоминаниях об авторе «Партизанских повестей». – Глаза его улыбались сквозь толстые стекла очков. Он здоровался с нами так, как будто знал нас давно, часто встречался с нами. Ему было тогда 53 года, но сколько в нем чувствовалось сил и здоровья: быстрые движения, энергичная походка, веселый нрав».

Встречи ли с животноводами, визиты ли в редакции местных газет, поездки ли на ведущие предприятия – в любом из этих, по-советски традиционных мест для посещения «флагманов советской литературы» Каюм Мухамедханович находился рядом с Всеволодом Вячеславовичем. Особенно ему запомнился тот из проведенных Ивановым в Семипалатинске дней, который был посвящен городским музеям. Еще бы! Ведь им было отдано столько сил по сбору экспонатов, поиску текстов, созданию экспозиции в музее Абая. Музей Абая, размещавшийся тогда в пяти тесных комнатках деревянного домика, где некогда гостил поэт, приезжая из Степи в Семипалатинск, заинтересовал его так, что он даже напишет о нем в одной из своих статей о романе Ауэзова «Абай».

Но гораздо важнее и ярче память Каюма высвечивала картины из совместных прогулок по городу, долгих и оживленных разговоров: «У дома, где жил Достоевский, Всеволод Вячеславович обратился ко мне:

- Каюм, ты – директор музея Абая. Ты не должен забывать и Федора Михайловича. Он же друг Шокана Уалиханова и до самой смерти хранил память о нем. Ты же знаешь, Достоевский свои рукописи хранил в палисандровом ящике, подаренном Шоканом Шынгысовичем в знак дружбы.

Признаться, я тогда об этом не знал, растерялся и пробормотал что-то вроде:

- Да, они были большими друзьями.

Всеволод Вячеславович продолжал:

- В этом особняке надо организовать дом-музей Достоевского. Я поговорю об этом с руководителями области.

А о палисандровом ящике я прочитал потом в воспоминаниях Анны Григорьевны Достоевской. В беседе со своей будущей женой Федор Михайлович говорил:

- Видите этот большой палисандровый ящик? Это – подарок моего сибирского друга Шокана Уалиханова, и я им очень дорожу. В нем я храню мои рукописи, письма и вещи, дорогие по воспоминаниям.

Да. У Всеволода Вячеславовича была хорошая память: все, что он однажды читал или слышал, запоминал надолго. После осмотра дома Достоевского и других домов, где бывал ссыльный петрашевец, мы направились на телеграф. Прежде чем дать телеграмму, Иванов заметил мимоходом:

- Телеграфная линия между Омском и Семипалатинском была проведена еще в 1872 году…

Спустя два-три дня зашел разговор о поездке вверх по течению Иртыша в Усть-Каменогорск. Всеволод Вячеславович с улыбкой вспомнил:

- В 1863 году из Семипалатинска в Усть-Каменогорск и дальше к озеру Зайсан поплыл первый пароход. И название его было «Ура». Удивительно! «Ура». И громко засмеялся».

В те дни приезда в Семипалатинск Всеволод Иванов остановился в доме Мухамедханова. Нахваливая угощение, приготовленное руками Фархинур, с умилением вслушиваясь в речь шестилетней дочери Каюма Розы, читавшей одетому в светло-серый костюм доброму и улыбающемуся гостю: «Вот моя деревня, вот мой дом родной…», Всеволод Вячеславович отдыхал здесь душой. И, как всегда это происходило в доме Каюма Мухамедхановича, часами велись разговоры о литературе, истории, искусстве. Отчасти они тоже воспроизведены в записях Мухамедханова:

«…в тот вечер он много говорил о казахской литературе, вспоминал о своей совместной работе с Беимбетом Майлиным и Габитом Мусреповым над киносценарием к фильму «Амангельды». И немного – о себе:

- Я не умею писать о том, о чем имею смутное, поверхностное представление. Я родился и вырос здесь, в Семипалатинской области. Много бывал в казахских аулах. В детских играх моими друзьями были казахские ребятишки. Верите, я в детстве свободно говорил по-казахски. Хорошо знаком с восстанием 1916 года. Встречался с участниками восстания. Разговаривал. И даже начал писать книгу на эту тему…

Затем разговор зашел о переводах произведений казахских писателей на русский язык. Всеволод Вячеславович слово «подстрочник» высмеивал. Он с большим уважением говорил о Маршаке-переводчике: почему для него не существует подстрочников? Почему его переводы Шекспира и Бернса популярны на русском языке? А вот стихи Абая, большинство из которых положены на музыку поэтом и самим народом, в переводе на русский язык теряют свою музыкальность и, мягко говоря, менее популярны»…

Воспоминания Каюма Мухамедхановича о Всеволоде Иванове не только создают удивительно живой и яркий образ эрудированного, жизнерадостного, открытого человека, но и сами являются образчиком выразительного и самобытного художественного стиля, отчего читаются как захватывающий роман.

Ценность подобных произведений не раз подчеркивала и супруга Всеволода Вячеславовича Тамара Владимировна Иванова. В семейном архиве Мухамедхановых хранятся ее теплые, сердечные телеграммы к дням рождения Каюма Мухамедхановича, письма-приглашения отдохнуть на даче писателя в Переделкино (куда семипалатинский собрат Иванова по перу так и не выбрал времени съездить). Но главное, наверное, даже не в этом, а в искренней заботе Т.Ивановой о размещении и широкой популяризации произведений К.Мухамедханова. Заботы, которой, к сожалению, он не чувствовал на родной земле.

«Пишу Вам второе письмо. Первое написала, когда дошла до меня «Звезда Прииртышья» с Вашей статьей «Всеволод Иванов в Семипалатинске». А теперь пишу, прочитав Вашу статью в газете «Иртыш» – «Одним дыханием со степью», – писала Тамара Владимировна в 1973 году. – Я Вас от всего сердца благодарю за обе эти статьи, и мне очень, очень бы хотелось, чтобы, объединив их в одну, Вы опубликовали бы свой труд в журнале… Такая статья была бы очень уместна на страницах журнала «Дружба народов». Я знакома с главным редактором и могла бы предложить ему Вашу статью, если Вы этого хотите и пришлете мне ее. Простите, коли мое предложение не к месту…».

А сколько биографических подробностей, рассказываемых Каюму Мухамедханову в личных беседах со многими выдающимися представителями отечественной культуры, бережно и скрупулезно собрано

им, тщательно, исторически и документально выверено и блестяще, высокохудожественным языком описано! Сегодня каждая из таких деталей может стать базой для подробных исследований.

Окружающие же видели в Каюме не только ученого, но и Хранителя. Мало кто мог также трепетно и бережно относиться к хранимым у него рукописям, воспринимая их как бесценную фактическую основу для научных исследований. Не случайно, что именно Каюму внучка Абая (дочь Турагула) Макен доверила столь дорогую ее сердцу тетрадь с собственноручно написанной родословной. Эта женщина вообще очень высоко ценила Каюма Мухамедхановича. Она пригласила его и на празднование своего восьмидесятилетия. Каюм, как обычно, держался незаметно. Но Макен-апай, по старой народной традиции усаживать за стол рядом с виновником торжества самых достойных и дорогих ему людей, на весь зал объявила: «С одной стороны от меня сядет Каюм, а с другой, – Гульнар Дулатова».

…Пройдет совсем немного времени. Уже и сам Каюм Мухамедханов станет объектом восторженных отзывов, а те, кому посчастливилось общаться с этим необыкновенным человеком будут писать свои воспоминания о нем, скрупулезно восстанавливая в памяти каждое его слово, взгляд, движение. Ниточки из сегодняшнего дня потянутся к облику Каюма Мухамедхановича, а от него – к десяткам знаковых фигур казахстанской литературы и культуры. За этим замысловатым узором перекрещения судеб встает общая картина нашей большой истории.

Вместо послесловия
ОЧЕВИДНОЕ, НО НЕВЕРОЯТНОЕ ИНТЕРВЬЮ

Не знаю, как бы отнесся Каюм Мухамедханов к этой идее гипотетического интервью с ним. Ведь он, как никто другой, ценил точность, фактическую обоснованность и тщательно следил за тем, чтобы сослагательное наклонение не проникало в реальную историю. Конечно, эта беседа с ушедшим аксакалом невероятна. Но, как это ни парадоксально, очевидна! Его многочисленные научные труды, публицистические статьи, воспоминания, да и просто рабочие записи хранят ответы на множество

вопросов, которые хотелось бы задать этому удивительному человеку. Среди них есть такие, которые я и мои коллеги по журналистскому цеху успели задать Каюму Мухамедхановичу на самом деле. Но есть и те, на которые он ответил в своих записях, намного опередив наш нынешний интерес…

- Оглядываясь на свой пройденный (длинный и далеко не самый легкий!) путь, Вы сами готовы подвести его главные итоги?

- У каждого человека есть своя судьба и свое признание. И еще, к сожалению, есть пора итогов. Как бы я ни сожалел, это время само собой и так быстро подходит… Мало ли, много ли сделано мной в научно-исследовательском плане и в литературном творчестве, судить не мне. Но чувствую, что немалые годы мои были наполнены напряженным трудом. Когда-то я родился в середине зимы – в январе. И одним из итогов является осознание того, что в моей жизни гораздо больше было солнечного и цветущего лета, чем морозной и вьюжной зимы.

- Вами написано значительное количество научных работ. Многие из них – академического масштаба. Естественно и логично возникает вопрос, почему, имея в профессиональном багаже такое количество полноценных научных исследований, Вы так и не защитили докторскую диссертацию?

- Причин этому немало. Мне думается, наиболее объективные причины такие: слишком тяжелым был перенесенный мной удар необоснованной репрессии и в моральном, и в физическом отношении; перегруженность учебной и общественной работой; сказывается и возраст, и состояние здоровья; забота о семье и воспитании десятерых детей; как члену Союза писателей СССР, необходимо было заниматься художественным творчеством, чему, конечно, следовало посвящать время и силы…

- Не самый важный, но все же много раз возникавший вопрос: зачем Вы всю жизнь хранили отработанные подготовительные материалы, да еще в таком количестве? Или это скрытая педагогика – пусть изыскатели в будущем учатся перерабатывать горы «научной руды», прежде чем добраться до истины?

- Рукописи должны всегда сохраняться для доказательства фактов.

- Вам много лет пришлось отстаивать правоту своих научных изысканий в отношении литературной школы Абая, да и в целом, – объективного прочтения его творческого наследия. Вам заплатили за это

пытками тюремной камеры и лагерным заключением. Научные идеи стоили такой цены?

- Мы с Мухтаром оставались вместе в своих идеях до конца. Многие наши коллеги, друзья перешли на сторону клеветы. Они хотели свести на нет все, чем Мухтар занимался на протяжении тридцати лет, меня в открытую называли прихвостнем Ауэзова, Шакарима – бандитом. Била нас судьба, но не сломала. Ладно, что я… Я жалею, что Абаю, Мухтару, алаш-ординцам пришлось многое пережить и испытать несправедливость. Всю жизнь на Мухтара нападали. Мы не отступились от своих научных идей. Время – судья… Оно все расставило на свои места. И наши идеи – это то, чем сегодня гордится нация.

- Но сейчас-то времена, к счастью, изменились. И кажется, творчество Абая и его последователей теперь не только широко, но и достаточно объективно изучено?

- Абая всегда использовали в идеологических целях. Философия же его еще не до конца изучена. Нет Мухтара сейчас, и некоторые академики до сих пор не понимают Абая. Издан двухтомник с научными комментариями, я же настаивал на четырехтомнике – много еще надо работать. Надо хорошо знать, понимать Абая, знать каноны науки, чтобы не допускать искажений и лженаучных измышлений, имеющих место, к сожалению, и сейчас.

Абай говорил: впереди – мечта, позади – разочарование. Жизнь обманчива. Какое государство мы сейчас строим? Какая у нас идеология? История нашего народа продолжается… Сейчас появились вымышленные батыры из того или другого рода, которых не было в реальности. Они заслоняют истинную историю, настоящих героев. Хотя я и не историк, но долг ученого-казаха требует, чтобы я внес свой вклад в развитие историзма, по крайней мере, той его части, которая касается национальной литературы. Кто-то выдумывает ложь. Кто-то готов верить этой лжи. Кто-то ищет ложной славы. Разве мы можем называться народом, если не будем думать?

- Кажется, что Вы знаете об Абае все. Ну, или почти все. А дивный мир Высокого поэтического слова для Вас не только любим, но и хорошо знаком. Но если бы Вам представилась уникальная возможность задать всего один вопрос великому предшественнику, о чем бы он был?

- Я бы задал Абаю, наверное, очень наивный вопрос: «Как Вы стали поэтом?» А он бы засмеялся и сказал: «Поэтами не становятся, ими рождаются».

- А счастье? Теперь-то Вы можете сказать, что это такое?

- По-моему, огромное счастье – быть свободным, говорить правду и не бояться ничего. Только так надо жить! Это – главное для человека.

Алла БЕЛЯКИНА,
филолог, журналист

Семипалатинск, июль 2005 г.

***

Каюм Мухамедханов (1916-2004) – выдающийся ученый, абаевед, сподвижник М.Ауэзова, член Союза писателей СССР с 1940 года, основатель музея Абая в г.Семипалатинске (1940г.), автор текста первого Государственного Гимна Казахской ССР 1945 года (музыка М.Тулебаева), Лауреат Золотой Медали Международной Академии Абая (Лондон,1995г.), Лауреат Государственной премии Республики Казахстан (1996 г.), первый первый Лауреат Международной премии Абая Союза писателей Казахстана (1996г.), первый Лауреат Международной литературной премии «Алаш» Союза писателей Казахстана (1996г.), общественный деятель, писатель, поэт, драматург, переводчик, педагог.

КАЮМ (ГАБДУЛКАЮМ) МУХАМЕДХАНОВ
(05.01.1916 – 30.06.2004)

- Автор текста Государственного Гимна Казахской ССР (1945г.)
- Член Союза писателей СССР с 1940 года
- Лауреат Государственной Премии Республики Казахстан (Диплом №19 от 27 декабря 1996г.)
- Лауреат Золотой Медали Международной Академии Абая (Решение Президиума Международной Академии Абая, Лондон, 1995г.)
- Первый Лауреат Международной премии Абая Союза писателей Казахстана (Постановление секретариата Союза писателей Казахстана от 3 января 1996г.)
- Первый Лауреат Международной литературной премии “Алаш” Союза писателей Казахстана (1996г.)
- Лауреат премии Союза журналистов Казахстана (1995г.)

- Первый Почетный Профессор Государственного университета “Семей” (протокол №2 от 31 октября 1996г.)
- Профессор Алматинского Государственного университета имени Абая (Решение Ученого Совета Алматинского Государственного университета имени Абая от 28 мая 1996г., протокол №9)
- Отличник народного просвещения Казахской ССР (Удостоверение №34173 от 27 сентября 1979г.)
- Отличник просвещения СССР (Удостоверение №28474 от 23 апреля 1985г.)
- Почетная Грамота Президиума Верховного Совета Казахской ССР за заслуги в области советской литературы и в связи с 70-летием со дня рождения (Указ Президиума Верховного Совета КазССР от 3 января 1986г.)
- Почетная Грамота Президиума Верховного Совета Казахской ССР за заслуги в научно-педагогической, практической и общественной деятельности (Указ Президиума Верховного Совета КазССР от 17 августа 1989г.)
- Почетный гражданин города Семипалатинска (Диплом №9 от 28 марта 1987г.)
- Почетный гражданин города Аягоза (Диплом №14 от 29 октября 1996г.)
- Почетный гражданин Абайского района Восточно-Казахстанской области (Удостоверение №9 и памятный знак от 27 сентября 1995г.)
- Почетный гражданин Жанасемейского района Восточно-Казахстанской области
- Пожизненный ректор Университета Абая при музее-заповеднике Абая в Семипалатинске (Постановление научного совета музея-заповедника Абая)
- Почетный председатель, научный консультант и член редакционного совета республиканского журнала “Абай” (с момента возрождения журнала в 1992г. и до конца своей жизни)
- Почетная Грамота за вклад и в связи с 70-летием газеты “Семей таңы”
- “Лауреат года” разных лет газеты “Қазақ әдебиеті” за научно-исследовательские статьи “Қаракерей Қабанбай батыр”, “Абай мұрасына абай болғанымыз жөн”, “Абайдың жарияланбаған өлеңдері”, “Бұхар жырау” и многие другие историко-научные очерки
- “Лауреат года” за 1977 год журнала “Білім және еңбек” за статьи “Халықтан шыққан қаһарман” (№7), “Шешен Сабыржан” (№8)
- Медаль “За доблестный труд в Великой Отечественной войне 1941-1945 гг.” (26 июля 1946г.)
- Медаль “30 лет Победы в Великой Отечественной войне 1941-1945 гг.” (20 июля 1982г.)

КОЛИЧЕСТВО ПУБЛИКАЦИЙ КАЮМА МУХАМЕДХАНОВА – СВЫШЕ 750, В ИХ ЧИСЛЕ:

I. Монографии:

1. "О текстологии произведений Абая". – Алма-Ата, изд. "Казгослитиздат", 1959г.
2. "Магауия Ибрагимович Кунанбаев. Жизнь и творчество". – Алма-Ата, изд. "Казучпедгиз", 1959г.

II. Защищенные диссертации:

1. "Литературная школа Абая". – Алма-Ата, 7 апреля 1951г. (под научным руководством академика АН КазССР М.О.Ауэзова).
2. "Поэты абаевской поры". – Алма-Ата, 12 июня 1959г. (под научным руководством академика АН КазССР М.О.Ауэзова).

III. Научные исследования:

1. Научно-творческая биография Абая.
2. Научно-творческая биография М.Ауэзова.
3. Историко-архивные исследования о Кабанбай батыре (1943г.).
4. Историко-архивные исследования о Богенбай батыре (1943г.).
5. Поэт Арип (1943г.).
6. Биография и текстология произведений Бухар жырау (1982г.).
7. Текстология произведений поэта Махамбета (1986г.).
8. Поэт Шакарим (1988г.).
9. Цикл статей об истории казахской литературы XVIII-XIX вв.: "О жизни Бухар жырау", "Жизнь и творчество поэта Арстанбая" и др.
10. Многочисленные историко-литературные очерки о деятелях культуры, литературы и искусства.

IV. Книги:

1. Сборник произведений поэтов абаевского окружения. – Алма-Ата, изд. "Казгослитиздат", 1951г. (собирание, составление, биографии и научные комментарии принадлежат К.Мухамедханову; предисловие написано М.Ауэзовым).
2. "Литературно-мемориальный музей Абая" (путеводитель на казахском и русском языках). – Семипалатинский Облиздат, 1960г. (в соавторстве с М.Шаталиным).
3. "Абайдың туған жері. Өскен ортасы" (научно-исторический очерк об абаевских местах на казахском и русском языках). – Алма-Ата: "Жазушы", 1971г.
4. "Комиссар Ғаббасов" (сборник пьес на казахском языке). – Алматы, изд. "Өнер", 1984г.

5. Казахская ССР: краткая энциклопедия в 4-х томах на казахском и русском языках. – Алма-Ата, главная редакция Казахской советской энциклопедии, 1984-1991 гг. (рецензент, научный консультант и автор статей об Акылбае, Арипе, Какитае, Шакариме, Акылбеке Сабалове и Мажите Даулетбаеве).

6. "Уақыт өрнегі" (стихи и поэмы поэта-ученика Абая Уаиса Шондыбаева). – Алматы, изд. "Жазушы", 1988г. (биография поэта и комментарий к его произведениям написаны К.Мухамедхановым).

7. "Бес арыс" (сборник авторского коллектива о пяти великих казахских писателях). – Алматы, изд. "Жалын", 1992г. (в книге опубликованы статьи К.Мухамедханова о жизни и творчестве Шакарима Кудайбердиева и Жусупбека Аймауытова).

8. Четырехтомник "Абайдың ақын шәкірттері" ("Поэты-ученики Абая"):
- 1-том. – Алматы, изд. "Дәуір", 1993г.
- 2-том. – Алматы, изд. "Дәуір", 1994г.
- 3-том. – Алматы, изд. "Дәуір", 1995г.
- 4-том. – Алматы, изд. "Дәуір", 1997г.

9. "Абай мұрагерлері" ("Поэты-последователи Абая") – Алматы, изд. "Атамұра", 1995г.

10. Произведения Абая в двух томах: академическое юбилейное издание. – Алматы, изд. "Жазушы", 1995г. (научный комментарий К.Мухамедханова; в сборник также включены восемь ранее неизвестных стихотворений Абая, обнаруженных К.Мухамедхановым).

11. Энциклопедия "Абай" – Алматы, изд. "Атамұра", 1995г. (К.Мухамедханов – член редколлегии и автор статей: "Алихан Букейханов", "Акылбай Кунанбаев", "Абай и его окружение", "Поэты-ученики Абая" и др.).

12. "Абай елі" ("На земле Абая"). – Алматы, изд. "Өнер", 1994г. (научный консультант).

13. Многотомное собрание сочинений: "Қайым Мұхамедханов" из серии "Алаш мұрасы":
- 1-том. – Алматы, изд. "Алаш", 2005г.
- 2-том. – Алматы, изд. "Алаш", 2005г.
- 3-том. – Алматы, изд. "Алаш", 2005г.
- 4-том. – Алматы, изд. "Алаш", 2005г.
- 5-том. – Алматы, изд. "Ел-шежіре", 2007г.
- 6-том- Алматы, изд. "Ел-шежіре",2008г.
- 7-том- Алматы, изд. "Ел-шежіре",2009г.
- 8-том- Алматы, изд. "Ел-шежіре",2009г.

V. Вклад в развитие казахской литературы и культуры:

1. Вклад в реабилитацию имен крупнейших представителей казахской интеллигенции и обоснование необходимости публикации их произведений:

К.Мухамедханов одним из первых выступил в печати с научными исследованиями о Шакариме, Ж.Аймауытове, А.Байтурсынове, А.Бокейханове, М.Дулатове, М.Жумабаеве, М.Тынышпаеве.

Так, в период с 40-х по 80-е годы XX века Мухамедханов обращался в различные органы государственной власти – Семипалатинский обком КП Казахстана, ЦК КП Казахстана, к Н.Хрущеву, Г.Колбину, в литературные издания Москвы с письмами-ходатайствами о реабилитации Шакарима и публикации его произведений.

Обстоятельное письмо К.Мухамедханова на 30 страницах в ЦК КП Казахстана составило основу для выхода в свет решения комиссии ЦК КП Казахстана о реабилитации имени Шакарима.

2. **Поиск, научный анализ произведений и установление их принадлежности Абаю.**

   В течение 40 лет, с 1940-х по 1980-е годы К.Мухамедхановым было обнаружено более тридцати ранее неизвестных стихотворений Абая, научно обоснована их принадлежность поэту.

   Обнаруженные Мухамедхановым стихотворения Абая включены в сборники произведений Абая, опубликованные в разные годы.

3. **Введение в научный оборот многих текстов произведений представителей Алашорды.** Каюм Мухамедханов установил существование самих текстов, провел их текстологический анализ и переложил многие тексты с арабской графики на латиницу и современный казахский язык. Эта работа и составила научную основу для подготовки к печати текстов произведений Шакарима и представителей Алаша для современного читателя.
4. **Весомый вклад в создание энциклопедии “Абай”, 1995г.:** член редколлегии и автор ряда статей.
5. Научный комментарий к академическому изданию двухтомника произведений Абая, 1995г.
6. Значительный вклад в **создание литературно-мемориального музея Абая в Семипалатинске,** в котором К.Мухамедханов работал с 1940 по 1951 годы. С 1940г. – старший научный сотрудник, а в 1947-1951 гг., когда музей был передан в ведение Академии наук Казахской ССР, – директор музея Абая.
7. Вклад в развитие литературного творчества Семипалатинской области.

   В 1942-1947 гг. К.Мухамедханов являлся уполномоченным Союза писателей Казахстана по Семипалатинской области.

8. **Вклад в развитие учебных программ для школ и вузов:**

   ▪ Древняя казахская литература (учебно-методическое пособие для студентов). – Семипалатинск, 1976г.

   ▪ Конспекты лекций для студентов вуза: “Казахский фольклор”, “Бухар жырау”, “Махамбет Утемисов”, “Кабанбай батыр”.

   ▪ В “Хрестоматию для вузов по истории казахской литературы начала XX века” (Казучпедгиз, 1959г.) и “Хрестоматию казахской литературы

для средней школы” вошли поэмы Акылбая Кунанбаева “Дагестан” и “Зулус”, поэмы Магауии Кунанбаева “Енлик-Кебек” и “Медгат-Касым”. Рукописи поэм были впервые обнаружены, текстологически проанализированы и подготовлены к печати К.Мухамедхановым. Это было отмечено в литературном мире: имена поэтов и их произведения были включены в “Библиографический указатель произведений Абая и литературных материалов о нем, опубликованных за 1889-1945 гг.” (изд. АН КазССР, Алматы, 1946г.).

9. В сборник “Поэмы дореволюционных казахских поэтов” (“Казгослитиздат”, 1960г.) вошли поэмы Магауии Кунанбаева “Медгат-Касым”, “Енлик-Кебек” и Асета Найманбаева “Салиха-Самен”. Рукописи поэм были впервые обнаружены, текстологически проанализированы и подготовлены к печати К.Мухамедхановым.

10. Научно-критические комментарии ко всем 12-ти томам Казахской советской энциклопедии (КСЭ). Тщательное изучение архивных материалов, знание историографических источников позволили К.Мухамедханову в 1978-1981 гг. выполнить совершенно оригинальную научную работу. Он дал научно-критическое описание всем двенадцати томам КСЭ. Научные публикации К.Мухамедханова по этой тематике – это вполне законченное исследование объемом в 70 страниц машинописи. Этот труд послужил большим справочно-вспомогательным материалом в дальнейшей переработке содержания энциклопедии.

11. Поиск, научный анализ и подготовка ранее неизвестных рукописей к публикации:

1) К.Мухамедхановым обнаружены и введены в научный оборот следующие произведения:

- свыше тридцати поэм Акылбека Сабалова, в числе которых “Тахир и Зухра”, “Сорок визирей”, “Боз жігіт”;
- “Қазақ шежіресі” в стихах.

2) В 40-е годы К.Мухамедханов сдал в Казахский филиал АН СССР много ценных материалов, собранных и текстологически обработанных им, в числе которых:

- 1943г. – “Кабанбай батыр”, 2 п.л.; “Богенбай батыр”, 2 п.л.;
- 1944г. – “Поэт Арип”, 25 п.л.;
- 1940-1944 гг. – неопубликованные стихотворения и пословицы Абая; “Высказывания Абая о Шакариме”; “Высказывания Абая и Джамбула об Арипе”; “На смерть Арипа” и многое другое;
- 1945г. – “Литературная школа Абая”, 32 п.л.

12. Бесценный вклад в увековечение имени Абая:

- сбор материалов для создания первого музея Абая в Семипалатинске и выбор здания для музея;
- подготовка 100-летнего юбилея Абая (1945г.) в качестве ученого секретаря Юбилейного комитета Правительства КазССР;

- разработка конкретных мероприятий по увековечению имени Абая: обращение с письмами-ходатайствами в роли директора музея Абая в Правительство, в другие инстанции с ходатайством по строительству мавзолея над могилой Абая; по сооружению общенациональных памятников Абаю в Алматы и Семипалатинске; по созданию мемориального дома-музея Абая в зимовке Жидебай; по установке мемориальных плит в местах, связанных с жизнью и творчеством Абая и его учеников; по изготовлению бюстов и скульптур Абая для учреждений; по созданию живописных картин и многое другое.

13. **Весомый вклад в возрождение журнала "Абай" (1992г.),** издававшегося с 1918 года М.Ауэзовым и Ж.Аймауытовым. Первые номера журнала в 1918 году увидели свет благодаря финансовой поддержке отца Каюма – Мухамедхана Сейткулова. Мухамедханов был Почетным председателем, научным консультантом и членом редакционного совета республиканского журнала "Абай" (с момента возрождения журнала в 1992г. и до конца своей жизни). Он – автор многочисленных статей, опубликованных в журнале в разные годы. Отдельные номера содержат по несколько статей автора Каюма Мухамедханова.
14. **Вклад в создание кино, теле и видеофильмов, вошедших в Золотой фонд РК:**
    - Документальный фильм "Город моей юности" (к 250-летию Семипалатинска). – "Казахфильм", 1968г. (автор сценария в соавторстве с С.Анисимовым).
    - Видеофильм о Шакариме "Возвращение поэта". – Республиканский телеканал "Казахстан", 1988г. (ключевое участие в фильме).
    - Научно-популярный фильм "Шакарим". – Киностудия "Казахфильм", 1989г. (автор сценария и участник фильма).
    - Документальный телефильм "Абай туралы сөз" (режиссер Т.Ибраев). – студия "Казахтелефильм", 1990г. (главный герой фильма).
    - Художественный телефильм "Последняя осень Шакарима". – студия "Казахтелефильм", 1993г. (научный консультант совместно с М.Магауиным).
    - Документальный фильм к 150-летию Абая "Мен Абайды Әке деймін" (режиссер С.Азимов). – Телерадиокомплекс Президента РК 1995г. (консультант и участник фильма).
    - Документальный фильм к 150-летию Абая "Мир Абая". – Бюро "Ел", 1995г. (участник фильма).
    - Двухсерийный документальный фильм к 100-летию М.Ауэзова "Неизвестные страницы жизни "Избранного" (режиссер С.Азимов). – Телерадиокомплекс Президента РК, 1997г. (с участием К.Мухамедханова).

- Многосерийный историко-документальный фильм “Бірінші”. – Агентство “Хабар”, 2004г. (с участием К.Мухамедханова в 15-ой заключительной серии фильма о репрессиях)
- “Көзкөрген” (фильм о научной и творческой жизни Каюма Мухамедханова). – Агентство “Хабар”, декабрь 2001г.
- “Бір сәт және бүкіл ғұмыр”. – Агентство “Хабар”, 2003г. (серия посвящена К.Мухамедханову и Б.Турлыханову).

15. В течение многих лет К.Мухамедханов был постоянным членом художественного совета театра имени Абая в Семипалатинске и членом ученых советов семипалатинских музеев – музея Абая, областного историко-краеведческого музея, музея Достоевского.

16. Участие в телевизионных и радиопередачах республиканского и областного значения о жизни замечательных людей. Многие передачи вошли в Золотой фонд страны.

VI. Авторские пьесы:

1. “Перне” (с предисловием М.Ауэзова, 1944г.);
2. “Майданнан – майданға”, 1947г.;
3. “Комиссар Ғаббасов”, 1960г.;
4. “Если враг не сдается”, 1968г.;
5. “Ер Білісай”, 1974г.

VII. Художественные переводы на казахский язык с других языков:

1. Музыкальная комедия У.Гаджибекова “Аршин мал алан” (с азербайджанского языка), 1941г.
2. Драматургическая версия Г.Гракова, созданная по роману А.Фадеева “Молодая гвардия” (перевод одной картины). Опубликовано в газете “Екпинди” в 1947 году.
3. Комедия П.Бомарше “Женитьба Фигаро” (с русского языка), 1950-1951 гг. Рукопись объемом в 133 листа изъята при аресте 1 декабря 1951 года.
4. “Декамерон” Дж.Боккаччо, 1955 год (с русского языка, по поручению Казгослитиздата). Рукопись не сохранилась.
5. Комедия Ш.Камала “Қажы Әпенді үйленеді” (с татарского языка), 1967г.
6. Пьеса польского драматурга Е.Юрандота “Такие времена” (“Уақыт сондай”), 1965г.

VIII. Автор более 100 стихотворений, а также стихотворных переводов на казахский язык с других языков, в том числе:

1. Драматическая поэма А.Пушкина “Русалка”, 1941 год. Рукопись конфискована при аресте 1 декабря 1951 года.
2. Повесть Н.Карамзина “Бедная Лиза” (“Сормаңдай Лиза”). Перевод в стихотворном изложении. – Карлаг, 1954г.
3. Более тридцати стихотворений Т.Шевченко, Г.Тукая и других авторов, в том числе стихи Г.Тукая: “Кітап”, “Вальтер – Тоқайдан”, 1966г.; стихотворное изложение восточной легенды “Арон-Рашид и собаки”, 1966г.

ДОКУМЕНТАЛЬНЫЙ ФИЛЬМ, ПОСВЯЩЕННЫЙ КАЮМУ МУХАМЕДХАНОВУ

“Алаш – Қайым Мұхамедханов”. (Документальный фильм на казахском языке). – Астана. “Makhat-Studio”. 2007. Продолжительность: 35 мин.

Премьера фильма состоялась на республиканском телеканале “Хабар” 26 января 2008 года.

Фильм был повторно показан на телеканале “Хабар” 31 мая 2008 года в День памяти жертв политических репрессий, 31 мая 2009 г. на телеканале «Казахстан» и на других телеканалах Казахстана.

***

«Қайым Мұхамедханов атындағы білім және мәдениет орталығы» Қоғамдық Қоры қоғамның рухани-адамгершілік негізін сақтау, білім және мәдениет саласын көтермелеу, жастардың отансүйгіштікке тәрбиелеуді дамыту мақсатында 2008 жылы Алматы қаласында құрылған.

Бұл мақсатымызды мына тақырыптар бойынша жүзеге асырмақпыз:

- Қазақ халқының мәдени мұрасын қадірлеуге елеулі үлес қосқан Қайым Мұхамедхановтың мәдени мұрасын сақтау;
- Алаш қозғалысына қатысқандар және олардың идеяларын насихаттағандарды мәңгілік есте сақтау;
- Білім және мәдениет арқылы еліміздің адамзаттық және әлеуметтік капиталын дамыту;
- Қарлаг – отбасының, ұлттың, еліміздің, естелігі.
- Сталиндік режимнен зардап шеккендерді кеңінен әнгімелесу.
- Жастарды жауапкершілікті кәсіби мамандықтарға тәрбиелеу;

- Салт-дәстүрді сақтай отырып, инновацияны жүзеге асыруға, жаңа идеяларды іске асыруда тиімді ұсыныстар әзірлеу, талдау жасау арқылы білім сапасын көтеруге комектесу.
- Жоғары оқу орындарында жаңа бағдармалар мен курстарды дамыту;
- Мынадай жобалар мен бағдарламалар арқылы жалпы адамзаттық және демократиялық құндылықтарды үгіттеуді ұсынамыз: «Адам және оның мәртебесі – прогрессивті қоғамның жоғары құндылығы», «Білім жолымен мәдениеттіліктің арттылу», «Еліміздің дамуына білімнің үлесі», «Білім және мәдениет тұрғысында кәсіби әлеуметік және этникалық жауапкершілікке ықпал жасау», «Қазіргі таңдағы кәсіби маман көшбасты», «Мәдениет – профессионализмнің негізі».
- 2008 жылы Қазақстанның жоғары оқу орындарының оқытушылары мен студенттері қатысқан бірнеше «дөңгелек үстелдер» мен семинарлар өткізілді: «Профессионалды этика», «Жоғары білім миссиясы – жаһандық, аймақтық, ұлттық тәжірбиелері».
- 2009 жылы саяси репресияның құрбандарын еске алу Күніне арналған Дөңгелек үстел өткізілді. Бұл күні «Қайым Мұхамедханов: Қарлаг және оның тағдыры» кітабының тұсау кесері болды. Аталған кітап аралығында 1930 -1950 жылдар сталиндік репрессия – тарихымыздағы қайғылы оқиғалары ашып айтқан архив материалдары зерттеу, негізінде жарыққа шықты. Бұл Қарлаг – репрессиялары тақырыбындағы жобаның бастамасы.
- 2009 жылы Қайым Мұхамедхановтің әріптестерінің, шәкірттерінің және ғалымдардың серіктестігімен ҚР-ның Бұқаралық ақпарат және мәдениет Министрлігінің қолдауымен «Қайым Мұхамедхановтың мәдени мұрасын сақтау бойынша жұмыстарды ұйымдастыру» жобасы жүзеге асырылуда.

Ұйымның Қамқоршылық Кеңесі және құрылтайшылары қоғамда беделді, адамдар.

Электрондық пошта: тел. 8 (705) 230 19 56
8(7272)64 30 53

center-kayum@rambler.ru
dmukhamedkhan@mail.ru

Общественный фонд «Центр образования и культуры имени Каюма Мухамедханова» был создан в Алматы в 2008 г. с целью сохранения духовно-нравственной основы нашего общества, повышения его культуры и образованности, развития патриотического воспитания граждан. Это осуществляется через нашу работу над такими темами:

- Сохранение культурного наследия и архива Каюма Мухамедханова, представляющего собой весомую часть культурного наследия казахского народа
- Сохранение исторической памяти об алашевской интеллегентции и того окружения, которое содействовало продвижению их идей
- Развитие человеческого и социального капитала страны через образование и культуру
- Карлаг – как память семьи, народа, страны, человечества
- Избавление от пережитков сталинского режима и репрессивной ментальности через образование и культуру
- Воспитание гражданина и ответственного профессионала
- Повышение качества образования через компетентный анализ, разработку разумных и ответственных рекомендаций и воплощение в практику новых идей, сохраняющих традиции и интегрирующих инновации
- Развитие новых обязательных и элективных вузовских программ и курсов
- Продвижение общечеловеческих и демократических ценностей путем осуществления предлагаемых нами идей в проектах и программах:

  «Человек и его достоинство – высшая ценность прогрессивного общества», «Образование как проявление культуры в действии», «Вклад образования в развитие страны», «Культура и образование как проявление этической и социальной ответственности профессионалов», «Современный профессионал как лидер», «Культура – основа профессионализма».

- В 2008 году было проведено несколько круглых столов и семинаров с преподавателями вузов Казахстана и со студентами на темы: «Профессиональная этика», «Миссия высшего образования – опыт глобальный, региональный, национальный»
- В 2009 году был проведен Круглый стол, посвященный Дню памяти жертв политических репрессий. К этой дате был приурочен выпуск книги «Каюм Мухамедханов: судьба и Карлаг». Книга была подготовлена в период с 2005 по 2008 годы после установления и изучения оригинальных архивных документов, отражающих трагические страницы нашей истории – сталинские репрессии 1930-х и начала 1950-х. Это - начало проекта по теме репрессии-Карлаг.
- В 2009 году организация в сотрудничестве с учеными, учениками и коллегами Каюма Мухамедханова начала проект при поддержке

Министерства культуры и информации РК «Сохранение культурного наследия Каюма Мухамедханова»

Электронный адрес:
center-kayum@rambler.ru
dmukhamedkhan@mail.ru

тел. 8 (705) 230 19 56
8(7272)64 30 53

ALLA BELYAKINA

THE HUMAN BEING AS A LEGEND

(translated by Dina Mukhamedkhan)

USA. Missoula
2005 - 2006

Kayum Mukhamedkhanov became a legend in his lifetime, a dignified citizen of Kazakhstan and a profound scholar whose research is held in highest regard today in Kazakhstan. During the political repression of the intelligentsia in the 1950-s my father and our family suffered severely. He was condemned and imprisoned for the research on the "Abai's school of followers" that he implemented under the supervision of his teacher Mukhtar Auezov.

Kayum Mukhamedkhanov upheld as a supreme life value a Dignity of every human being, high moral principles, humane attitude that he himself demonstrated in everything he did: in dealing with people, in writing, in research, in revealing many names from the oblivion, in teaching, in public meetings.

A young and talented literary critic and a journalist Alla Belyakina wrote a breath taking story about Kayum. She backed up her writing with the original historical and the archives' materials and her interview that she did two years before his death.

I am pleased to bring to your attention the translated version of the book.

I consider it to be of utmost importance and value to present to your attention this work: we really need examples of preserving universally recognized human values and cases demonstrating citizenship and moral deeeds.

I would like to express my great appreciation and gratitude to my dear friend Kimberly Crook for her generous help in making the English translation more idiomatic and somewhat clearer.

Please write if you have any comments to the following e-mail addresses of Dina Mukhamedkhan and Kimberly Crook:

dmukhamedkhan@mail.ru
kimsopin@yahoo.com

Dina Mukhamedkhan, PhD in adult education
Fulbright Research Scholar
at the University of Montana in 2005/2006 academic year

© Dina Mukhamedkhan
© Public Foundation "Center for Education and Culture named after Kayum Mukhamedkhanov"

"Live honestly and remain human beings"
Kayum Mukhamedkhanov

My homeland, the golden cradle
From your nest I flew up
Until my eyes close forever
How could I live without you?
The land of Semey, take me back
In your small piece of land I will lie free

Kayum Mukhamedkhanov.1952. Karlag prisons.

HARMONY OF LYRICS AND PHYSICS

Abai is called the sun of Kazakh poetry. But there is also the moon on the starlit horizon which reflects the sunlight in search of the way in darkness of uncertainty. These were Kayum Mukhamedkhanov's profound, scholarly, and accurate works on Abai that became a light in the darkness of ignorance.

Abai was the first among poets. Kayum was the first among scholars who researched Abai. Misunderstanding and solitude was the retribution for Abai for his greatness. Deprivation of freedom and prison's tortures was the retribution for Kayum's telling the truth about Abai.

Abai passed away June 23,1904. One hundred years and seven days after Abai's death on June 30, 2004 Kayum Mukhamedkhanov passed away. But even in death there is a moment of rebirth. That is probably why the sorrow funeral repast date which counted out 40 days of Kayum's death coincided with August 10 which is Abai's birthday in the traditional calendar.

But all this is lyrics. Emotional. Exalted. Delighted. Possibly subjective. Definitely not claiming ultimate truth. Lyrics though being backed up by the realistic foundations. This is reflected in mere enumeration of the many accomplishments, merits and titles of Kayum Mukhamedkhanov. The author of the first Anthem of Kazakhstan and the founder of scholarly research on Abai, an educator and a writer, a poet and a translator, a member of the Writers' Union of the USSR and the founder of the Abai's museum, Laureate of the State Award of the Republic of Kazakhstan and the Golden Medal of the International Academy of Abai (London), the first Laureate of the International Abai Award of the Writers' Union of Kazakhstan and the first recipient of the Medal of the International literary award "Alash", a professor, an exemplary worker in

education of the USSR and Kazakhstan; honored citizen of the town of Semipalatinsk, Ayagoz, Jana-Semey and Abai regions of the Eastern Kazakhstan, the author of more than 500 research publications, … - and all this are the stages of life of a single person!

Furthermore, the abundance of the creative flights and the tragic clashes in Kayum Mukhamedkhanov's life would be more than enough for many lives. He became a legend in his own lifetime. However, this legend is not built on myth. By arming ourselves with the main principles of his work - facts, meticulous research supported with documentation, we invite you to travel into his amazing world, a world where poetry is so eloquently combined with fastidiously accurate research and the biography becomes legend.

Chapter one

EXILED FROM THE WHITE YURT

If you put a white rose petal into a dirty vessel it will soon wrinkle and begin to stink, - this is what the Oriental wisdom says. As a little boy Kayum was protected against this fate. Gifted by heavens with pure soul and many talents he from early childhood turned out to be in such a favorable atmosphere where there was by definition no space for mediocre life and greedy goals. Innate gifts and special family atmosphere of nobility, high inner spirituality and love became that bowstring which propelled the arrow of Mukhamedkhanov's fate to higher and higher altitudes even against great odd and terrible setbacks.

Mukhamedkhan Seitkulov was a vivid representative of the spiritual elite of the Kazakh people in the late 19-th – beginning of the 20-th century. Neither his profound financial stability and well being nor the chance of relaxing on the laurels of universal respect affected his inner nobility, aspiration for knowledge and worship of the arts. This is why everyone in his house felt well, including his second child and the first son in the family - Kayum. The little boy remembered that time forever. The magnificent house was located next to Tinybai mosque in the now Jana-Semei district of Semipalatinsk. Before the revolution this part of Semipalatinsk was called "Zarechnaya slobodka" (a place beyond the river line). From 1917 until 1930 this part of the town was named "Alash". As father wished the house was designed and decorated by the Austrian craftsmen. Stucco moulding of apples and other fruit, oil paints used for decoration, elegant furniture of red wood, - this all created an atmosphere of warmth and comfort. The richest library in the whole town occupied a big hall. It contained all world classics. The library attracted many interesting people to Seitkulov's house. One could find here masterpieces of the Russian, European and Oriental literature; the first publication of Abai's poems, poetry of Shakarim, the works of Baitursunov, Dulatov, Jumabayev, Toraigirov; newspaper files of "Kazakh", 'Sari-Arka", "Tarjiman" and "Dala ualayati", magazines "Aikap', 'Abai', and the "Notes of

the Emperor Russian Geographical Society", the Tatar magazine "Shura", newspaper 'Uakit" and many more.

Kayum's father - Mukhamedkhan Seitkulov could read Kazakh, Russian, Tatar, Arabic. He collected traditional folk poems. Mukhamedkhan Seitkulov was a generous literary patron. He was the one who funded the first issues of the magazine "Abai" which was established and edited by Aimauitov and Auezov. He also financed the newspaper "Sari-Arka". His house was open for both the mature writers and the talented youth. He hosted heated discussions on history, culture and literature, - the past and the future of the Kazakh people. The first Kazakh theatre was born in his house. New thoughts and bright ideas were generated here. Among frequent guests to this house were Shakarim, Kokpai, Toraigyrov, Baizakov, Kashaubayev, Aimauitov, Almagambet, Jumabayev, Bukeikhanov, Turlikhanov, Tinishpayev, Dulatov, - in a word all those people whose contribution to history and culture of our motherland made golden pages in the chronicle of glory and honor of Kazakhstan.

However, such a cultural renaissance was destined not to continue. Gusts of social storms that "ruined to the root the old world" approached the Irtish river steppes. First in 1921 the new power confiscated the house of Seitkulov, permitting the family use of only two rooms. The house was assigned to the Kazakh elementary school number 20. Home became school for little Kayum.Yes, rather coming to classes he came to his patrimonial house!

Year 1928: one more gust of the proletariat struggle with "exploiters' class" burst on the scene. Mukhamedkhan Seitkulov was arrested along with hundreds of other including Abai's son Michael. Seitkulov was soon released, but the authorities deprived him of all his valuables. Many years after this his son Kayum will tell his children that he saw tears in the horses' eyes when ruthless whips forced them from their home to alien stalls. Something essential was gone forever. The blessed jailau (summer pasture time) in Koken (the ancestors' place) with happy dreams under the arch of white yurts, the astringency of fresh kumis (horse mare's milk) would exist only in the past. The family was forced out of the remaining two rooms of their own house. The father bought a four room house from Tinybai on the savings.

In 1928 Kayum finished the elementary school but as the son of a "bai" (rich Kazak) it was unlikely he would be permitted to continue his education. Two years later the seven year secondary school was opened in Semipalatinsk. Kayum hopelessly dreamed of entering the school. One day an old friend of Mukhamedkhan Seitkulov - Turlikhan Kasenov knocked at his family's door.

"Mukhamedkhan-aga, the new school is opening and I have been appointed its principal. I have come to ask your advice about housing: I have no housing in town," he said. Could you imagine that this kind noble man would ever refuse to the person whom he considered to be a relative?

"You do not need to search for the house. There is enough space for all in mine," answered Seitkulov. Soon after that Turlikhan moved from Ayagoz to Semipalatinsk to live in Seitulovs' house. His first child Bolat was born here.

(Bolat is the father of the famous wrestler Daulet Turlikhanov). Kayum was admitted to school. He would very often tell stories about his favorite teacher who recited many of Abai's and Arip's poetry and played the dombra, the Kazakh national string instrument. Kayum's father and the teacher were his guides to the amazing world of poetry.

Again, this time in 1932 the Soviet authorities seized the family's house. The family moved into a small house on Soldatskaya street in the center of Semipalatinsk. It was clear enough that this was not the last drop of bitterness in the family's cup. Despite all the hardships Seitkulov did not allow any thought escaping from his native land.

After graduating from the seven year secondary school Kayum worked in different places and studied in the two year teachers' courses, later at the Pedagogical Institute. He would take any kind of job to support his family. But even in hard times there were happy days. At the courses of teaching Kazakh language he met a beautiful, tactful, educated and wise young woman. In 1936 Farkhinur, a daughter of the mullah of the two-minaret Semipalatinsk mosque, a great granddaughter of the famous Tashkent mullahs, and Kayum were married.

…November 24,1937 coincided with Ramadan month. Mukhamedkhan Seitkulov's family kept the fast Oraza. The prayer was read, the food was tasted before the daybreak in line with fast rules. All of a sudden clatter of horses' hoofs was heard and loud knocks at the door. Three armed persons broke into the house. They shouted to the head of the family: "Stand up. You are arrested!" Mukhamedkhan Seitkulov was seated near the cradle of the Kayum's first baby. He could not understand what was happening. He and his son were arrested. Kayum was freed the next day. As for the fate of Seitkulov the family knew nothing for a long time. Some time after the arrest they were informed in the "menacing office" that Mukhamedkhan Seitkulov was condemned as a member of the anti-Soviet Muslim clergy and that he was sent to Siberia for ten years with no right for correspondence. ("ten years with no correspondence right" meant death in the official language. This information was not known to common people).

It was not until decades later, in the 1990s that Seitkulov's descendents learned that three days after his arrest he was shot. His burial place remains unknown and furthermore, the family has no other physical momentos to remember him by, not even one picture as everything was confiscated - the library, valuables, furniture. The only "reward" for the decades of obscurity and excruciating worry was the decision of the commission on enacting the order of the Presidium of the Supreme Soviet of the USSR "On additional measures in restoring justice in relevance to the victims of the political repression." (April 25, 1989). The document given to the family reads that Mukhamedkhan Seitkulov is completely rehabilitated.

This took place not long ago. But then in 1937 Kayum felt very quickly what it meant to be the son of "an enemy of the nation". He was expelled from the Pedagogical Institute. Newspapers wrote about "the son of the bai who had no

right to be next to decent people". Kayum had to perform physical labor to support his family as he could get not other job with the label of "outcast". He loaded coal in fire-boxes, unloaded trucks, did any work he could get. It took time to be reinstated at the Institute.

Chapter two

ASCENDING TO THE TOPS OF CREATIVITY

But all this misfortunes could not kill the creative aspirations of his young soul. Kayum Mukhamedkhanov became a poet early in his life. Some of his first verses of that time are kept. They were written first in the Latin script and then beginning in the 1940s, in Cyrillic. Those are lyrical revelations about the native land, and love; poetic stories about Kazakh batirs (warriors), poems about the cities of Moscow and Kiev.

In 1937 the publication debut of Kayum took place. The Semipalatinsk newspaper "Ekpindi" published the poem "Shattik tolgau". Kayum's poem dedicated to Jambil won the first award at the poetic contest devoted to the 75-th anniversary of Jambil's creative activity. In May of the same year he took part in celebrations devoted to the steppe poet Jambil. By the end of 30-s Mukhamedkhanov was the author of 20 published verses and two poems, as well as the author of the literary translation of the musical comedy of Gadjibekov "Arshin Mal Alan" from Azerbaijan to Kazakh language. In 1939 Kayum took part in the second congress of the Writers' Union of Kazakhstan representing the Semipalatinsk region. In 1940 Kayum was admitted to membership in the Writers' Union of the USSR.

At the end of the 1930s Kayum's burst on the scene as a literary critic. He wrote a number of works of literary criticism on theatre performances of Auezov's play "At the border line", Musrepov's play "Kiz-Jibek", Khusainov's "Boran", Sagirov's "Er Targin" as well as the articles about the first Kazakh film "Amangeldi", about Gorky, Ostrovsky, on creative activity of Semipalatinsk poets. In 1939 the article "On the Creative Activity of the Semipalatinsk Kazakh theatre" (coauthor E.Ismailov) was published in a republican magazine "Literature and Arts".

But the most important activity that determined entire Kayum's life was the research on the founder of the written Kazakh literature Abai. This was Auezov who guided young Kayum in taking his research path.

"The name of Mukhtar is one of my earliest memories", - Kayum would recollect. One day there were preparations in our house for welcoming guests among whom there was Auezov. What could be more interesting for a child as playing dombra *(note: Kazakh two string instrument)* and accordion, reciting poems honoring the guests?

"I still remember Mukhtar and his friends' visits to my father's house in Jana-Semey. I was seven or eight at that time. Mukhtar Auezov often stayed in our house with his friends." In 1925 the first rehearsals of his plays "Enlik-Kebek" and "Karakoz" took place in our house. Later when Mukhtar Auezov studied in Teachers' Seminary of Semipalatinsk he used to spend many days in this kind and hospitable house. When Mukhtar noticed Kayum's literary giftedness, he supported the youth and called him younger brother.

When Kayum was a student of the Philology Department at the Pedagogical Institute he and Mukhtar began the titanic work on studying and preserving Abai's heritage. Kayum took Auezov's class in Kazakh literature and he became very much absorbed with the research under the supervision of his elder friend and a teacher. On Mukhtar Auezov's advice he began a research study on the creative activities of Abai's followers: Akilbai Kunanbaev, Magavya Kunanabaev, Aubakir Abaev, Arip Tanirbergenov. He also did scrupulous textological analysis of poets' works that were fast disappearing. He wrote down their creative biographies by collecting in small pieces their works and evidence of their life. This mathematically accurate work grounded on textological analysis helped to find the works and to identify which works belong to what poets to preserve them for generations. At that time Kayum made an outline for the very notion of "Literary school of Abai". Thirteen research articles on this topic were published by him when he was a student!

It was not only teacher-student relationship that was established between Auezov and Mukhamedkhanov, two researchers of the life and the creative activity of Abai, two men of literature. It was the souls' attraction that is sometimes stronger than the relations of blood. Moreover, warm relations and frequent meetings continued when Kayum had his own family. Farkhinur took care of Mukhtar Auezov, she mended his clothes, washed his beloved shirt with a collar fastening at side. It is that shirt Auezov is wearing when he and Mukhamedkhanov were pictured together. In 1940 Auezov came to Semipalatinsk on a regular basis. He stopped at Kayum's house. At the request of Auezov Kayum's mother Makipjamal and his wife Farkhinur had their pictures taken in the national dresses of the elderly and the young Kazakh women of Abai's time. Those costumes were carefully kept in Kayum's house. Mukhtar Auezov explained that these pictures were needed for the theatre performance of his play "Abai" so that the theater producer Tokpanov would understand how Kazakh women of that time looked like. Now these unique pictures are kept in Mukhamedkhanov's house as family relics.

Mukhtar –aga (*note: "aga" means respectful address to elder men)* frequently stopped in Kayum's house when he moved out of Semipalatinsk. Here he was treated as a family member. Distances separated two researchers, the two close friends but they continued their discussions in correspondence. The correspondence between them would fill a file cabinet. Auezov was writing his epic novel about Abai at that time. He trusted his younger follower and respected his views and ideas very much. Auezov would ask Kayum to collect necessary

materials, to meet Abai's contemporaries who were still alive, to clarify many archive documentary details, to check the locations of Kazakh auls *(note: villages),* and many other tasks needed for his writing.

We must note that this correspondence between Auezov and Mukhamedkhanov was confiscated by the KGB at Kayum's arrest in 1951 could have lent more light on the Auezov 's creation of the epic novel "Abai's Path", a work that reflects a significant stage in literary and research life of the great writer Mukhtar Auezov. This means that a huge layer of the historical and cultural heritage disappeared. This unique correspondence was never returned to Kayum despite the many appeals to KGB and other officials.

Equally unsuccessful was his appeal on the same issue in 1981 to the Central Committee of the Communist Party of Kazakhstan. Kayum Mukhamedkhanov wrote:

"…When I was arrested many books from my personal library and historical documents were confiscated. Among those documents there were all letters of Mukhtar Auezov when he wrote the epic novel "Abai's Path". These letters present a special historical value as I am currently researching Auezov's biography. All my previous appeals and endeavors to receive the letters written by Auezov to me have been unsuccessful…"

By miracle a draft piece of Kayum's letter to the teacher was preserved. It reads:

> "Mukhtar-aga!
>
> I have sent to you thorough information based on the museum's archives and other sources about the life and the creative activity of Dolgopolov. Boris Aleksandrovitch *(note: he was Kayum's colleague in the museum of Abai)* went to Moscow to get acquainted with the family and the relatives of Nifont Ivanovitch Dolgopolov. They sent us his books as well as the pictures of Dolgopolov. Last year his daughter wrote reminiscences about her father that she sent to us with his pictures too. We have also received a response on our inquiry from the regional museum of the city of Gorky. There is a division of Dolgopolov in that museum. There is a street and a hospital named after Dolgopolov in Gorky. All the above said information speaks for him to live a dignified life.
>
> We will go on in this search. In a word, we had better not to listen to the gossip about Dolgopolov. We need to defend him. As for Jirenshin is concerned, he is alive and he can defend himself. He will continue sharing his own point of view…
>
> "I nurtured the dog from a puppy
> And I have known its teeth
> I taught the archers the art of marksmanship
> And I myself have become their target"
> *(Abai)*

June 28, 1950
Kayum"

Today only this small piece of paper can lay foundations for rigorous research. For example, the research on Nifont Ivanovitch Dolgopolov - Abai's friend as well as a famous doctor and progressive thinker. He was sent to Semipalatinsk in prison in 1884. Dolgopolov stayed in Abai's aul from June through August 1885. When Auezov wrote the epic novel "Abai's Path" he used Dolgopolov as a prototype of the literary hero Fedyor Ivanovitch Pavlov. It can be a research about the heated discussions between the two groups of the researchers – those who supported the objective truth in revival of the historic past and the pseudo-researchers ready to serve the ethnic and political exercises of the Soviet power. The latter wanted to portray Abai in the national literary study as a poet without followers, separated from his environment. This picture would meet the Party's expectations. Or it can be a research about the two Semipalatinsk researchers of the life and the creative activity of Abai – Kayum Mukhamedkhanov and Boris Aleksandrovitch Akerman. And lastly this piece of the letter makes us to realistically assess the catastrophic loss of the entire correspondence between two great people, Mukhtar Auezov and Kayum Mukhamedkhanov…

But this all will be later. Meanwhile one more hardship, one more terrifying stage took place in Kayum's life. In 1941 the World War II broke out. And even here Kayum felt how distrustful and suspicious was the attitude of the power to the descendants of the "enemies of the nation". Such people as Kayum were drafted into the Labor Army. Kayum served nearby Sverdlovsk and Magnitogorsk in 1941-1942. The researcher wielded a sledge hammer to hollow out solid soil for building defense fortifications. He gave himself up to this "black' labor entirely. At that time the heavy physical labor took a toll on his health. He was awarded medal for his labor.
In 1942 Mukhamedkhanov was hospitalized and afterwards demobilized from the Army.

On coming back home Kayum resumed teaching at the Semipalatinsk Pedagogical Institute and he was entirely absorbed with creative and research work.

Chapter three

TWO ANTHEMS AND ONE HISTORY

At dawn, all Kazakhstan citizens would wake up to the melody of the Republican Anthem. After the anthem of the USSR the anthem of the Kazakh Soviet Socialist Republic followed. This solemn song for many years was a poetic and a musical symbol of our motherland.

The author of the anthem was only 27 at the time when he wrote it. Its history goes back to 1943. A young researcher and poet Kayum Mukhamedkhanov was living in Mukhtar Auezov 's house in Almaty when Auzov was called to the meeting of the Central Committee of the Communist party of Kazakhstan. Auezov took Kayum with him. At that meeting Stalin's decision that all Soviet republics were to write their own anthem was announced. This was one of undertakings to consolidate the spirit of patriotism in the state. Right after the meeting the contest to create the best poetic text for the anthem was announced. Many professional poets as well as amateurs took part in this competition.

Some of the candidates who dreamed of winning the contest wanted to have Auezov's name in their text, just for the very name. Ualikhan Tokpatayev referring to the story told by Kayum Mukhamedkhanov writes that there were candidates who were jealous to Kayum. They thought that since he stayed in Auezov's house the two would create a contest entry together. Sapargali Begalin, for example, insistently sought Auezov's co authorship. He would come to Ayezov's home and showed his versions for the anthem. Once Auezov mentioned that the text was weak. Begalin redid it, and changed stanzas. Finally Auezov gave up and put his signature under the text but soon regretted it.

Kayum Mukhamedkhanov wrote his poetic text, submitted it to the committee and went back home to Semipalatinsk. In 1945 he was invited to come to Almaty. When in Almaty, Abdilda Tajibayev picked Kayum up at his hotel to welcome him to his house as an honored guest. After that Gabit Musrepov invited him to his house. It was here where Kayum understood the reasons for their surprising hospitality. During their conversation, Musrepov noted: "Kayum, it is likely that you text will win. Myself and Abdilda Tajibayev looked through your text, made a few corrections and signed it".

An unpleasant surprise awaited Kayum in the Central Committee of the Communist Party of Kazakhstan. As he says:

"I was called to the Central Committee and there I was informed that my text was approved. There were some changes made and therefore I have co-authors: the writer Musrepov and the poet Tajibayev. I read the text from the very beginning through its end and found only one small change. The very first line in my anthem reads "**the heroic** Kazakh people" whereas they changed it to "**we** Kazakh people". I asked the question why these people were considered co-authors of the text. They responded that they had inserted the word "we" in my text. Can this simple substitution of words be considered creativity?!"

Kayum Mukhamedkhanov was against this substitution and against attachment of the so called "co-authors". So he left the Central Committee without knowing that his poetic text had been recognized and accepted as the best one. Musrepov had visited Moscow already for final confirmation and the

"co-authors" had received the lion's portion of the honorarium. The real creator of the text Kayum Mukhamedkhanov was given a small portion of the remaining money. Soon the text was published with three authors names. The generous Kayum spent his share on the celebrity banquet. Mukhtar Auezov expressed in a harsh form his indignation about the "co-authors" but nothing could be changed. The anthem continued to be published with three names.

The tragicomedy of the anthem creation in 1945 continued. The same scenario was applied in defining the composers. The composers were given poetic versions of the anthems and they composed melodies on the linked texts. A young musician Mukan Tulebayev composed his music on Kayum Mukhamedkhanov's poetic text. Kayum and Mukan spent much time working together on their anthem. Two young men, two enjoying full rights authors of the text and the music were sitting and singing tunes to the text. Three composers' names appeared under the music scores. It is hard to say how many music notes belong to the "authorship" of Latif Khamidi and Evgeniy Brusilovsky. Clear enough no more than the new sounds in Kayum's text…

Later Kayum would spend years to restore the historic justice for his right of authorship. "One of the most cherished works is the text of the anthem, - wrote Kayum in one of the appeals to the Central Committee of the Communist Party of Kazakhstan. Objective evaluation of this work was given in the History of the Kazakh Soviet Socialist Republic" (volume 5, p. 229). The jury of the contest recognized me as the main author of the text. This was fixed in the sequence of the authors names: main author and co-author followed. (Order of the Supreme Soviet of the Kazakh Soviet Socialist Republic). Regrettably, many recent editions of anthem ignore this fact. They began putting either Tajibayev or Musrepov as main authors. Finally they distorted the spelling of my name so it could not be recognized. (see the Kazakh Calendar of 1981)."

In April 1989 in his letter to Janibekov - the Secretary of the Central Committee of the Communist Party of Kazakhstan Kayum Mukhamedkhanov brought convincing arguments: "…the fact that I am the only author of the Anthem's text can be proved by Abdikalikov, Akhmetov and Ilyashev who are alive and who were directly involved in placing the Order on creation of the Anthem."

Justice finally triumphed but after forty years.. … In the late 1980's a special committee was called that confirmed and legitimized the individual authorship of the first Anthem of Kazakhstan as belonging to Kayum Mukhamedkhanov.

The story yet had its unexpected continuation. After the break-up of the USSR all former Soviet Union Republics gained their independence and they began working on new symbols for their states. A competition for the new text and the music of the Anthem was announced in 1992 in Kazakhstan. Again, Kayum Mukhamedkhanov participated in it. All submitted texts were decoded. Kayum chose the password "Shoga", which denotes one of the tribes of the origin "Uak". The best texts were published in mass media for the public to discuss.

Poetic attraction, the might of the verse and the pride for the native people, a specific musical tone of Kayum's poetic text spoke to the hearts and minds of many people. Equally objective was the decision of the professional committee that highly rated his text and nominated it as the best one.

One of the members of that committee a well known writer and a literary critic Gabbas Kabishuli wrote openly about it in the mass media. And he bitterly regretted that again "the telephone power took over professionalism of the committee". Another famous Kazakhstan writer Gerold Belger who worked on three committees related to national symbols recalls: " I remember that I was strongly impressed by the text under number 64. It was clear afterwards that the text belonged to Kayum Mukhamedkhanov. I was sure that I would give my voice for that text. One of the Committee members, a poet noted though that the text had little chance of winning. Very soon I understood that it was not the text that can become a winner but the people who support it".

In the long run another text was selected as a winner, this time with four authors, the unity of three men and a woman who represented three Kazakh juz *(origins)*. Again, some of the authors tried to find powerful supporters, not from the literary world, but from the political one. i.e., deputies of Parliament. And this time again Kayum was approached by phone from the capital from high officials who requested him to take co-authors. Kayum categorically refused to do so.

Hence, the team approach, the brigade method worked this time too when a collective text was adopted. It "has not settled down". This is possibly why at one of the next session of Parliament the issue of the new anthem was brought up again.

Chapter four

ABAI'S HERITAGE AND THE PACK OF WOLVES

In one of his most plaintive verses Abai moans, "Is there a poison that I have not tried?" This wise man of the steppes whose heart bled for humanity being was tormented by many throughout his life. Torments were the awards for his poems. Those who researched his work and tried to preserve his wisdom for the ages were rewarded with the same fate.

It's hard to believe that his legacy would have been lost if not for the tireless and relentless work of only a few people. These faithful sacrificed everything: reputation, career, freedom, health, life, dignity, comfort and family to stand up for Abai's work. The results of their labor of love is now taken for granted, but many books could be written to describe their struggle against those who wished all memories of Abai be completely erased. More than one volume could be written describing the cost Kayum paid for his loyalty to Abai. The price he paid included many months of torture in prisons.

In the mid -1940's, Mukhamedkhanov made an amazing discovery of handwritten copies of Abai's works! He could prove through textological analysis and commentary that they belonged to Abai. Through this research nine more of Abai's poems were included in the collection of Abai's works published in 1945. The full collection of Abai's works was published on what would have been his hundredth birthday.

The responsibility for administering the museum of Abai in Semipalatinsk was given to the Academy of Sciences in 1947 and Kayum Mukhamedkhanov was appointed director of the museum. Both changes were ordered by the president of the Academy, Satpayev. This ended the changing roster of political appointees to the position whose sole qualification was their loyalty to the Party. One of those political appointees was so unqualified that he replaced a museum exhibit with the portraits of shepherds, the "Heroes of Socialist Labor".

Kayum was persecuted for his work as museum director. He was accused of "anti-Soviet activity and nationalism". In the Semipalatinsk archives there is a document, the minutes of the August 28, 1951 meeting of the Presidium of the Academy of Sciences of Kazakhstan. This document states that "serious ideological mistakes", "bourgeois and nationalistic anti-research concept of "Abai's followers" were the focal point of the museum's propaganda. It continued that "some exhibits were not in compliance with the ideology as they were dedicated to Kenesari Kasymov, a suppressor of people who was presented as people's defender. The division "Abai's relatives", "Abai's family" idealized a patriarchal, tribal society. The sayings of Kenesary, the worst enemy of the working people were cited. The first two divisions represented the portraits and pictures of khans, sultans, biys, aksakals (men of wisdom), mullahs, auls' heads and tsar colonizers. The division "Literary school of Abai" represented portraits and works of politically doubtful people"…

So, Kayum Mukhamedkhanov was dismissed as director of the museum. Kayum himself would say: "I was blamed for the creation of the biography department and that I devoted space on the exhibition to bais and khans. But if there were no Kunanbaev, how could Abai – his son, evolve? If there were no sultan Shyngiz Valikhanov we would not have had Shokhan Valikhanov. However, no one would ever consider this elementary logic."

Kayum's contribution to the museum was invaluable as its current director, Ibragimov testifies. He is not tired of repeating that "each and every item in the museum is directly related to Kayum-aga. He was the founding father of the museum". When in 1940 the museum was opened, Kayum who worked as a senior researcher there and began a relentless search for documents, pictures, personal belongings, household articles of Abai and his environment. As the result of this laborious work he gathered more than 500 items for the museum. For example, in 1941, thanks to him the museum collection was enriched with the unique photo of Abai and his sons made in 1896. Imagine, that by the time the museum was created in 1940, that is 36 years after Abai's death, these artifacts could have disappeared forever!

At the same time, (the 1940's) Kayum Mukhamedkhanov put all his energy and efforts to build Abai's mausoleum on the poet's burial place and restore Abai's winter home. We can see in Kayum's letters that he made appeals to the Government, and to the Academy of Sciences. These letters speak for Kayum's tireless advocacy for Abai's legacy. They include detailed plans and concrete suggestions to immortalize Abai in national monuments, in art, and in establishing memorial complex like the house-museum of Pushkin, Lermontov, Tolstoy, and Chekhov. Sadly, the nuclear test site constructed on Abai's land delayed this dream for fifty years to come.

Kayum's main research topic, from 1939 when a graduate student through 1950 as a faculty member of the Semipalatinsk Pedagogical Institute, was "The literary school of Abai". For the first time, a thorough analysis of the creative activity of Abai's followers was introduced in academic research, definitely premier and ground-breaking work. Among Abai's followers were Akilbai, Magaviya, Kokpai, Aset, Arip and many other talented poets, composers, and musicians. This was the first systematic work on the generation of the poets, Abai's followers. Kayum' dissertation (318 pages of the research text and 478 pages of the appendices) was prepared based on the unpublished manuscripts of Abai's followers. Most of these matchless works were revealed and collected by Kayum himself! He scoured the countryside, visiting all the places related to Abai and his followers. He interviewed those who had known Abai and his followers, documented his findings and collected their creative work fragment by fragment, piece by piece. Kayum found a number of Akilbai's poems that were considered lost by that time. The text of Akilbai's poem "Zuluz" was a sensational discovery. In the middle of last century only 104 lines of the poem were known, but Kayum discovered 140 additional lines during his research. Kaym not only discovered the romantic poem of Aset "Salikha-Samen" but also wrote its first analysis.

However, Kayum Mukhamedkhanov did more than tireless research and meticulous recording of the oral tradition. For the first time, he formulated and justified the very fact of the existence of the literary school of Abai's followers! This became a distinctive bridge that connected two sides of abyss: on the one side there was Abai and on the other one the Soviet Kazakh literature. A special attention of the researcher was focused on the accurate and detailed analysis of the creative assignments that Abai used in his work with the followers. Equally important was the research on their collective discussions of creative works, main genres and styles of works and the development of free critics. Mukhamedkhanov showed creative interrelations of Abai's followers' works to Abai's poetry. He defined independent value of every poetic creativity of that generation and their connecting role between Abai's heritage and the Kazakh Soviet literature.

It seemed that a young researcher was in store of triumph: excellent job, priceless discoveries, all round and thorough analysis… In April 1951 Mukhamedkhanov presented his research findings in front of the United

Scientific Council of the Institute of Language and Literature and the Institute of History, Archeology and Ethnography of the Academy of the Sciences of the Kazakh Soviet Socialist Republic. The defense of his dissertation led to heated discussions that lasted for three days! This was the beginning of a sharp struggle for Abai and his followers. The defense of the dissertation by Kayum reflected the political situation in the state, in culture and in literature.

How is the policy connected here? Why would the authority have these undertakings with poets and the philological research? The thing is that the totalitarian regimes of all times needed names-symbols, political bugbears who served their support in constructing the ideology - the victory over minds. This method was used by Stalin, in defining "the best poet of modern times" – Mayakovsky. For decades Mayakovsky's creative activity was presented completely emasculated. Gorky was forgiven for his doubts about the Soviet power for the sake of coming back of this "stormy petrel" from Italy to the Kremlin golden cage. Only Abai in the Kazakh culture belonged to that rank. All of a sudden the notion of the "poetic school of Abai" was researched the representatives of that school having doubtful reputation from the authority view point. Research objectivity was not counted by the authorities. The officially combed literature was supposed to be up to the Party's liking and convenience. Therefore it was quite clear during the defense of the dissertation that "the court" philologists would do everything possible to root out the very notion of "Abai's school of followers" from the research discourse. There existed only one school, that of Marxism-Leninism.

One can easily see the consequences for Kayum that the following comment of the professor Jumaliev during harsh Stalin time could have: "…the author takes an apolitical position. He considers Abai's son Turagul as his follower whereas Turagul had undergone confiscation in 1928… The author of the dissertation writes that "Kokpai was the best and the closest friend of Abai.." Kokpai can never ever be considered to be Abai's follower. His poems…are reactionary, he sings of khan and monarchic movement of Kasimov… Praising khans is not a good argument for considering Kokpai as Abai's follower. The Party press sets a goal of eliminating any praise of Kenesary Kasimov". Equally dangerous sounded the professor Nurishev who declared that "this work must be considered as pulling in the soviet research the anti Marxist views on part of both the author of the dissertation Mukhamedkhanov and his research supervisor Auezov".

The young scholar was blamed for referencing to Auezov's works, the latter having had undergone accusations and imprisonment. The involvement of the Coryphaeus of the Kazakh literature Sabit Mukanov with his delicate aesthetics feeling sounded especially painful and unexpected. A peaceful research discussion became a rally of political proclamations. The attackers on Auezov and Mukhamedkhanov talked on everything but the research itself. They talked on Lenin and Marx, feudal times and pan Islamism. With this all the majority of the attackers , the so called "research judges" had not even read a piece of work

of Abai's followers but they all were ready to evaluate its existence. The stream of frenzied words hindered many from hearing Auezov's message:
"You wanted to cancel with one stroke of your pen all that has been achieved in the research on Abai. With this no one of you have ever contributed a bit in this research…Today you are willing detach Abai from his literary environment. Instead you should analyze and evaluate this rigorous research on its own merits. You are doing all this not for the sake of truth or research but in order to hurt a young scholar who has been working seriously on it for twelve years. Today he has demonstrated that he is undoubtedly a rigorous scholar and a talented researcher."

Kedrina, another renowned expert in Kazakh literature, was also ignored. She argued for the unique significance of Mukhamedkhanov's research topic as it "helps to successfully research the actual problems of the literary critics. His work is not an archive research but it is an operational mean for the research development."
In the long run the dissertation was defended. The attacks continued. Mukhamedkhanov's research became in the center of debates on which major opponent of the research findings became Sabit Mukanov. Kayum Mukhamedkhanov had to prove…, not the value of his research but the very fact of the existence of Abai's literary school!

In June 1951 Mukhamedkhanov took the floor with the speech. He said: "A teacher without pupils is a widower", Abai noted in one of his words of wisdom. Abai's enemies did not take a risk of lifting their hands against him. So popular he was among Kazakh people. They would rather made great efforts to leave him without followers. By intrigue, intimidation, sending them away and even killing them "the wolves pack" deprived Abai of his supporters and followers. They made some keep silent and some took their side. Do the debaters understand that by denying the existence of the literary school of Abai they leave the teacher without pupils, the poet without readers of his poetry? They made Abai a widower, a tragic single man. Do they really see what it means to neglect Abai, to deny his outstanding role in the history of our literature and culture? By doing so they present Abai as an occasional phenomenon without followers and supporters of his ideas in his lifetime and after his death."

On the 13-th of October 1951 a defeating publication in the republican newspaper "Kazakhstanskaya Pravda" took place. It condemned Kayum Mukhamedkhanov for his wrong research ideas and false concepts: "…some literary critics of Kazakhstan made rude political mistakes by prophesying anti research, bourgeois concepts of the so-called "school of Abai"… It drove to the following: in April 1951 the united Research Council on humanities of the Academy of Sciences of the Kazakh Soviet Socialist Republic accepted to defend and implemented the defense of the harmful dissertation of Mukhamedkhanov "Literary School of Abai". Under the umbrella of "Abai's followers" he praised bourgeois nationalists who became sharp enemies at the Soviet times."

Kayum Mukhamedkhanov did not pay heed to the public "whipping" at the defense of the dissertation and to the attacks in central press and by the local Party leaders. No, he did not. And soon he was harshly punished. The former leader of Kazakhstan Kunayev wrote in his book "On my Times":

"…It is necessary to note that after the war unjustified repression against the outstanding representatives of the culture and research of Kazakhstan did not stop. The famous historians Bekmakhanov and Suleimenov were arrested and sentenced to many years of imprisonment. The same fate followed the philologists Ismailov and Mukhamedkhanov, the latter being imprisoned for the "nationalistic mistakes" in the research of the literary school of Abai." Kunayev also pointed out to the activities of the ideological leaders of that time:

"Shayakhmetov exercised gross faults relating to the best representatives of the Kazakh intelligentsia. The policy became even more severe and took an acute turn in 1951-1954 when Suzhikov became the Secretary on Ideology of the Central Committee of the Communist Party. One can imagine the impact of the massacre Party resolutions about anti nation essence of the best epos and research works of the many philologists, historians and entire research teams. The best fiction like Auezov's epic novel about Abai was strongly criticized in the article in the newspaper "Kazakhstanskaya Pravda" ("Kazakhstan truth") of June 1953. The accusations in the press and at public meetings were followed by actual arrests of the cultural leaders mentioned above."

Kayum's book "The Collection of the Poets' Works of Abai's Environment" very soon became a bibliographic rarity. The foreword to it was written by Auezov. The biographies were collected, compiled and the textological commentaries to the works were prepared by Mukhamedkhanov. This was a unique monograph based on his dissertation on Abai's followers. The book was confiscated and its whole edition was destroyed. This book had a chance to see the light only in forty two years when in 1993 the first volume was published. The fourth one was published in 1997. These books are now the fundamentals of the research on Abai and readers in the Kazakh literature. The names of all Abai's followers that were researched by Mukhamedkhanov are included in all books, textbooks on Kazakh literature. Their names are immortalized in street names. They are our national pride. Nowhere can we find mention of the high costs paid to preserve this legacy.

Chapter five

"IF THERE IS HELL, THIS IS IT"

Once the writer Gabbas Kabishuli said: "If Kayum was offended by the evil and the sufferings that some people caused him throughout his life, he would not have lived such a long, vivid and fruitful life. He as always was above this. I never saw him bemoaning his fate. Once I asked him about his time spent in prison and he

would joke: I am afraid I am starting to forget it." Kayum Mukhamedkhanov indeed had no malice toward his torturers. It is hard to say if he could erase his memory of the dark 1950s. But we, who on the other hand, want to truly understand the historical record must not forget it…

Kayum's older children vividly remember the violent pounding on the door that preceded the KGB bursting into the apartment the night of December 1,1951. Then they began ransacking everything. They took away all books and manuscripts of Kayum's research works. They confiscated more than a trunk's worth of Kayum's correspondence with Auezov and other colleagues. At this time, none of the family knew that it all was gone forever. No matter how many times Kayum would appeal to KGB and other authorities, it was never returned. This huge layer of the historic and cultural heritage disappeared into KGB archives. Everything else in the house was confiscated – bonds, furniture, valuables. They confiscated even children's beds and chairs. This nightmare lasted whole night, until Kayum was taken by the KGB. When he was leaving his home, he gathered the strength of mind to smile at his wife and children and say reassuringly: "I will come back". His older children ran after him, crying with powerless tears.

First he was put in the internal prison in Semipalatinsk. Next, he was taken to Almaty prison for nine long months. He remembers a small, windowless basement room measuring a meter squared. He soon realized how the floor and the concrete walls were unbearably hot, baking his naked body. Many hours of this torture continued until he lost consciousness. Any prisoner who collapsed was taken away on stretchers. The torments continued for those who were stronger. Feet burning, prisoners would begin jumping from one foot to the other. At some point the door would open and guards would give a flat dish of water to the sufferer who was at the point of frenzy. But this was a dish-sieve and one could not get a mouthful of water out of it. At night, at 11 pm the prisoner was taken to the latrine to pick up feces covered board and carry it to the prison cell. It meant the following: if you do not want to burn on the heated floor then sleep on the dirty board. Kayum-aga recollected that when he was tortured in the burning prison cell he thought: "If hell exists –here it is." Then the heat was changed to bone-chilling cold. The cycle was repeated.

Prisoners were prohibited to lie or to sit in their cells. Their pillows and mattresses were scrap metal. The only "food' was a bad soup with rare cabbage pieces. A prisoner could not eat this as it was frequently brought before interrogations. When interrogations finished a prisoner would find leftovers after rats' feast. No less was the suffering of watching luxurious food placed on the other side of the prison bars. There was one cost for it: Mukhamedkhanov's signature confessing to anti-Soviet activities. Refusal to sign meant watching rats consume the food in front of the hungry prisoner.

What else did Mukhamedkhanov endure at that time? A monstrous torture that is said to be invented by the Chinese: water dropping on the temple. They wanted to break Kayum physically so they drove needles under his nails and

kicked him with military boots. Kayum remembers a moment when he thought that he was left without a face: they broke his nose. Mukhamedkhanov suffered another horrible torture: his legs and hands were tied up, the head was covered with rubber sack and he was beaten with truncheons. When the suffocating victim was at the edge of losing consciousness the sack was taken away and the paper was given to sign the invented by the KGB confessions. Kayum was firm and resisted signing it. This wonderful man with a subtle soul of a poet had unbending will.

During our talk Kayum Mukhamedkhanov noted: "A human being dies only once. I thought: if I die, what is my death compared to the perished great Kazakh people of Alash…" The physical tortures did not make Kayum refuse his research ideas on the existence of Abai's school. Kayum did not betray his teacher and research guide Auezov as the authorities wanted him to.

Very soon it was clear that the reason behind this imprisonment and torture was Auezov. During one of the interrogations seven interrogators in succession attacked Kayum replacing one another as they were exhausted. They kicked him with military boots, attempting to break him down so he would sign a document that said Auezov made Mukhamedkhanov write his dissertation on Abai's poetic school. " I would rather die than slander. How could one live on with such a slander?..." –this is what Kayum never doubted throughout his life.

Several years later when Auezov asked Mukhamedkhanov to reflect on his time in prison, Kayum responded with a verse that he wrote there. It is not easy to express the level of the emotional strain and bitterness in a word for word translation. There was everything in this verse: endless prison's nights, bitter tears and the overwhelming desire to be in a future far away from the suffering. Yet the strength of love for life and lack of malice prevails in this verse:

I am not embittered by fate
Through all the hardships and harshness
My heart remains alive.
Fate, you have taken my freedom
But I am not under your thumb…

Many years later during a conversation with Auezov Kayum still was able to joke that in the Almaty prison he was privileged to be placed in "individual luxury room".

This time was hard for the family. Many of Kayum's friends and frequent guests in his house turned away. Some of them even began shadowing the family and writing denunciations. Some even advised Farkhinur, Kayum's wife, to abandon children of "the enemy of people", and place them in a children's home so she could begin a new life without the stigma of being Kayum's wife. The children remember this clearly. They also remember how the family, which then included six children and their pregnant mother, were forced to move into the smallest room of the three room apartment where they lived. The rest of the

apartment was occupied by the families of military officials or Party members. Nowadays it is 155 Ibrayev's street in Semipalatinsk.

The younger children were moved from the front of their classrooms to the back. The children became outcast despite their intellectual gifts. The family was left without anything to live. Farkhinur had to take a job in the hospital that was located across from the house. She was continually threatened with eviction from their tiny room because she could not pay the rent. Therefore the two oldest children had to leave school and go to work.

There were a few who were not intimidated and were faithful to the family. Boris Akerman, Kayum's colleague from the Abai museum, visited the family and helped as he could with money and advice. He compiled inquiries and appeals on Kayum's fate and the letters in defense of the family's rights on housing. Kayum-aga could only guess about the hardships that his family had to survive.

On May 13,1930 in line with the petition of the Kazakh authorities the camp for specific purposes was established in Akmola and Karaganda regions of Kazakhstan. It was 110 000 hectares of lands and for unlimited time use. This is how one more "sister camp" of GULAG was built that was called Karlag. That was a huge country of camp islands scattered in the dull steppe. That was a country inhabited by semi-slaves, semi-hard laborers who became the symbol of hostility to the socialist paradise. It was here where Kayum Mukhamedkhanov was to stay for several years.

The undefeated prisoner was sentenced to 25 years of imprisonment according to the deadly article 58 by the verdict of the Supreme Soviet of the Kazakh Soviet Socialist Republic. The hearing of his case lasted for three days, from May 28 to May 31,1952. Kayum Mukhamedkhanov was brought to the court from Almaty prison to Semipalatinsk. He denied to admit the allegations and blames. It was, certainly, not considered. Certainly, the false evidence of recent colleagues was taken into account. Kayum Mukhamedkhanov escaped supreme penalty because the death penalty was abolished in the USSR in connection with the victory over the fascist Germany. Was the idea of staying behind the barbed for 25 years easier then? Can one call it a life?

The prisoner Mukhamedkhanov crushed and carried stones for several years. He was never once called by name, but had a prisoner number assigned. Shout: "Number such, stand up!", - became customary. Every several months the prisoners were moved to different prisons. Kayum-aga stayed in Temirtau, in Karabas, in Dolinka, in Darya, in Kula-Aigir… The entry in his file stating "ready for physical work" meant inhumane work in quarries with harsh norms on crushing and carrying stones.

It is hard to say what was more difficult: lack of communication with the loved ones or the psychological pressure. The prisoners were allowed to write about health, weather, children's study, about relatives, nothing else. Even at night he could not rest, for perhaps the unkind eyes of secret agents were

watching him so they could bring a negative report to the authorities, resulting in more beating and humiliation in the morning.

The prisoners were habitually robbed by the prison staff, who opened their packages and mail. Kayum did not escape the mass robbery. The majority suffered but only few were not afraid of repercussions and spoke up. Mukhamedkhanov wrote several times to prison authorities about the problem. He gave detailed information including dates and names of these incidents. " I do not desire revenge, but my insulted humane conscience made me bring this to your attention…", he wrote.

Even in prison's life there were moments that left good memories. For example, when finally released, Kayum would tell his children how expressively well the Russian folk singer Lidiya Ruslanova sang the Russian folk song "Valenki" (felt boots). She sat in the same prison. The best intelligentsia were imprisoned by Stalin, so imprisonment was an opportunity for the meeting of many great minds. One of Kayum's fellow prisoners had a copy of the Russian writer Karamzin's novel "Unfortunate Lisa". Kayum translated it from the Russian prose into Kazakh verse version in 15 days only. Surely the sad mood of the novel coincided with the spiritual mood of the prisoner-translator.

Behind the barbed wire Kayum struggled for his future. In 1952 he wrote a letter to the chairman of the Cabinet of Ministers of the USSR -Malenkov, to the first secretary of the Central Committee of the Communist Party of the Soviet Union –Khrushchev, to the General secretary of the Writers' Union of the USSR - Fadeyev. The lines of the letter written by the hands of the exhausted prisoner contain everything: hope for reason, anguish, last hope on the fair outcome and end of the horror: "…literary court Mukanov and his supporters had used the tested strategies of Abai's enemies that of slander and intrigue to humiliate and discredit their enemy Auezov. I have become the victim of unprincipled literary courts and KGB who harshly violated law using falsifications of the accusation materials and by applying prohibited by law methods of interrogation. I could not hope for justice and humane approach to the fate of the human being on behalf of the prosecution and the court… Indifference of these people rose up like a stone wall in front of me. They seem to stick to the rule: let the one who fell down be trampled!"

Kayum was fortunate to give this letter to the wife of the prisoner to send it out. Kayum Mukhamedkhanov's note to the type-writer is also kept in the family archives. It says: "Dear! I request to type on one side with interval of one and a half or two. There are two names in the text of my appeal. This is poet Abai and khan Ablai. I pay your specific attention to this. This letter contains my fate. You surely understand this. You will do me a great favor by typing the letter. I hope you will not refuse your kindness to the unfortunate one…"

There was no response for some time. The only safety-valve although cut back and censored was the possibility of correspondence with the wife and children. The messages from the prison, there are not many, but each one is full of love and hope: "…My dearest, I am all right. I understand well enough, my

dearest, that it is hard for you to live without me. I am also sad at the thought that I am far away from you. But this is just temporary. We have to accept these difficulties…My dearest, all you have in youth time – the strength of spirit and thought, eye observation, skills, - all devote to your study. I have no other wish but one so you can study well and have a happy life… I am grateful to the people who render a helping hand in hard times. I am especially thankful to them for helping my children. I wish them long, happy and rich life. All honors and praise to them!"

Behind barbed wire was where Kayum wrote the verses devoted to his children and his wife. Naming every child, recollecting their dear and ingenious traits the prison's poet created the lines full of love and gratitude to Farkhinur. These verses were published forty years after they were written. Still they pierce everyone who reads them: "..you burn out with me in the flame of sadness. You love me sincerely with your generous heart. You are a sacred person and I worship you. You keep your husband's honor with dignity. You keep with dignity hardships of motherhood, my trustful friend, my dear Farkhinur. I am always proud of you. Kayum."(line by line translation). Mukhamedkhanov had been always proud of his wife. Kayum carried her picture in the inner pocket of his suit, close to his heart till the last days of his life.

…In December 1954 (they say it was Fadeyev's help), Mukhamedkhanov's sentence was cancelled and he was rehabilitated. However, he was not released until 1955. The court machine did not hurry in this. Finally that day came. Kayum was given a train ticket from the station Makinka to Almaty. At the Almaty station he made a call to Ismailov who was freed earlier. He informed Kayum that Auezov is very much concerned about Kayum. Certainly, Kayum called his teacher. Auezov urged Kayum to come to his place right away. Kayum was wearing a padded jacket that the prison gave him and he had six rubles in his pocket. The train for Semipalatinsk was scheduled in three hours. He decided to see his family first. In two weeks he returned to Almaty to talk with his teacher. There were long hour non stop talks. This time they both were linked not only with Kayum's father's name – Mukhamedkhan Seitkulov at whose house young Auezov used to stop and live for long time. Not only common research interest to Abai connected them. This time the prison's recollections were in common. They both had undergone imprisonment at age of 35 with the only difference that Auezov was imprisoned in 30-s and Mukhamedkhanov in 50-s. During these talks Auezov recollected that he was in prison with the Alash intelligentsia –Jumabayev, Aimauitov and Baitursunov. Baitursinov would advise to Auezov: "We have to ask forgiveness from the Party if we want to save the name and the works of Abai and bring his legacy to people. We have to step back in order to preserve the heritage." This humiliation was the cost for the possibility to go on with the work in propagating and keeping the cherished for the Kazakh people name of Abai.

Mukhamedkhanov had to struggle for several years to restore his research degree, return to the workplace, and receive a teaching workload that was

reduced and he was shifted from one department to another. There was red tape in restoring the records of his labor length. It was quite an ordeal to return to his own apartment. It took time to write appeals, wait to receive bureaucratic formal replies, and write again to go to the court until the apartment was returned. On top of that Kayum was for a long time under the annoying surveillance of the authorities. For instance, the notification document of December 8, 1955 that is kept in the family archive says that he was supposed to show up in Almaty KGB office.

Did he become a different person after the prison? Malice, revenge, offence on the entire world or readiness to bend in front of the authorities could not infect Kayum's pure soul. But the life had added up some different after taste…

Kayum played dombra well. The political prisoners in Karlag taught him to play mandolina (*note: it is a Russian string instrument*). He brought this instrument home. The children remember how the father would take it and played singing in a calm and sincere voice one and the same song of Nekrasov "Troika" (three horses bent together): "Why are you fully absorbed watching the road…" Besides, he would very often cite lines from the Lermontov's verse:

Farewell, unwashed Russia,
The country of slaves, the country of masters
And you, blue full dressed uniform,
And you, devoted to them people

The communist ideologists under Lenin's push called themselves the direct descendants of Decembrists (representatives of higher society who struggled against Tsar for people's well being). In Stalin's time the main function of the authorities was suppressing the intelligentsia's free thought. The authorities of Stalin's time became a copy of the "blue full dress uniform" of the Tsar regime followed by the blue headwear of the KGB of that time. The Russian poet Anna Akhmatova in "Requiem" drew a comparative parallel between the blue uniform of tsar time and the blue headwear of the KGB of that time. The analogy of the color of the uniform is a political analogy. Apparently this comparison came to Kazakhstan poet Kayum Mukhamedkhanov even though he probably did not know about Akhmatova's "Requiem". Deep in his thoughts he would cite Lermontov's verse about the country of slaves and masters, about blue uniforms and the obedient to them people…

In 1952 in Karlag Kayum Mukhamedkhanov wrote one more verse that can be considered as the epitaph of that period of life. It is full of yarning for the native land. It concludes almost in moaning:

Return me back, the native land of Semey,
In you small piece I will lie free
(line by line translation)

As the future long life of Kayum Mukhamedkhanov proved he truly did not wish more happiness as the happiness of living on the cherished piece of land close to the loved ones. And those who tried to deprive him of all this…

Two years before Kayum Mukhamedkhanov's death I was lucky to talk with him about this period of his unique fate.

At some point he asked me to stop the talk about the time beyond the life. This was the pain on the face of a 85 year old man. The pain. Alive. Unbearing. Sharp. The pain that had not lessened in years. The whitened old fingers tied up the edge of the bed cover.

This was the pain, though it did not leave the scars of malice at all: "They only implemented orders…What is their guilt?..."

Chapter six

THE LIFE IN THE LIGHT OF ABAI

The major research activity of Kayum Mukhamedkhanov was on Abai's legacy. At the end of 40-s Mukhamedkhanov wrote a number of articles with in-depth analysis of the creative connections of Abai's outlook and the great representatives of the Russian literature: Pushkin, Lermontov, Krilov. It is a truism for the today's researchers of Abai's works that they are penetrated with allusion and reminiscences of the masterpieces of Russian and European poetry. Mukhamedkhanov's works on these issues (for the first time in the middle of the 20-th century) gave the research based justifications that Abai's poetry is built and properly understood only in connection with the history of mankind's common culture. The real value of poetic creativity of the Kazakh genius is revealed only through this connection.

Right after being freed from the prison he found three previously unknown of Abai's poems and in 1956 six more. They were all published with thorough textological analysis and relevant commentaries that Kayum Mukhamedkhanov prepared. In 1955-1959 he wrote eleven research articles on Abai's legacy. He published two monographs: "Magavya Kunanabaev. Life and creative activity" and "Textology of Abai's works". The latter still remains the unsurpassed and rare work in the Kazakh textology. It brings research objectivity and research grounded justifications in establishing the canonical text of the Abai's works. The textbook on the history of the Kazakh literature states that Mukhamedkhanov's work "marked discovery of new horizons for our (Kazakh) literary study".

On June 12, 1959 he returned to face the Research Council again to defend successfully for the second time the dissertation on the poets of Abai's time (as it is known he was deprived of earned degree at the arrest). Kayum Mukhamedkhanov continued finding new materials in many aspects of culture and literature; he worked in archives and did analysis. In 1970's the name of

Ilyas Boragansky, the first publisher of Abai, was discovered by Mukhamedkhanov. The first book of Abai's poetry was published by Boragansky in St.Petersburg in 1909. But the name of Boragansky was in oblivion for many years. Kayum's discovery was preceded by the many years of search, correspondence with the research institutions, libraries and the archives of Moscow, St.Petersburg, Tashkent and Ufa; the study of the old dusty newspaper files and magazines and many documents of that time. The scholar's hard work brought one more sensational discovery for the history of the Kazakh literature. It filled in the unknown gap in the Abai's biography.

If the creativity of the poet and the philosopher Abai is compared to the greatness and endlessness of the Universe, then Kayum remained it's tireless researcher till the very last days of his life. Invaluable is his contribution in preparation and publication the two volume academic edition of Abai's works published in 1995 for Abai's 150-th anniversary. For the first time Abai's verses and poems were published with textological commentaries! This publication became one more sensation in the Kazakh literature study.

Although not on time but the recognition at the Governmental level came to Kayum Mukhamedkhanov. In 1995 he was awarded the title: Laureate in literature of the Republic of Kazakhstan. He received many other honorary titles and prestigious awards. He continued working tirelessly searching, writing, bringing new facts and returning from oblivion forgotten historical names.

Chapter seven

REVIVAL OF A FORGOTTEN SHADOW

For more than thirty years, Kayum Mukhamedkhanov strove for historical justice for the poet Shakarim. For him as a researcher it was the issue of dignity to keep the disappearing thread in the objective study of the Kazakh literature. For Kayum the revival of Shakarim's name was a moral duty to the ancestors' memory. Kayum's father, Mukhamedkhan Seitkulov told his son many stories about this wonderful man. One of the stories was an amusing incident. In 1912 Shakarim came to Semipalatinsk and stayed in Seitkulov's house as a guest. He was an exceptional poet, an intellectual and besides, he was "Jack of all trades". He could sew clothes and leather footwear; he could make musical instruments from traditional Kazakh dombra to the unusual in the Kazakh steppes violin. After having breakfast with Seitkulovs' one morning Shakarim decided to walk in town. He said he would return by lunch time, but he did not return. Seitkulov began to worry. Suddenly there was a knock on the door. A policeman told Seitkulov they had a man in custody who claimed to be staying at their address, but had no documents. Seitkulov had to go to the police station to free Shakarim. The police thought Shakarim was a spy, as he looked so odd. They were

suspicious of the tall, handsome man in the one-of-a-kind long gown Shakarim had sewn himself.

It was at this time that Shakarim's photograph was taken, the only one kept and well known to all. After Shakarim was shot the authorities did everything possible to make his pen-name "The forgotten one" come true. Shakarim's books, manuscripts, personal belongings, family pictures – all were destroyed so that no recollections of him remained. The authorities forced a deaf and dumb guard to burn all the personal papers of Shakarim. The guard was an admirer of the poet, so he folded up one picture and hid it in his clothes. That famous picture was kept in Seitkulov's house for a long time.

The fate of Shakarim refuted the saying that manuscripts do not burn. As it turned out they burn and disappear. Some of his books published in Semipalatinsk, Tashkent and Kazan perished in his lifetime. Thanks to Shakarim's son Akhat three volumes of his works were kept. Akhat suffered as the son of the "enemy of people" too. He had the tragic lot of a prisoner. Kayum Mukhamedkhanov was not afraid to visit Akhat in prison. Akhat asked Kayum not to come, not to take these risks as it was dangerous and could have serious consequences. But Kayum listened to the voice of his conscience and he continued supporting Akhat, the son of the great person.

Akhat became the director and a researcher at the Abai museum from 1957-1967 after many years of imprisonment. Akhat who had been struggling for his father's rehabilitation finally received it in 1958. The office of the General Prosecution of the USSR proclaimed that Shakarim was found innocent of any wrongdoing and rehabilitated due to lack of evidence. However, this document could not restore Shakarim's work and reputation. He had become a non-entity. Kayum Mukhamedkhanov knew this. He put all his efforts to restore the reputation and renown for Shakarim. He had to work hard with the authorities.

Shakarim was shot in 1937 and rehabilitated in 1958. None of his work was available in 1958. Rehabilitation did not mean revival. Although the authorities were not against restoring his writings to the public, Shakarim's penname "The forgotten one" was becoming true. There is a draft letter kept in the family archives of Mukhamedkhanovs' which is Akhat's appeal to the authorities. Kayum Mukhamedkhanov helped Akhat to draw the letter to authorities. Kayum also continued sending appeals and letters to various authority bodies and editorial boards. He argued that Shakarim was the second greatest Kazakh poet after Abai and that it was necessary to make his creativity known to public. "I suppose they refrain from publishing out of false precautions. "if something might possibly happen", Kayum wrote in one such letter.

One more example speaks for Kayum's citizen and professional position. During the so called "stagnation time" (70s-80s of the Soviet time) a delegation of writers and culture representatives came from Russia to Semipalatinsk. They were also brought to the Abai's birthplace that is located three hours outside of Semipalatinsk. They visited Abai's burial place. The Party members guided the delegation. Suddenly Kayum Mukhamedkhanov declared: " There is a burial

place of another great son of the Kazakh people". With these words he led people to Shakarim's burial place. The Party people were shocked and indignant by Kayum's behavior. Someone told him: "You killed us all!" Kayum knew no fear of them as the voice of his conscience was louder. He continued working no matter what in the hope to see Shakarim's works published.

During the Gorbachev's era the situation did not improve. Kayum wrote riches of materials on Shakarim's biography and his creativity with deep analysis. As it was always these materials are research grounded, based on the originals and make the biography of the poet backed up with research findings. In July 1987 Mukhamedkhanov wrote a letter to Kolbin - the first secretary of the Central Committee of the Communist Party of Kazakhstan and to the first secretary of the board of the Writers' Union of the USSR – Karpov. "… Restoration of Shakarim's name is one of the most important and acute problems for the history of the literature and the entire Kazakh culture… I dare to express my conviction that somebody might not like the international spirit of Shakarim's creativity and those "some" try to label him with nationalism. This dirty method is familiar to me. I myself was a victim of that labeling", wrote Kayum in one of those letters.

Mukhamedkhanov submitted the article about Shakarim and the editorial board of the newspaper "Kazakh Adebieti" ("Kazakh literature") did not publish it, again, out of that fear of publishing an article about the "disgraced" poet.

In this connection in February 1988 Kayum wrote a letter to Moscow, to the chief of the editorial board of the magazine "Ogonyok", Mr. Korotich: "How can this be explained that beginning with 1958 at Shakarim's official rehabilitation nothing of his works are still published. Two volume of his works were prepared for publication in the mid-1960s. During all this time only fourteen of Shakarim's poems were published in translation in the book "Poets of Kazakhstan". And it took place in Leningrad. It is quite obvious that serious roadblocks have been thrown up by authorities in Kazakhstan against restoration Shakarim through publishing his works", wrote Kayum.

A month later Kayum received a response from the Writers' Union of the USSR. " We have read your letter on the fate and creativity of the Kazakh poet and thinker Shakarim with great attention. We have talked with the people from the Central Committee of the Communist Party of Kazakhstan. We are awaiting Shakarim's works from them to know them in detail. *(Alla Belyakina's remark: The latter phrase is one more unsolved puzzle in the fate of Shakarim's creative heritage. Who are those Party members who kept Shakarim's works?)* We are arranging with the magazine "Literary review" for you to publish the article on Shakarim. In case they ask you to add something or correct –please, do so. Shakarim is the second great poet after Abai, as you know".

On April 7,1988 Mukhamedkhanov received an urgent telegram from the first secretary of the Writers Union of Kazakhstan who personally congratulated Kayum:

"Congratulations! Shakarim has been rehabilitated by the directive authorities!". This was indeed a victory and Kayum alone had full right to accept this commendation.

At last, after so many years in darkness Shakarim's works saw the light. He finally received his due. However, his true genius was distorted again. Many publishing houses rushed to publish Shakarim's works and biography. As the result of this haste many mistakes were published. Again, Mukhamedkhanov wrote textological articles, making comparisons with the original works of Shakarim and correcting mistakes. Turdikul Shanbai, director of Shakarim's Center of the Semipalatinsk Pedagogical Institute, tells that Kayum-aga gave him one of such hastily published books and told:

"I will recite by memory Shakarims poems, you follow and correct mistakes in the book." Shanbai exclaimed: "I was astonished by his memory. How many slips, mistakes, distortions of the original verse were found! What if he did not correct them? These distorted versions would go on being disseminated…"

On April 23, 1988 the newspaper "Irtish" in Semipalatinsk published the first article on Shakarim's biography, philosophical views and his creativity written by Mukhamedkhanov. The articles was entitled "The Return of the Poet". As if it was devil that did not let "The Forgotten one" to come back to people. Due to technical problems some lines and even phrases of the article were deleted. This destroyed the perception. Being by nature a kind and mild person who would not struggle for his personal well being, Kayum was very rigor and firm in profession. He insisted that the article be republished without errors. And it was published again. "Our people need Shakarim in his true and original individuality. Shakarim is needed for enriching our spiritual life…", - Kayum concluded that essay.

This is only a portion of what Kayum did to more than rehabilitate Shakarim. Through his efforts, Shakarim's greatness is again known, and another gap in the history of Kazakh literature has been filled.

Chapter eight

A MAN - A RESEARCH INSTITUTE

Today, going through Kayum Mukhamedkhanov's works –published books, monographs, articles, studying directions of his research, touching hundreds of his files with riches of materials, you stop at some point to ask a question: how could one person research volumes of work that is the job of several research institutions? Each one of his articles would be a good foundation for a dissertation. All his articles are research grounded and based on primary sources, archival documents followed with in-depth comparisons and analysis.

In the 1940's Kayum Mukhamedkhanov submitted manuscripts of previously undiscovered primary sources with his analysis to the branch of the

Kazakh Academy of Sciences. They were approved for publication. Among them there were "Kabanbai batir", "Bogenbai batir" (both in around 90 pages, 1943); "Poet Arip" (more than 500 pages, 1944), "Literary School of Abai" (more than 700 pages, 1945); unpublished verses and words of wisdom of Abai, Abai's sayings on his followers Shakarim and Arip.

In 1945 Kayum Mukhamedkhanov participated in preparing the first volume of the "History of Kazakh Literature" for publication. Mukhtar Auezov had entrusted him with writing the section on folk creativity, connecting it with national heroes of the past. Kayum organized the manuscripts on folk and historical poems, many of which he had discovered: Kabanbai batir, Bogenbai batir and others. Kayum worked hard as practically no other materials on this issue existed. The volume was published in 1948, but without the section on the folk historical poems… When Kayum asked his supervisor Auezov why, the answer was: " It was not my decision. The authorities demanded that nothing on Kabanbai batir or Bogenbai batir, or anyone like them, be disseminated. They said that they did not want any nationalistic materials."

Few people know that Auezov was dismissed from the book's editorial board for "ruining the work". Both the teacher and pupil suffered of this injustice. Fortunately Kayum's works were preserved and published in the last decade of the 20-th century. Now the heroes he wrote about are a matter of national pride.

Many of Mukhamedkhanov's works and research findings were seminal for the literature and culture of Kazakhstan. For instance, for many years various theories existed on exact date of the birth and the birthplace of Bukhar jirau, another great poet of the Kazak, hindering the developments in the study of the Kazakh culture. Because of his research and extensive knowledge Mukhamedkhanov was able to pinpoint the location and date of the poet's birth, an exciting victory for research.

The staff of the Semipalatinsk museum of Dostoevsky still gratefully remembers that Kayum Mukhamedkhanov stated the exact date of the famous photo of Dostoevsky and Valikhanov. For many years it was considered to be 1856. Mukhamedkhanov conducted research, studied archive materials, made comparisons, studied their correspondence and came to the conclusion that the photo was made two years later.

This is just a small part of what Mukhamedkhanov accomplished. Mukhamedkhanov's research interest also encompassed historical, literary and textological study of many cultural and literary traditions. He wrote and published articles on the Russian writers Rileyev, Dal, Dostoevsky, Tolstoy, Chekhov, Gorky, Vsevolod Ivanov; on the Ukrainian writer Shevchenko, on the Tatar writers Tokai, Nasiri, Kamal, and Faizkhanov; on the Kyrgyz writers: Satilganov; on the Turkmen writer: Kerbabayev; on the Uzbek writers: Navoi and Niyazi; on the Azerbaijan writer: Gadjibekov; on the Armenian writer: Nalbandyan; on Lezgin: Stalskiy; on Latvian: Rainis; on the Polish writers: Mitskevitch and Yurandet; and on the Chinese writer: Lu Sin.

He continued with in-depth research on Kazakh literature and culture. Kayum Mukhamedkhanov is the author of the monumental research works: "The textology of Bukhar jirau's works", "The textology of Makhambet's works", "Research grounded biography of Auezov".

He prepared for publication the collection of works of Abai's follower Uais Shondibayev followed with his textological analysis. He wrote many research articles on significant representatives of the Kazakh literature, culture, art and theatre: Amre Kashaubayev, Estai Berkimbayev, Sadir akyn and Beisembai akyn, Shokan and Maki Valikhanov, Utemisov, Dauletbayev, Jambil, Shanin, Baiseitova, Musin, Sain, Seifullin, Jansugurov, Mailin, Altinsarin, Jomartbayev, Dulatov, Baitursinov, Aimauitov, Toraigirov, Khasenov, Momishuli, Kaliyev, Jarokov and others.

Kayum Mukhamedkhanov's memoirs on Mukhtar Auezov, Estai, Sain, Vsevolod Ivanov, Khadzhi Mukan are included in the heritage of the history of the Kazakh literature. He also did a significant research on the history of establishment of the Kazakh theatre.

Is it not true that you have dizziness on enumerating only the names? And this is not all. In 1977, when the 12 volume Kazakh encyclopedia was published, Kayum Mukhamedkhanov analyzed all 12 volumes. He corrected erroneous dates, sites, chronology and biographical information. This included articles on all aspects of culture, art, theatre, literature and history of Kazakhstan. Again, each correction was research grounded and supported by the documents in his own archives. When he retired, the invitation to edit the new editions of the Kazakh encyclopedia was certainly no surprise. At the same time he was working on his articles for the "Abai" encyclopedia as well.

For Kayum the highest assessment of his work was that of his research supervisor Mukhtar Auezov. This was his moral support throughout Kayum Mukhamedkhanov's life. Due to political repression and imprisonment Mukhamedkhanov had to defend his dissertation for the second time after imprisonment. In one of the talks Auezov told Mukhamedkhanov: "The two dissertations you defended are of great value to research. Their content, innovative ideas and research findings surpass many doctoral dissertations. But for the formalities you could have your Doctorate now." *(note: In USSR defending dissertation equals to what is PhD degree worldwide. Besides, there existed terminal degree for opening up new theories that was called Doctorate degree).*

The only person who could truly assess Kayum's research was Auezov. After Auezov's death Kayum continued working on the textological analysis of Abai's works and his followers. The formalities of that time required sending all dissertations to Moscow for final approval of the defended degree. Kayum scoffed at the idea of translating his research into Russian. How could one translate the analysis of nuances in the unique Kazakh language that brings spirit and emotional mood to poetry into Russian? Furthermore, there were only two prominent scholars in textology (text analysis) in the territory of the USSR:

Likhatchev and Jirmunsky. But they were specialists in Russian poetry! Only Auezov would be able to give an objective academic analysis of Mukhamedkhanov's research in the Kazakh language. The others were analysts in name only.

Mukhamedkhanov's research is a constituent part of the treasure of Kazakh literature study. Hundreds of files with riches of materials left after death of this great researcher could lay foundations for new directions in research. He embodied the most important characteristics of the conscientious researcher: strict faithfulness to primary sources. To publish one article could mean for him processing a dozen file drawers of sources.

Practically all his work was based on materials he himself discovered; materials that might remain undiscovered if he had not done this work for Kazakh literature and culture. Hundreds of letters from the libraries and archives all over the former USSR speak for this scrupulous and accurate work. This work took much energy and personal expenses. He would not have it otherwise.

One example of his research from the article published on Ilyas Boragansky, shows his intensive painstaking methodology. He wanted to identify the first publisher of Abai's works. *(note: as it is known Abai's poems were first published in 1909 in Saint Petersburg. The publisher's name remained in oblivion for many decades).*

What Kayum tells is the research methods and this is what Kayum Mukhamedkahnov tells:

" In 1966 I sent an inquiry to the Lenin State Library in Moscow. They did not find any materials on Boragansky and so readdressed my inquiry to the library of the Institute of the Peoples of Asia in the Academy of Sciences of the USSR. Soon I received a response saying that no materials related to Boragansky were found there. Professor Dantsig, the scholar of Oriental Studies of that Institute recommended that I write to professor Kononov and Novitchov of the Leningrad branch of the Institute of the Peoples of Asia. When I received that address, I sent my inquiry again.

Kononov responded. His staff member did some search and found a review for 1855-1905 of the Oriental Studies Department of the St. Petersburg University. There was a mention: "Ilyas Boragansky is teaching the Turkic language from August 20,1908.

…This remained the only source and my further efforts to know more reached a dead end in 1966. Two years later, I happened to be looking through the old newspaper files of "Kazakh Language". All of a sudden I saw the following written in capital letters in the newspaper of October 28, 1922: "Boragansky –Elder" The Bashkir government congratulated him on his 70-th birthday. Now my search was aimed at Bashkiriya.

Excitedly, I sent inquiries to the central library and the archives of Bashkiriya. Alas, this did not bring results. No information existed there, but I did not lose hope and I sent out letters to writers and poets of Bashkiriya. Soon the oldest writer Saifi Kudash responded. He directed me to further search in magazines. Then I sent

out inquiries to a number of libraries in the USSR. Finally, in 1970, I was happy to held in my hand that same magazine with the article on Boragansky and his picture."

Indeed, the question arises: if not him, then who? Who could spend that much time and energy, personal money for innumerous inquiries for the sake of revealing the historic person's name? The name that brought more light in research related to Abai. Who else could have that many years of patience and fortitude to continue searching and reach the goal? This search was done on the background of versatile hard work of Mukhamedkhanov on many other issues.

The tremendous amount of materials that were sent to him from libraries and archives were in Arab, Persian, Tatar, Bashkir and other languages. Again, tireless Kayum did the work of entire research institutions in translating those materials in Russian, in Kazakh, in Tatar, etc. All his fundamental works, articles, correspondence are written in accurate minute handwriting. Kayum never forgot the exact location of any materials. When he was away from home, he could call and ask someone to open a certain file to find a page he needed. Not long before death, even while bedridden young researchers consulted him. They were struck by his amazing memory: he could quote poems word for word and give the exact page number where they could be found.

Kayum Mukhamedkhanov always read with pen in hand. He conducted a dialogue with any author: he corrected mistakes, wrote commentaries on margins, put question marks where he found discrepancies. All that captured his attention was systematized in files.

Knowledge of several languages, professional skills in seeing the value of literary work, his own poetic and playwright talent molded Mukhamedkhanov into a good translator. It was translation that was a pass for the future man of letters.

When Kayum was fourteen, one of his father's frequent guest, Idris Mustambayev (a prominent representative of the Kazakhs intelligentsia) asked Kayum to come to his home. He showed him a thick manuscript in Arabic language and asked him to read it .

"I read it all well, "– recollected Kayum many decades after.

-And can you translate it and rewrite it from the Arab script into the Latin one? What would you say?

-Well, aga, I will try. *(note: "aga" means respectful address to elders).* With these words I took the manuscript home. I sat day and night for twenty days to complete the assignment.

When I brought the work to Mustambayev he said: "You did the work well and accurately." He shook my hand and gave me a hug. I was about to leave when Mustambayev gave me some money. I was perplexed and did not want to take it

- This will not do, he said. This is your hard work and excellent result. Any work should be rewarded.

"So, this is how I first earned money", - Kayum recollected.

In 1940 Mukhamedkhanov translated the musical comedy of the Azerbaijan composer Gajibekov "Arshin Mal Alan". It was staged for many years in the Semipalatinsk Kazakh Musical Drama Theatre and in the State Academic Theatre of Opera and Ballet.

His translation work was extensive. To give some examples, in1941 he translated Pushkin's "Mermaid". An official document in the family archive says that Kayum was entrusted to translate Bomarshe's "Marriage of Figaro". The manuscript was confiscated at the time of Kayum's arrest. He resumed this work after his release but only small portion of it survived. In 1952 in prison he did a poetic translation of the Russian novel of Karamzin, "The Unfortunate Liza". In 1955 he translated "Dekameron"of Boccacho. In 1973 he translated the play of the Tatar writer Sharif Kamal " Khadji Afendi is Marrying", which was staged for ten years. His translations of Oriental legends and the Tatar poet Gabdulla Tokai are well known.

Thanks to Mukhamedkhanov's translation the play of the Polish playwright Yurandet "This is such a time" and the Grakov's drama version of the novel by Fadeyev "Young guards" were articulated in the Kazakh language.

In 1968 Mukhamedkhanov coauthored a script of the documentary film "The town of my youth" with Semyon Anisimov, which was dedicated to the 250 th anniversary of his native Semipalatinsk. He also wrote a guide to the Abai Museum.This guide was translated into Russian by Kayum's colleague Mstislav Shatalin. Beginning in 1970 Kayum supervised the work of a TV show where he lectured every month on the prominent Kazakhs.

He also wrote more than 100 verses and poems himself. He wrote five plays himself that were successfully staged in theatres. Unfortunately they are not published in a separate book in full version. Publishing his works was an arduous process due to the political climate. In one of his letters to the Central Committees of the Communist Party of Kazakhstan Kayum wrote: "…In 1978 I submitted five plays to the "Jalin" publishing house. They are: "Commissar Gabbasov", "From front to front", Courageous Bilisai", "Perne", "Khadji Afendi is marrying" (translation from Tatar language). Although all were approved for publication, this book was not published. A small portion of my plays were transferred to the "Oner" publishing house, which published them in 1981. The condensed version of the plays was published in a distorted way, destroying the plot. They presented my plays in a parody form, thus insulting me. Elementary literary norms and the law on author's right are rudely violated", bitterly stated Kayum. In this same letter he also wrote on the necessity of finding and returning his correspondence with Auezov. "I have a sharp pain for the fate of all my works"…, Kayum concluded in this letter. Who knows if a professional text analyst can be found for Mukhamedkhanov's creativity to restore his original texts?

Chapter nine

"REMAIN HUMAN BEINGS"
(Kayum Mukhamedkhanov)

Incredible workload determined Kayum Mukhamedkhanov's lifestyle. There was practically no time for what the philistines call personal life or relaxation. An ongoing process of analysis, considerations, and comparisons pushed him out of the frames of habitual life. Although he did not fit the caricature hero of the Marshak's poem for kids of "An absent minded person from the Basseinoi Street" he happened to be in funny situations himself.

Kayum's wife Farkhinur took the household and habitual responsibilities on her. Kayum was fully absorbed in his work. He never carried a wallet. Once in 1960s there was nobody to send to buy bread, so Kayum went shopping. During the war, bread was distributed by the gram, so he asked the clerk to weigh him a kilogram of bread. The salesgirl laughed at the funny customer who did not know that bread was sold in loaves.

Another episode the family likes to recount was when he went to buy cigarettes. There was not much time left before his classes began. So, Frakhinur advised him: "Take this change and just hand it to the clerk right away saying you want cigarettes. Do not get in a line, if there is any." Time passed and he did not come back. Farkhinur went down to the shop that was located on the ground floor of their house. Kayum was standing silently in front of the line with the coins in his hands. The salesgirl was surprised: "He has been standing there, without a word. I thought that he was waiting for somebody. No problem, we always take small purchases at the front." Kayum's extreme sense of modesty did not let him disturb the line with his request.

The image of Kayum is that of a hard working throughout all his life. He used to work at nights. Children remember him sitting at table writing papers deep in his thoughts. The father of a big family received highest respect from everyone in the family. Once one of his daughters [Dina] did not want to attend her mathematics class, because there was a test. Kayum responded: "You yourself know best what should and what should not be done". Dina drew her own conclusions about the relationship between freedom and responsibility.

Kayum Mukhamedkhanov often repeated: "Live honestly. Remain human beings." His family treasures and follows this philosophy.

Modesty was another of his stellar traits. He tried to stay out of photographs at important events. He never lorded over anyone with his knowledge and research authority. He never showed off his accomplishments. He never used his prestige for benefits or financial gain. Even when he deserved

something, for instance, treatment in a prestigious clinic for distinguished retirees, he would only agree to modest services.

One might exclaim: "What a wonderful eccentric!"

Kayum Mukhamekdhanov was this kind of human being. Once the poet Kalikhan Altinbayev wrote: "Kayum climbed to the top of mountains without becoming short breath… Others cannot: their hearts do not let them do so." Who knows: this can be the pure strength of Kayum's heart that let him so easily and calmly ascend the heights of spirit.

Chapter ten

THE FORCE OF CHARISMA

The force of Mukhamedkhanov's charm was so strong that it impressed all who met him. He and his father were famous for their hospitality. First his father's and later his own house was always full of visitors and guests. Colleagues and friends, prominent people of Kazakh history and culture, students, - all were greeted here with a smile and treated with warmth. Mukhamedkhanov's personality and intellect attracted the famous Kazakh wrestler Khadji Mukan, the Russian writer Vsevolod Ivanov; Estai - the poet from Pavlodar, and the Kalmyk writer David Kugultinov. Kayum communicated closely with the Kazakh writer Musrepov, the famous scientist Margulan, and the composer Jubanov. Mukhamedkhanov wrote his recollections of Mukhtar Auezov, Jambil Jabayev, Jumagali Sain, and Sabit Mukanov. Kayum and his wife Farkhinur had interesting conversations with the actors Morgunov, Mironov, Mishulin when they met on vacation in the House for Writers in the Crimea and the Caucasus.

Mukhamedkhanov's recollections about interesting people that he met are one more layer in the history of the Kazakh culture. They read like fiction as they were written in a good literary style.

In 1938 Kazakhstan celebrated the 75th anniversary of the Kazakh poet Jambil's writing career. Sabit Mukanov, who was the head of Writers' Union of Kazakhstan, came to Semipalatinsk with the news that all writers, poets, both mature and young, could participate in the competition for the best poems devoted to Jambil. Kayum wrote a poem devoted to Jambil. At that time he was in the last year of his study at the Teachers Training Institute. His poem was recognized among the best, so Kayum was invited to come to Almaty for the celebration. This event was a big gathering of Kazakh poets and jirshi *(poets who sang historic poems*).Writers from all over Soviet Union also attended. It was a time of inspiration and joy.

During the celebration the news that Jambil had been awarded the Lenin prize came from Moscow. A small delegation of young poets, which included Kayum, was selected to visit Jambil at the house where he was staying. Kayum was chosen to bring the news to the old wise poet. There is a photo of these young poets with Jambil.

When the delegation came to the house Jambil was praying. Although the propaganda of that time depicted Jambil as supporting the Soviet ideology, he followed his own muse. He was a poet of the people. When he heard the news about the award he was not impressed and asked how it would change his fate in the hereafter. When the town of Aulie-ata was renamed in his honor Jambil asked forgiveness from the ancestral spirits there. When Stalin sent him special regards he responded immediately with a satirical epigram about Stalin.

The next two days, May 20-22, 1938 another event followed. It was the Plenum of the Writers Union of Kazakhstan. Poets-winners of the competition recited their poems from the stage. Jambil sat in the Presidium. Kayum recollected:

"My turn came. I recited and then gave my poem to Jambil. He gave me a hug, thanked sincerely and wished me all well. After that Sabit Mukanov who chaired the meeting recited his verse devoted to me. He wrote this verse - wish on the back of the picture where him and myself are pictured together. He probably was also inspired by Jambil's speech as he gave the picture to me at that moment."

Kayum met Jambil several times at other meeting of the kind. He came to say the last farewell to this great poet of Kazakh people in 1945.

One more meeting surprise awaited Kayum during that event. This was the poet Jumagali Sain. He met the delegation of Semipalatinsk in Almaty. Meeting with him developed in friendship between poets. In 1939 Sain came to Semipalatink. One day Kayum and Sain went to the outskirts of Semipalatinsk, they talked, relaxed. The awakening nature, blue skies, unlimited horizons of the steppe inspired their talks. One moment Sain took a pencil and paper. He wrote something. He gave it to Kayum. It was a poem devoted to their friendship:

We are all energetic and merry when we are young
We are happy to see the shining golden moon.
We want youth time come back when we get older
Someone wants the love back
Someone yearns for merry days
Some dream of winds' flight in the skies.
Some recollect childhood that had run as fast as maral.
And I will remember happy days of our communication.
This filled my heart.
When I go back to Almaty
I will remember you, Kayum.

You will also remember me.
We spent much time together like old friends.
Let this verse be reminder of our talks.
(word for word translation)

In June 1939 the second congress of the Writers Union of Kazakhstan took place. Writers from Kazakhstan and other Republics participated. Mukhtar Auezov, Ivan Shukhov, Leonid Sobolev were among them.

Kayum Mukhamedkhanov was fascinated by the Kazakh poet from Pavlodar -Estai Berkimbayev who was always surrounded by writers, composers, youth, and journalists. Everyone wanted to talk with him. Kayum listened to breath taking songs of him that he sang to dombra. He could not talk with Estai at the event. But later he was given a chance. It happened so that they were given train tickets back home in one compartment. People continued to come to the compartment to say hi to Estai. Kayum invited Estai to stay in his house in Semipalatinsk. He agreed and stayed there for two weeks. Kayum recollected: "I did not bother him. He relaxed. Sometimes he would take dombra and sing in a calm voice. His verse was sincere and true. He was 70 that time but was full of energy and he had young soul. His speech sounded like a tune. I was curious to know about this unique poet's life, thoughts, his creative plans. One day I asked Estai on what the first song he composed was. There was a pause. He seemed to frown. Then he told me the following story:

"This was the song "Khorlan". I composed it when I was 20. That was a love drama. Khorlan was a daughter of a rich sultan from Kipchak-uruk tribe of Sunkar place. I met her and her sister at one of the events where I sang. I loved her from the first sight. She liked me too. In a year I wanted to marry her. But I was not a good fit from her father's thinking and he quickly engaged her to another person."

Estai then told Kayum that in six years he came to his beloved just to look at her and to greet her.
Last time he saw her was in 1931. They both were old.
Estai went back home by ship on the Irtish river. In 1945 the 100-th anniversary of Abai was celebrated. Kayum was working in the organizing committee of that jubilee. He invited Estai as an honored guest of the event. Estai gave Kayum the last song he created and some materials about himself. Kayum forwarded these materials to the composer Jubanov to be included in his book "Nightingales of centuries". Estai was not open to all people. He talked sincerely with those who he felt he could trust. Kayum was that kind of person.
After meeting Estai Kayum shared with his acquaintances and colleagues the story of the creation of "Khorlan". Soon after it he read the article written by Begalin. He retold Kayum's story and wrote as if it was him (Begalin) to whom Estai had told the story of the song creation. Kayum was not cross at it. He only

noted: “OK. Let people know the truth from his retelling. At least he did not distort my story…”

…June 1948. Several writers and poets of Semipalatinsk were awaiting the arrival of the Russian writer Vsevolod Ivanov. They headed their way by the ship on the Irtysh river in the direction of the airport. Somebody remembered that the very first story that writer created was “On the Irtish river”. When Ivanov showed up at the airplane ladder he smiled. He greeted everyone as if he had known him for a long time, like old friends. Kayum remembered his impressive face, big nosed, wide forehead so specific to the steppe’s inhabitants. He smiled with kind smile seen through thick glasses.
At that time Kayum supervised the Semipalatinsk branch of the Writers’ Union of Kazakhstan. He was responsible for the work of Semipalatinsk, Pavlodar, Ust-Kamenogorsk towns and their outskirts. These sites were included in Semipalatinsk oblast/region of that time. So Kayum followed Ivanov in all his meetings, be it meetings with the editorial boards of the local newspapers or farmers, industrial enterprises and cultural events. Ivanov stayed in Kayum’s hospitable house. He did not want to go to the hotel. Kayum remembers the days when they visited the museums of Semipalatinsk. It is well known that Kayum himself had devoted much energy and effort in gathering the materials, historical documents, items for the museum of Abai. He cherished museum work. At that time the museum of Abai was located in five room house where Abai used to stop when he came to Semipalatinsk from the steppe. The museum produced great impression on Vsevolod Ivanov. Later he wrote an article on Mukhtar Auezov’s novel “Abai”. And the article began with the visit to the museum of Abai in Semipalatinsk that amazed him.
Long walks and talks around Semiplatinsk left vivid recollections. Kayum told: “When we stopped at the house-museum of Dostoevsky, Ivanov addressed to me:

> - Kayum, you are the director of the museum of Abai. You have to also remember about Dostoevsky. He was a friend of Shokan Valikhanov. *(note: scientist, traveler)* and he kept memories on him through the very last days of his life. You know that Dostoevsky kept his manuscripts in the rosewood box that Valikhanov gave him as a sign of their friendship. –
> Kayum continued: “Frankly speaking, I did not know that and I muttered something –Yes, they were big friends.”
>
> Vsevolod Ivanov told Kayum:
> - It is needed to establish the house-museum of Dostoevsky in the mansion where he lived for several years *(note: Dostoevsky was sent in prison to Semipalatinsk from St.Petrsburg for his free thinking)*. I will talk on this with local authorities.-

Kayum continued: “Later I read more about the rosewood box in the recollections of Dostoevsky’s wife - Anna Grigoriyevna Dostoevskaya. Dostoevsky would tell to her:
“Do you see that big redwood box? This is a gift of my Siberian friend Shokan Valikhanov. I cherish it so much. I keep my manuscripts, letters and all that is close to my heart here.”

Kayum went on: “True, Vsevolod Ivanov had a great memory. He remembered all he saw and heard. Then we headed our way to telegraph station. Before sending a telegram home Ivanov noted:
- The telegraph line between Omsk and Semipalatinsk was laid in 1872…-
When we talked about traveling by ship he told:
- In 1863 the first ship sailed on the Irtish river from Semiplatinsk to Ust-Kamenogorsk and the lake Zaisan. It was called “Hurray!” This is wonderful: ”Hurray!-, and he laughed.”

Ivanov felt at home in Kayum’s house. He praised tasty food cooked by Farkhinur. He enjoyed listening to Kayum’s children reciting of the Russian poems. He was amazed at it. More talks on culture and history took place during long evenings at table.
Kayum told: “Ivanov talked about the Kazakh literature with great professionalism. He recollected his work with the writers Mailin and Musrepov on writing the film script to “Amangeldi” *(note: Amangeldi led liberation upraise in 1916).*
- I can not write about something that I have vague idea… I was born and grown up here in Semipalatinsk oblast. I used to stay for a long time in the Kazakh auls. *(note: villages)*. In childhood my friends were Kazakh children. Can you believe that I spoke the Kazakh language in my childhood? I know well the history of upraise of 1916. I met its participants. I have begun writing a book on this issue.”
Kayum continued: “Then we talked about the translations of the Kazakhs poets and writers in Russian language. Vsevolod Ivanov ridiculed the notion of “word for word translation”. He talked with great respect about Marshak’s translations:
- Why does not Marshak need “word for word translation”? Why his translations of Shakespeare and Burns are so vivid and popular in Russian language? Unfortunately, this is not the case with Abai’s poetry. It is known that Abai himself composed music on poems. But Russian translations of Abai lack something, there is no music in them and they are less popular…-
Kayum remembered Ivanov as an erudite, a cheerful and open person. His recollections about Ivanov are red as a novel itself.

After Ivanov’s death his wife Tamara Ivanova continued correspondence with Kayum. Her letters to him are full of respect and appreciation of the

Kazakh writer and the researcher. She invited Kayum's family to rest at their summer house near Moscow. Kayum did not have a chance to go there.Tamara Ivanova read Kayum's recollections on Ivanov and she wrote in her letter:
" I am writing you the second letter. I wrote the first one when I had read your article " Ivanov in Semipalatinsk" in the newspaper "Star of Irtysh lands". This time I read a the article in the newspaper "Irtysh" entitled "In one breath with the steppe" devoted to Ivanov. I am so grateful to you for writing these articles. I wish you join them to publish in a magazine. I think that it perfectly fits with the magazine "Friendship of peoples". I know the chief editor there and I will suggest your article provided you want this and you send it to me. I apologize if my suggestion is not in place…" , - she continued.

Kayum Mukhamedkhanov was a happy person as the fate gave him many meetings with the prominent people of culture, arts, literature, and history. He was a lucky person to talk with them, communicate, and become friends and colleagues. They told him details of their biographies and creativity. Kayum's reminiscences on those people built one more layer that contributes to understanding of our culture and literature development. And today his recollections are the foundations for future research!

People saw that Kayum was not only a great researcher but he was also a preserver of manuscripts, original documents. He was the one who carefully dealt with the originals and cherished them as invaluable foundations of the Kazakh history.
And definitely it was not by chance that Abai's granddaughter Maken gave to Kayum an old note-book. This notebook was a genealogical tree of their family that she created. She highly respected Kayum and she trusted him. Maken invited Kayum to her 80-th birthday that she celebrated in a restaurant. Kayum as always was not seen in a crowd. According to the tradition she assigned the most honored places at table herself. Maken –apa *(note: "apa" is the address to elderly female person)* announced:" On right from me Kayum will sit and on the left side Gulnar Dulatova*"(note: Gulnar Dulatova is a daughter of Dulatov, one of the "Alash Party" intelligentsia who perished in 1930-s).*

... Just little time will pass. Kayum Mukhamedkhanov himself will become an object of worship and research. People who met him, who knew him will write their recollections about Kayum. They will try to restore in their memories his look, his movements, and his words. These threads will connect the past, today and the future through his personality. These threads logically will reach out to all significant people of the Kazakh literature and culture. And these threaded patterns are the crossroads of the fates. This is here where we begin to understand the overall picture of our great history.

Instead of an afterword

OBVIOUS BUT IMPROBABLE INTERVIEW

I do not know how Kayum Mukhamedkhanov would have been taken the idea of a hypothetical interview with him. He valued accuracy, factual justification. He was very careful in research so that the "subjunctive mood" did not violate the truth. Of course the interview with the passed away aksakal is improbable.*(note: "aksakal" means an elderly wise person).* But paradoxically enough it is obvious! His numerous works, articles, reminiscences, draft papers contain answers to many questions that I would have asked this amazing person. In reality my colleagues and I were lucky enough to talk with Kayum Mukhamedkhanov and hear his responses to some questions. Kayum's published works have the responses on those questions that I did not ask him.

Looking back with your mind's eye are you ready to point out the major outcomes of your long and hard way of life?

Every human being has his fate and his recognition. There is always time to draw conclusions. Time flies so fast. I am not the one to evaluate the value and amount of my research or my literary creativity. But what I know is that my long life was filled with disciplined, focused work. I was born in the middle of winter, in January. Because of that, I feel my life was a sunny, blossoming summer rather than a bitter, stormy winter.

You have written an enormous amount of research , most of an academic nature. Therefore, the logical question is: Why didn't you defend your doctoral dissertation? You had achieved so much academically through your excellent research?

There are many reasons for this. I believe the most objective are the following. Too heavy was the blow of unjustified repression in a moral and physical sense. Also, there was overload with teaching and community service work; my age and my state of health speak for themselves; and the responsibilities of taking care of my family and raising ten children. As a member of the Writers' Union I had to save my time and energy to write creative works.

Probably this question is not important but still it arises. Why have you kept so much of the materials that you used for your research? Or there

might be a hidden pedagogy so as future researchers analyze mountains of the "research ore" before they come to the truth?

Sources, given correct and thorough analysis, are the only proof of truth. Mukhtar Auezov and I were always together in defending our ideas. Many of our "colleagues and friends" took the path of slander. They wanted to root out everything that Mukhtar had been doing for 30 years. They called me Mukhtar's "tail". They considered Shakarim a bandit. Fate has beaten us but it could not break us! Well, what is me... It saddens me deeply that Abai, Mukhtar, and the Alash intelligentsia suffered so much and experienced such great injustice. Mukhtar Auezov was attacked throughout his life. But neither of us retreated from our research ideas. Time is a great judge. It returned everything to its place. Now our ideas are the pride of the Kazakh nation.

Fortunately, times have changed. Would you say that Abai's creativity and that of his followers are currently being studied widely and objectively?

Abai was always used for ideological purposes. His philosophy definitely needs further study. Mukhtar Auezov, the most important expert in his philosophy, is gone. Some academicians do not understand Abai even today!?...They are ready to accept the idea of publishing Abai's works with the same textual errors previously published… Abai's collection of works in two volumes has been published and for the first time with textological analysis. I insisted on four volume publications. We have to go on with this work. We need to understand Abai properly. We need to know the canons of the research in order to avoid falsifications and fabrications in research. But this is still not the case. Abai said: "Dreams are ahead. Disappointment is behind. Life is deceptive."

What kind of state are we building? What ideology do we have? Our history is still going on. Today "the fabricated" batirs from this or that tribe are revealed. They did not exist in reality! *(note: batir is a Kazakh warrior that led people. Batirs were also men of literature, composers, and poets).* The false "batirs" obscure the real heroes and the true history of the Kazakh people. Even though I am not a historian, I consider it my duty as a Kazakh researcher to contribute to the development of the principle of historicity in the national literature. Falsehoods continue to be created by those in search of glory, and believed by the gullible. Can we be called a nation if we do not consider this?

It seems that you know everything or almost everything about Abai. You studied Abai's amazing life and times thoroughly. If you had the chance to ask Abai one question, what would it be?

I would ask Abai a question that might sound naïve: "How did you become a poet?" And he would laugh and respond: "Poets are born**.** They do not become poets."

And happiness… Can you tell now what it is?

It is great happiness to be free, to tell the truth and not to be afraid of anything. This is the only way to live! And this is the most important principal for every human being.

Kayum Mukhamedkhanov on his origin

The following is an introductory speech of Kayum Mukhamedkhanov at of one of his meetings with people. He took the floor all his life talking on issues of literature, culture, intelligentsia and its role, rehabilitation of the members of the "Alash" Party, on novices in his research and many more. Kayum Mukhamedkhanov's speech only adds to more understanding of the role his father Mukhamedkhan Seitkulov played in fostering this sort of discussions that determined the future of the nation. His house was a center of education and culture. New ideas were born here. Here Kayum gave a brief description of his own life and creativity. It is clear to a reader that his parents played a significant role in nurturing Kayum as a human being and as a professional. Some notes in brackets make the text more clear to a foreign reader.

I would like to begin our talk about my family upbringing as it plays a great role in my spiritual development. I must note that I had a happy childhood. My father, Mukhamedkhan Seitkulov, was born in 1870. He was an educated and cultured man, interested in the history and culture of his people. He had the richest library that occupied a hall.

My father subscribed to many newspapers and magazines published in Kazakh, Russian, and Tatar languages. For example, in our home, one could read the first published magazine "Aikap", and the newspaper "Kazakh"; Tatar newspaper "Time", magazine "Shura" and many others. He also subscribed to the newspaper "Sariarka" and the magazine "Abai" both published in Semipalatinsk in 1917-1918. The "Abai" magazine was published on funding of merchants and Maecenas. My father funded the first issues of this magazine. He also funded the publication of the "Sariarka" newspaper. Mukhtar Auezov and Jusipbek Aimauitov established the magazine "Abai". It was soon closed down.
New books were added to the family library on a regular basis. Part of my father's collection included books on oral folk creativity, important classical books of the

world and Russian literature.

It is important to note that my father had the first published book of Abai's poetry. It was published in 1909 in St. Petersburg. The library contained Shakespeare, Shakarim's works "Kalkaman-Mamir" and "Enlik-Kebek" *(note: the latter is similar to Romeo and Juliet*). Such editions as "Kazakh mirror", "Genealogy of the Kazakhs, history of the Kazakhs and the Kazakh khans", "Book on religion of Moslems" were also part of his collection. There were too many books to list. One by one I worked my way through the volumes.
Multi-volume edition of the "Complete geographical description of our motherland" under editorship of the Russian scholar of oriental studies Semyonov-Tyanshansky was on the library shelf too. The 18-th volume of it was called "Kyrgyz lands". *(note: earlier they did not distinguish and call both Kazakhs and Kyrgyz under a common name "Kyrgyz").*
That volume published in 1903 was devoted to the history of the Kazakh people. One of the authors of this volume was a great representative of the Kazakh intelligentsia Alikhan Bukeikhanov, the future leader of the Party "Alash" and the head of the Government "Alash*"(note: these democratic and progressive people who formed the independent state and the government elaborated principles of autonomy for Kazakhstan, its constitution. But it was suppressed by the Soviets and they all perished in the massacre of 1937).*

Bukeikhanov depicted true history of the Kazakhs and their culture. I would like to cite some of his thoughts that help in better understanding of my people. He wrote the following:
"The Kazakh people in the quantity and the vast territory they occupy are in the first place among all Turkic people of the Asiatic continent and in the second place after Turks-Osmans on the earth" (p.199)."Kazakhs are the most cultured nation among all Turkic people of the Asiatic continent and no doubt they are in store of the best future. Their population is growing and it is open to cultural gains. One can judge on the culture of the Kazakhs by the nature of the language, ability and form for thought expression or richness of folk literature and the state of arts development" (p.203)

When speaking about the history of Kazakh literature, he wrote about Abai:
"Abai Kunanbaev's name should be named as a representative of new directions in Kazakh poetry. He is the author of many verses that are elegant in form and poetic in content, especially in his descriptions of nature. Abai is the author of excellent translations of Pushkin's "Eugene Onegin" and many verses of Lermontov. He made them understandable to the Kazakhs" (p.204).

It is clear from these quotes that Bukeikhanov could assess Abai's genius during his
lifetime with the merit that Abai deserves. Bukeikhanov was the first one to bring

the message on Abai to Russian speaking readers.
In Abai's obituary Bukeikhanov described Abai's life story and creative work for the first time in print. The obituary was published in the newspaper "Semipalatinsk leaflet" in 1905 and in "Notes of Semipalatinsk branch of Western Siberian branch of the Russian Emperor Geographical Society" (edition 3, 1907).
At the end of the obituary Bukeikhanov wrote:

"The originals of Abai's works, his translations of Pushkin, Lermontov, Krylov have been collected by his son Turagul and will soon be published by the Semipalatinsk branch of the Russian Emperor Geographical Society" with Bukeikhanov, editor.
As his works proved Abai was a poet of great force. He is the pride of the Kazakh people. There was no such a poet as Abai before. He put on the highest tops the spiritual creativity of his people. His beautiful verses on seasons can compete with verses of great European poets.
(Biographical data for this was collected by Abai's nephew - Kakitai).
Alikhan Bukeikhanov"

This sort of reading was in the library of my father. My father created a favorable atmosphere of intellectual spirit and insightful communication in the house. Prominent representatives of the Kazakh intelligentsia, scientists, people of literature and arts gathered in our house. Among them there were great representatives of the "Alash" Party: Alikhan Bukeikhanov, Akhmet Baitursunov, Mirjakip Dulatov, Mukhtar Auezov, Jusipbek Aimauitov, Sultanmakhmut Toraigirov.

When I was in the elementary school I was fortunate to study from textbooks written by Baitursunov and Dulatov. Baitursunov was a famous linguist who reformed Kazakh grammar.
I want to point out a specific attention to the fact that Mukhtar Auezov was one of the people closest to my father. He used to stay in our house with his friends in 20's. I remember well how he conducted rehearsals of his plays: "Enlik-Kebek" and "Karagoz" in my father's house. The strong and clear voices of the famous Kazakh singers and musicians Amre Kashaubayev, Isa Baizakov, Isain Janbirbayev often resounded throughout the house.
Shakarim and Abai's friend and follower Kokpai stayed in my father's house when they came to Semipalatinsk from steppe auls.

In 1928 a horrible time came to our people. First, confiscation of the cattle from bais (rich people) took place. It was then followed by forceful collectivization *(note: when all live stock was taken from people and put in a collective farms; more than one million people perished of starvation at that time).* Although hidden at the time, people are now aware of the starvation of a massive numbers of

Kazakh people in the 1930's.

Mass repression of the Kazakh intelligentsia took place in 30s. Baitursunov, Dulatov, Aimauitov, Auezov and others suffered in prisons. Many representatives of Kazakh intelligentsia perished at that time.

Repression of intelligentsia in 1937 dealt our family serious blows. My father Mukhamedkhan Seitkulov was arrested by NKVD on November 24, 1937 and on November 27 he was sentenced to death by three people *(note: any three signatures were enough at that tie to kill a person without a court).* He was shot on December 2,1937. (*note: NKVD – the first letters of these four words stay for the National Committee of Internal Affairs at that time. In 50-s it was renamed into KGB- Committee of State Security)*

I will stop now a little bit on my research, pedagogical and literary-creative activity.
When I was a student of the Philological Department of the Semipalatinsk Pedagogical Institute I was fortunate to study from such professors as Sovsun, Kokumbayev, Pereligin, Ismailov, Shashkin, Tsarevskaya, Malishev, and Struve. They not only transferred knowledge but they fostered a love of learning and involved us in the process of research.
I was invited to teach at the Department of the Kazakh language and literature upon graduation from the Semipalatinsk Pedagogical Institute.

In 1937 my first poetry was published in a local newspaper.1939 I began working closely under Mukhtar Auezov's supervision on my research on Abai and his literary school. Our collaboration and friendship continued until Auezov's death. In 1940 I published a series of articles on creativity of the poets, and composers who belonged to Abai's followers under the common title "Literary school of Abai". I was happy to find previously unknown handwritten manuscripts of Abai and to prove that they were in fact his, by doing research analysis of the text *(textological analysis).* Nine verses of Abai that I discovered were included in the "Complete Collection of Abai's Works" of 1945 edition. In the following decades I discovered more of Abai's poetry.

In 1940 I was admitted to the membership of the Writers' Union of the USSR. Also in that year I actively participated in establishing of the Abai's museum in Semipalatinsk where I worked first as the senior researcher. In 1947, when the museum was under the umbrella of the Academy of Sciences, I was appointed the museum director.
Also during that time period I was a plenipotentiary of the Writers' Union of Kazakhstan in Semipalatinskaya oblast .

In 1944 a competition on creation of the State Anthem of the Kazakh Soviet

Socialist Republic was announced. I participated. My text won and was approved by the competition commission. In 1945 it was approved by the Decree of the Presidium of the Supreme Soviet of the Kazakh Soviet Socialist Republic. Between 1945 and 1950-s I published eleven articles on literary school of Abai and the articles "Abai and Pushkin", "Abai and Lermontov", "Abai and Krilov" and others.

In 1951 I defended my dissertation on the topic "The Literary School of Abai" on Candidate of Sciences Degree. *(note: equals to PhD degree)*
In the 1950's there was another purge of the intelligentsia. A few months after defending my dissertation, on December 1,1951 I was arrested by MGB *(note: Ministry of State Security which later was renamed in KGB)*. I was sentenced to 25 years in prison.
I was released from imprisonment and fully rehabilitated after Stalin's death in 1955.

In 1955-1959 I published 11 articles on Abai and two monographs "Magaviya Kunanbaev" and "Textology of Abai's works".
In 1984 a collection of my plays was published. I will name only few of many published research works:

"Research-based Biography of Auezov"

"Biography and Textology of Bukhar jirau's works" *(note: jirau means poet)*

"Textology of works of Makhambet"

I edited the collection of works of Abai's follower Uais Shondibayev for publication and it was first published in 1988.

…During the last few years many prominent members of the Kazakh intelligentsia were rehabilitated, among them Shakarim, Baitursunov, Jumabayev, Aimauitov, Dulatov, Bukeikhanov. I prepared and published series of articles about their lives and work.

In 1918 Auezov and Aimauitov established a magazine "Abai" in Semipalatinsk. It was banned almost immediately after publication. Seventy years later, in 1992, we resumed publishing it in connection with 150-th anniversary of Abai. *(note: Kayum Mukhamedkhanov was a very modest person and he even did not mention that this was him who put the great effort to resume this magazine).*
...In short, this is my life route.

I retired in 1989 after having worked for more than 50 years at the Semipalatisnk Pedagogical Institute.
Currently the Auezov Institute of Literature and Arts of the National Academy of Sciences of Kazakhstan where I now work is preparing an academic edition of

Abai's works. I am also preparing for publication my research about Abai's students – his followers and the collection of their creative works.

Kayum Mukhamedkhanov
(beginning of 1990s of the 20-th century)

Note: Kayum Mukhamedkhanov was extremely modest person. He did not mention here that a lion portion of all that work, i.e. textological commentaries to 2-volume of Abai's verses and poems was done by him and it is based on his life-long research. That is why they invited him to Almaty to prepare this edition. Research/academic commentaries include but are not limited to explanation of Abai's usage of Persian, Arab, old Kazakh words, religious terms etc. Kayum gave proper explanation for correct understanding of Abai's works. Several editions distorted meaning of Abai's words by incorrect spelling or using instead quite opposite, ridiculous words- definitely not Abai's. They could not read his thoughts properly or comprehend what Abai meant, so wrote his complex ideas very simplistically. Often their interpretation was opposite of what Abai intended.

Note: "Abai's school, literary school of Abai, Abai's followers" is a unique phenomenon indeed. There are but few such schools in world literature. A large group of Abai's followers, who were poets, composers, fairy-talkers, young talented thinkers were united around Abai, taking his ideas and his spirit and developing them in their creative works. Both Abai's and their works were handwritten or by those who listened to them. Some were only preserved orally. Some did not survive. So, Kayum Mukhamedkhanov made trips to auls where Abai and his followers lived. He talked with elderly people, wrote down from what they recited, found manuscripts, researched them and by knowing canons of text analysis and peculiar language of each and every poet – he revealed and fixed what poem/verse/other big work is whose! Huge, unbelievable work! Besides, he wrote not only just biographies of all poets - Abai's followers but he wrote research-based biographies analyzing their creativity: why, how, based on what comparisons with Russian, world literature, Oriental motives/legends, folks, historical events of the past here and there this was written.

INTERVIEW with Kayum Mukhamedkhanov conducted by
Edil Assylbekov, journalist of the newspaper "Kazakhstanskaya Pravda":
April,1995

"A teacher deprived of students is a bitter widower" (Abai)

Kayum-aga, your life and creative route was not covered with roses. One can talk much about you. We would like to know about your recent activities.

In connection with the preparation of Abai's jubilee I was invited to work at the National Academy of Sciences in 1991.The Department of the Study of Abai was re-opened at the Institute of Literature and Arts, where I work as a senior researcher.

As my health and age allow I am helping researchers and publishers prepare an edition of the collection of the works of Abai. In particular, I have completed the work on textology (text analysis) of the two volume Abai's works with commentaries on each piece of work. These books contain previously unknown verses and translations of Abai. To tell you the truth, I suggested to publish full collections of Abai's works in four volumes with research commentaries. At the moment the decision is to publish only two volumes of Abai's works with research commentaries.

And when will we see these books?

The manuscripts are at the printers. Soon Abai's admirers will hold these books in their hands. Another book of Abai is under preparation in "Jalin" Publishing House. I participated in its preparation at the request of their publishers too. When the agency "People" published Abai's works my help was also needed.

I am an honorary chairperson but as well as contributing author of the magazine "Abai". This magazine was established in 1918 by Aimauitov and Auezov, but closed down the same year. In 1992, after more than 70 years, the magazine is again available for readers.

In relevance to the issue of undeservingly closed and unfairly repressed. **We know that you are a researcher, a writer, a scholar on literary study who never participated in politics. You devoted all your life to the study of Abai and for this you were imprisoned for political reasons. Your "crime" was that you supported Auezov's position on the study of creativity of Abai. You studied and implemented these ideas by defending the dissertation. You have been always courageous in striving for the ideas. Today is the time to implement the ideas of the remote youth.**

Now it may sound ridiculous that a researcher can be imprisoned simply for his or her literary philosophy, but it certainly happened. No other literary or historical analyses other than that of Marxist-Leninism were permitted. The book "Abai and His Followers" that Auezov and I prepared for publication was destroyed at the printers. A big campaign was organized around our "different mindedness." Auezov and I were accused of Pan-Islamism, Pan-Turkism, and other "incorrect" ideology. The prison cell instead of the professorial chair was my reward for my

scholarship. My research became my undoing.

Though I am old and many years have passed since my original work was denied publication, I am happy that my works are finally being published. Yet, how much more work remains! In 1993-1994 "Dauir" Publishing House agreed to publish the series "The Poets Who Followed Abai". These books consist of the materials on the life and work of Abai's sons: Akilbai, Magaviya, Turagul and other Abai's followers who are: Kakitai, Kokpai and Uais. The third book is at the printers. It highlights the life and creativity of Arip, Aset, Muka and Aubakir.

Justice has been restored but at what a price! The disputes on Abai himself continued until 1950-s regarding: "Is he contemporary? Is he a friend? Is he needed for the proletariat?" Abai used to be depicted as a huge tree that had grown on a lifeless soil with no roots, no fruit. But now all has changed. What is the state of one of the branches on Abai's study – on the School of Abai?

In theory the importance of studying Abai's creative surrounding, his students and followers is not questioned. At the same time no one studies it to the rigorous standard of modern literary scholarship. Moreover, the fate of Abai's works today is not a concern of the so-called "researchers". Can you imagine how I could feel when some of them suggested to leave all as it was in several editions, meaning to continue publishing Abai's works with mistakes and distortions? The only argument being that this has become familiar to a reader?!...Can you imagine that this is suggested by those "researchers" now, after decades of my painstaking analysis of Abai's texts, correcting misspelled words, adding deleted ones, and checking all punctuation? Accuracy is not important to them.

It is obvious, if Abai were alive he would not be happy with his works that had been published with distortions and mistakes. Saying nothing about the translations of Abai's works in Russian. Translations of Abai can not be mastered by mature and young poets-translators. Translations did not achieve the level of the original. Moreover, they have not even approximated them. Let us put the question more broadly: Do you think if Abai would be satisfied with the life, manners, moral of our citizens today?

Definitely not. Where are those ideals for which Abai called his compatriots? Have moral standards improved since his time? The same failings Abai criticized so strongly with such anguish live on. Idle talk, bragging, arrogance, hypocrisy, envy, laziness, "honoring" titles, careerism, selfishness, and many other faults flourish like weeds in society today. Nowhere near disappearing, some have changed shape and style, but not substance. I do not want to say that this is true of every individual in society, but it is clear these vices still play a very influential role in society today.

Why is it so that these negative traits of inner world of people did not

disappear many years after Abai's death?

There are many reasons for this. Philosophers, politicians, historians, sociologists, psychologists expressed their professional views on it. I will say the following. We talk much about Abai, especially at the eve of his every anniversary. Some in our society want to turn him into an idol, another ideology, just as was done with the classics of Marxist-Leninism. And still many do not know Abai, do not read him. And if they don't – they can not see their own and others' shortcomings as clearly as Abai saw them.

One should not have to "show off the love" for Abai. It s enough to know him and to aspire for the ideals that he called us to. A person who mastered Abai, can check his step with him and overcome difficulties of life easily. One does not need other moral codes. We need more people with deep understanding of Abai. Today when sharp changes in moral criteria have taken place, when many have turned the wrong way at the crossroads of modernism, Abai's words are even more important to use for guidance in these confusing, shifting times.

Kayum-aga, we began our talk about Abai's jubilee. Let us conclude with it too.

Let us all of us and especially the youth know that their great contribution to the jubilee is in understanding Abai and studying his heritage. I strongly believe in the following: the time will come when talking about Abai's followers we will consider not only those who saw him, heard his wisdom, listened to his truth in his life time, but we will also consider all grateful posterity, many generations to come. Only then one can say that Abai's dream come true and he is not "a teacher without students."

***

Abai's poetry translated by Dina Mukhamedkhan
in 1993-1994:

Look deeper into the treasures of your soul
Be your own self:
I am a mystery for you: I myself and my path
You must know, posterity, the route I have opened to you.
I suffered mush for the sake of you

So do not judge me harshly.

***

Undying words you are leaving to the world
Then can one say: “You’ve turned into dust?”

***

Poetry is the governor of language
Genius creates wonders even from stone
The heart gets warmer if speech is light
And the ear is caressed by the beauty of the language

***

Childhood has gone
And you have not realized it.
Happy days are lost.
Youth has gone.
Aren’t you sorry it can’t be retained?

Now you meet old age.
Didn’t you expect it?

May be you were inconstant in your life?
Perhaps you betrayed yourself?
Unhappy one, you might die
Like the baby camel
Which never left the barn.

1895

***

My soul will never blossom
Let the sun shine, let the moon appear!
You’re the only one I love in the whole world,
Innumerable are men in love with you.
I tolerate my sweetheart’s pranks
Even if she is unfaithful - I won’t stop-loving
But if she makes fun of me – I’ll order my passionate heart to cool.

1899

***

I nurtured the dog from puppy
And I've known its teeth
I taught the archers the art of marksmanship
And I myself have become their target.

1899

***

Language

Beginning in Eternity, making our hearts anxious
You make us think:
You are the wise man of life- vigilant eyes.
You start a song – the soul is in a blossom
You flame, lightening the way.
Language, you express the world. Sing your song!
All the words are flowers
Their art is unknown only to the insensitive.
The sea is a poem too
In the depth of the soul there are many pearls
Empty heads and deaf eyes can't perceive the secret of your depth
If there is no belief, then there is no truth
And all efforts are without knowledge
The ignorant doesn't know respect
He is not afraid of doing evil
He will only be obedient to the powerful
Stay aloof, language, because the two –faced and the deaf
Are not able to know your majesty.

1899

(The Russian poetic version of this poem was done by Karligush Mukhamedkhanova)

***

Falcon and a tiny bird

The majestic falcon flaps from its nest
Flying high in the sky it was searching for its prey
Suddenly a tiny bird appeared, taking from the grass
Merrily singing she started skyward
Then the bird of prey grasped it
The falcon rapidly flew up in the sky, carrying her to its nest.

The little bird began a clever speech:
– Am I really the dinner you deserve?

I'm neither a duck nor a goose
And I'm not afraid of death
Though very short was my life
You are dirtying your claws with me
And slaves' food is not substantial to satisfy your hunger
I'm not appropriate for you.
Yes, life's wisdom was in her speech:
When powerless ones obediently bear the hardest yokes
Can one consider it a feat,
When a majestic one is to capable of falling so low
And that falcon defeated,
He freed the bird.
Clever words and the power of language
Save, win, and triumph always.

1898

(The poem was discovered by Kayum Mukhamedkhanov in 1951)

***

Unless you know – keep silent.
Unless you are certain ----- keep silent.
Do not search for amusement in aimless days and nights
In order to be a human being and seize the day
You are to overcome five things
And you are to choose five things.
Backbiting, falsehood, boasting, idleness and wastefulness---
They are your five enemies. You must learn this.
But reason and kindness, persistence, modesty and industriousness
Will not betray you. Trust them.
Be pure. Shun malice.
Aspire for pure actions.
The mind should live by kindness.
Through you have not become intellectual –
You have chosen a different lot.
But nonetheless the foundation of your true life route
Is in thirst for knowledge.
Do not say: "I can't. I won't be able to."
Aspire for knowledge with all your soul,
You will attain it.
If you are stranger to knowledge
You will extinguish the spark of soul.
You will find wealth, happiness, peace through mastering knowledge.

Follow its good light.
Weigh everything yourself and consider
What wise and foolish people say.
Be faithful to deep thought.
Do not believe rumors!
Live striving for the truth.
Let vulgarity be impudent and rough,
The easier it is to fight with it.
Be modest, do not talk too much.
Everybody goes to the fair to buy something
Potter, baker and copper-smith are selling their wares
Pearls are for one person's preference
Whereas others prefer bread
Whatever a person finds depends on his soul
The old and the poor are eager to satisfy their desire
The bazaar gives what you can afford
But the pearls of my words are not accessible for you everybody
The meaning of my words may seem difficult even to the wise and the old
Many dislike my gift for words
Because of this can my pearls turn into vapor?
Not everyone likes what I say – let it be
But many souls will be affected by many words
Ponder my words, young and old
And take my modest gift.
"Do not give a pearl to a dog"---wisdom says.
Even a schoolchild knows this proverb.

1886

***

Poetry is the governor of language
Genius creates wonders even from stone
The heart gets warmer if speech is light
And the ear is caressed by the beauty of the language

***

Be your own self
Look into the depth of your soul
You will find treasure there
Keep it
Do not discard it

***

I nurtured the dog from puppy
And I have known its teeth.
I taught the archers the art of marksmanship
And I myself have become their target

***

The speech of the beloved does not know words.
Love's language is this:
Eyebrow moves
Slightly eyes flash
The question or answer is this.
I remember I also talked in this manner
And the language was clear to me,
That language…
But the memory is vanished…
I have forgotten it.

НА ОБЛОЖКЕ КНИГИ

Каюм Мухамедханов (1916-2004) – выдающийся ученый, абаевед, сподвижник М.Ауэзова, член Союза писателей СССР с 1940 года, основатель музея Абая в г.Семипалатинске (1940г.), автор текста первого Государственного Гимна Казахской ССР 1945 года (музыка М.Тулебаева), Лауреат Золотой Медали Международной Академии Абая (Лондон,1995г.), Лауреат Государственной премии Республики Казахстан (1996 г.), первый первый Лауреат Международной премии Абая Союза писателей Казахстана (1996г.), первый Лауреат Международной литературной премии «Алаш» Союза писателей Казахстана (1996г.), общественный деятель, писатель, поэт, драматург, переводчик, педагог.